

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РОССИИ И РЕГИОНОВ**

сборник научных трудов

Выпуск II:
миграции населения

Екатеринбург
2018

УДК 94(470):314(470)
ББК 63.3(2)+60.75

Рекомендован к печати

Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Редакционный совет серии:

чл.-корр. РАН В. А. Ламин, докт. ист. наук Е. Т. Артемов,
докт. ист. наук И. Л. Жеребцов, докт. ист. наук В. Б. Жиромская,
докт. ист. наук А. Е. Загребин, докт. ист. наук В. А. Зверев,
докт. ист. наук В. А. Исупов, докт. ист. наук Г. Е. Корнилов.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук Г. Е. Корнилов (отв. редактор),
докт. ист. наук В. А. Журавлева, канд. ист. наук Е. Ю. Баранов,
канд. ист. наук Н. А. Михалев

Рецензенты:

докт. ист. наук А. В. Сперанский, докт. социол. наук А. И. Кузьмин

Демографическая история России и регионов: сборник научных трудов. Выпуск II: миграции населения / редкол.: Г. Е. Корнилов (отв. ред.) [и др.]. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2018. — 238 с.

ISBN

Настоящий сборник научных трудов продолжает серию публикаций, посвященных актуальным и малоисследованным проблемам демографической истории России и ее регионов. Второй выпуск посвящен истории миграции населения с XII до начала XXI в., ее форм, векторов, масштабов, роли в формировании населения российских регионов.

В сборник вошли статьи ученых из различных городов России, ведущих исследования по актуальным ныне проблемам демографической истории нашей страны. Материалы сборника адресованы научным работникам, преподавателям высшей и средней школы, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется проблемами исторической демографии.

© ИИиА УрО РАН

© авторы

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. В. Канищев, Н. А. Жиров.</i> Эвристические возможности изучения миграционных процессов в российском аграрном обществе XVII — первой четверти XX веков на микроуровне	4
<i>В. Н. Никулин.</i> Отхожие промыслы в жизни новгородских крестьян (вторая половина XIX — начало XX века)	19
<i>J. Rowson.</i> Population mobility in Perm' province: 1870–1914	33
<i>А. Ю. Федотова.</i> Миграции населения ТАССР в условиях голода в 1921–1923 гг.	60
<i>В. А. Исупов.</i> Миграции населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	74
<i>В. Т. Сакаев.</i> Эвакуационные процессы в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические аспекты	97
<i>Н. В. Чернышева.</i> Миграции населения Кировской области в предвоенный период в годы Великой Отечественной войны	108
<i>Н. Н. Аблажей.</i> Советская послевоенная политика в области реэмиграции: подходы и практика	120
<i>Н. А. Араловец.</i> Миграции и межэтнические браки в городах РСФСР, конец 1950-х гг.	140
<i>О. Р. Хасянов.</i> Эволюция численности населения в послевоенной средневолжской деревне (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей)	155
<i>С. Н. Уваров.</i> Причины миграции населения Удмуртии (по материалам Всесоюзной переписи 1970 года)	171
<i>О. М. Вербицкая.</i> Миграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на демографический состав населения России (1990-е гг.)	183
<i>Г. Е. Корнилов.</i> Восточный поворот: миграции населения на Урал и с Урала в XX веке	198
<i>М. Ю. Тараканов.</i> Особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000-х гг.	227
Список сокращений	237

В. В. Канищев, Н. А. Жиров

**ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОМ
АГРАРНОМ ОБЩЕСТВЕ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XX ВЕКОВ НА МИКРОУРОВНЕ**

УДК 94(470) «16/19»:314.7

Предметом статьи явился информационный потенциал источников, отразивших миграционные процессы в российском аграрном обществе на микроуровне. Целью публикации явился анализ эвристического потенциала редких пока статей о микромиграционных процессах и представление коллегам своего опыта изучения таких процессов на основе первичных источников, математических методов, с использованием информационных технологий. Показано значение разнообразных групп источников (писцовых книг, ревизских сказок, метрических книг, различных списков учета конкретных переселенцев и отходников) для понимания конкретных причин выселения с мест проживания, социально-демографических и экономических последствий переселения или длительного отхода, других фактов и явлений, не отразившихся в агрегированных источниках мезо- и макроуровней. Определены возможности конкретного представления (вплоть до отдельных населенных пунктов) мест выселения и вселения служилых людей, оборонявших юг России в XVII в., помещиков и крестьян, организаторов и участников земледельческих переселений, представителей разных сословий, включавшихся в промысловый отход, переселявшихся в города и торгово-промышленные села. Представлены возможности изучения не только позитивных итогов переселений, но и обратных миграций (возвращений) в родные места. Главным результатом статьи стал опыт сравнительного анализа работы историков разных регионов, посвященных миграционным процессам на микроуровне. Анализ показал готовность квалифицированных историков делать типологические выборки, которые позволяют переносить наблюдения микроуровня на более широкой уровень.

Ключевые слова: *аграрное общество, миграции, первичные источники, эвристический потенциал, информационные технологии*

История миграционных движений в России в целом и на региональном уровне изучена весьма широко. Достаточно сказать, что на последней сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы миграционная тематика была специально определена как приоритетная на одной из секций (вторая половина XIX — начало XX в.), присутствовала на пленарном заседании и остальных секциях. В общей сложности эту тему затронули более 40 докладчиков. Явно преобладали подходы, направленные на изучение колониционных и переселенческих процессов в масштабах больших регионов России. Не более чем в 5 выступлениях миграционные процессы рассматривались на уровне отдельных поселений, семей, людей.¹

Хотя такое историографическое явление пока наблюдается редко, сам подход к его изучению представляется очень плодотворным. Опыт исследования миграций на микроуровне путем вовлечения в научный оборот первичных источников и современных методов их обработки показывает возможности раскрытия различных исторических явлений, которые не отразились в агрегированных, главным образом статистических, источниках более высокого уровня.

Задачу своей статьи мы видим в анализе эвристического потенциала таких редких статей и представлении коллегам своего опыта изучения миграционных процессов в российском аграрном обществе на микроуровне.

Мы ограничили начальные хронологические рамки нашего исследования XVII в. по той причине, что именно тогда появились массовые первичные источники, позволяющие изучать микромиграционные процессы.

В частности, в докладе на аграрном симпозиуме самарский историк Э. Л. Дубман на первичных материалах Поместного приказа показал возможности реконструкции численности и состава конкретных групп переселенцев из приграничных уездов Среднего Поволжья в Азов в 1697–1698 гг., определения их обеспеченности пахотными землями, сенокосами в местах выхода,

¹ См.: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докл. и сообщ. (Уфа, 20–23 сентября 2016 г.). М., 2016.

а также распределения и заселения их бывших владений после перевода на юг.²

История Тамбовского региона, как и других территорий юга Центральной России, уже упомянутого Среднего Поволжья, заселявшихся русскими с конца XVII в., изначально обеспечена достаточно качественными первичными документами. Прежде всего, речь идет о писцовых книгах 1610–1680-х гг. В изученных тамбовскими и елецкими историками книгах Ливенского, Елецкого, Козловского, Тамбовского уездов выявлены данные о местах выхода служилых людей, помещиков, беглых крестьян на тогдашний юг России вплоть до конкретных населенных пунктов и монастырей. Установлена роль местных воевод в регулировании миграционных процессов. Историки и краеведы смогли установить даже имена конкретных людей, мигрировавших на данную территорию в середине XVII в.³

Такие данные можно сравнивать с материалами писцовых книг прежних мест обитания переселенцев, увидеть конкретные изменения в их социально-экономическом положении. В исследованиях на микроуровне виден даже перенос традиций предыдущей среды обитания. Так, тамбовский краевед, магистр истории А. Н. Литовский детально показал, как переселенцы из торгово-промышленного села Морша (основано в конце XVI в. в среднем течении реки Цны) и его окрестностей в конце XVII в. основали в ста с лишним километрах южнее село Рассказово (даже название было дано по имени одного из переселенцев), которое быстро превратилось в крупный локальный центр промыслов

² См.: Дубман Э. Л. Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. С. 61.

³ См.: Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011; Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI — первой трети XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к междунар. науч. конф. (г. Москва, 21–23 ноября 2013 г.). М., 2013. Вып. 3. С. 283–288; Мизис Ю. А. Воевода Московского царства: (Р. Ф. Боборыкин на гос. службе). Тамбов, 2012; Он же. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках: учеб. пособие. Тамбов, 1990; Он же. Поиски беглецов на южной границе России в 30–40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда) // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (150). С. 37–46; Муравьев Н. В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1989.

и торговли. Историк также показал, что в начале XIX в. переселенные графами Шереметевыми в данное село крестьяне из с. Богородицкое Нижегородской губернии принесли с собой традиции кожевенного промысла.⁴

Значительные возможности для изучения «низовых» миграционных процессов дают первичные материалы подушных переписей (ревизские сказки), которые показывают места вывода, покупки, дарения крестьян тамбовских и соседних помещиков, организованного переселения государственных крестьян, перемену мест жительства городскими мещанами и купцами.

Обобщая данные разнообразных первичных источников, В. Л. Дьячков показал конкретные пути заселения Тамбовского региона в XVII — первой трети XIX в. из рязанско-московских пределов с севера, из орловско-курских пределов с запада, рязанско-владимирско-нижегородских пределов с северо-востока. Источники позволили определить постепенность заселения конкретных зон региона, смену переселенцев-добровольцев служилых людей на переводимых помещиками крепостных, а также дальнейшее заселение региона из переполненных старых при-тамбовских служилых сел в южную часть территории тамбовских уездов. Очень интересен вывод В. Л. Дьячкова о том, что в результате миграционных процессов в юго-восточной части Тамбовской губернии к концу XIX в. образовался перенаселенный «демографический мешок», ограниченные социально-географические возможности выбраться из которого порождали повышенную агрессивность крестьянского населения, становились причинами его крупных протестных выступлений вплоть до крестьянского восстания 1920–1921 гг. («Антоновщины»).

Комплексный анализ метрических книг, ревизских сказок, исповедных ведомостей позволил тамбовским исследователям Э. А. Морозовой и М. К. Акользиной показать конкретные последствия миграционного пополнения торгово-промышленных сел и городов. Э. А. Морозова установила, что в торгово-промышленном

⁴ См.: Литовский А. Наброски к истории г. Рассказово. 2010. 12 февраля. URL: <http://g31.tmbreg.ru/5969.html> (дата обращения: 15.02.2018).

⁵ См.: Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 118–141.

селе Рассказово уже в середине XIX в. в результате миграций более 10 % составило некрестьянское население, главным образом из соседнего губернского города Тамбова. Это было совершенно нетипичным явлением для тамбовских земледельческих поселений. М. К. Акользина определила конкретные пути миграций купцов, мещан, крестьян разных губерний в Моршанск Тамбовской губернии, ставший в конце XVIII в. одним из крупнейших речных хлебных портов России, который притягивал тысячи людей, занятых хлебной торговлей, на постоянное или сезонное жительство.⁶

В совместной статье В. В. Канищева и Э. А. Морозовой на основе материалов ревизских сказок 1850–1858 гг. показан процесс выселения из Рассказовской волости государственных крестьян. Авторы выяснили конкретные причины и направления переселенческого движения крестьян отдельных поселений на уровне семей. Микроанализ позволил установить социально-демографические факторы, вызвавшие переселение этих групп населения, явную земледельческую направленность миграционного процесса.⁷

Примерно такой же подход предложил марийский историк А. А. Соловьев, который на основе прошений и ходатайств крестьян конкретных поселений Уржумского и Яранского уездов в Вятское губернское по крестьянским делам присутствие установил причины выселения, новые места жительства и обстоятельства обустройства переселенцев. Наблюдения А. А. Соловьева показывают, что крестьяне Заволжья, как и Центральной России, переселялись сначала на Южный Урал, а затем в Западную Сибирь.⁸

⁶ См.: Акользина М. К. Моршанск — хлебный порт России (середина XVIII — середина XIX в.). Тамбов, 2011; Морозова Э. А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в.: на примере села Рассказово Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

⁷ См.: Канищев В. В., Морозова Э. А. Микромиграционные процессы в среде государственных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в. (по материалам выселок с. Рассказово) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы междунар. конф. (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 162–167.

⁸ См.: Соловьев А. А. Кризис трехполюя и аграрные переселения в Марийском крае в конце XIX — начале XX в. // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. С. 139–142.

Огромные возможности для изучения миграционных процессов на микроуровне дают совместные исследования мест выезда и мест вселения «объектов» изучения историками из разных регионов. В частности, об этом говорят результаты проекта тамбовского и барнаульских историков, посвященного микромиграционным процессам — переселениям из Тамбовской губернии в Алтайский округ. В ходе этих совместных исследований были выявленные конкретные места выезда и вселения, конкретные переселенческие семьи, что позволило говорить о «живых» результатах переселения, невидимых с высоты агрегированных статистических данных макроисторического уровня. Во-первых, были установлены конкретные показатели улучшения условий ведения крестьянского хозяйства бывшими тамбовскими крестьянами на Алтае. Во-вторых, было обнаружено ранее неизвестное демографическое явление: преобладание девочек в семьях тамбовских мигрантов в Алтайский округ, которые на родине были «избыточными» невестами, а в «переполненной» мужчинами сибирской земле почти все нашли женихов и вышли замуж.⁹

Определенные возможности для изучения трудовой миграции на микроуровне (до волостей и отдельных поселений) дают материалы учета крестьян отходников и переселенцев второй половины XIX — начала XX в. В частности, Тамбовская исследовательница О. С. Зарянская на основе анализа паспортных книг Москвы конца 1860-х — начала 1870-х гг. определила, что проживавшие во «второй столице» выходцы из Тамбовской губернии предпочитали селиться не на рабочих окраинах, а в центре города, подыскивая себе работу в качестве дворников, горничных, кухарок и т. п.¹⁰

⁹ См.: Владимиров В. Н., Канищев В. В. Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX — начала XX в. (Тамбовская губерния — Алтайский округ)»: первые итоги реализации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2002. № 30. С. 193–195; Владимиров В. Н., Силина И. Г. Масштабы переселения Тамбовских крестьян в Алтайский округ, конец XIX в. // VIII Державинские чтения. Экономика. Юриспруденция. История. Социальная работа. Социология: материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2003. С. 134–135; Канищев В. В. Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880-е — 1910-е гг. (поселенный и волостной уровни) // Российское крестьянство в XIX–XX вв. Тамбов, 2004. С. 80–102; Силина И. Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг. (Источники и методы исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

¹⁰ См.: Зарянская О. С. Миграция тамбовских крестьян по данным паспортных книг г. Москвы // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 145–149.

Костромской историк О. В. Смулова, изучая отход крестьян в Петербург, проанализировала «Сведения о лицах, отлучавшихся на посторонние заработки в гг. Москву и Санкт-Петербург в течение 1898, 1899, 1900 гг. по Плещеевской волости Солигаличского уезда». Документ позволил установить такие важные характеристики отходников, как возраст, профессии в отходе, заработки и другие характеристики, которые не содержат агрегированные источники.¹¹

Более широкие сведения содержит книга земского статистика И. И. Молессона об отхожих промыслах во всех волостях Тамбовской губернии самого конца XX в.¹² Источник позволяет увидеть направления длительного отхода за пределы губернии, так сказать, предмиграции. Анализ материалов этого издания позволил выявить случаи такого отхода, когда получатели временных паспортов не возвращались домой по несколько лет, зачастую проживали в новых местах с семьями, фактически превратившись в мигрантов. Такой отход зафиксирован почти во всех уездах Тамбовской губернии. Но в каждом из них он проявлялся в меньшей части волостей. Практически везде исчислялся единичными селениями и сотнями, а то и десятками человек.

Сведения И. И. Молессона о направлениях длительного отхода в первую очередь показывают разнообразие направлений «предмиграции». На первом месте стояли губернии Центра России, главным образом Московская. Привлекательными для тамбовских отходников были также южное направление (особенно Северный Кавказ, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия), Среднее и Нижнее Поволжье, Донбасс, Петербург. С другой стороны, в источнике нет упоминаний о длительном отходе в замосковский север Европейской части России, в бессарабские, польские, белорусские и прибалтийские губернии.

При указании мест вселения участников длительного отхода на Юге России, особенно в Области Войска Донского и Кубанской области, порой прямо указываются казачьи станицы,

¹¹ См.: Смулова О. В. Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в столицу (XIX — начало XX в.) // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. С. 142–144.

¹² Молессон И. И. Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах Тамбовской губернии в 1899 году. Тамбов, 1901.

где требовались сравнительно дешевые рабочие руки неместных крестьян. Возможно, кому-то из тамбовских крестьян показалось более привлекательным жить в качестве сельскохозяйственных рабочих на юге, нежели «маяться» с собственным малоземельным хозяйством в менее благоприятных условиях средней полосы России.

Интересен набор упоминающихся профессий участников длительного отхода. Фактически переселившиеся на новые места к концу XIX в. недавние тамбовские крестьяне были востребованы в наибольшей мере опять-таки в сельском хозяйстве и на малоквалифицированной работе в сфере неземледельческих занятий.¹³

Определенные возможности для изучения обратной миграции конкретных семей на родину дают материалы метрических книг начала XX в. Так, по материалам нескольких приходов Орловской губернии выяснилось, что маленькие дети возвращенцев подлежали перерегистрации. В ряде метрических книг выявлены вставные листы, являвшиеся выписками из метрических книг мест «неудачного» переселения. Самое большое количество выписок из других метрических книг было обнаружено в документах Богоявленской церкви с. Навесного Ливенского уезда. Типичным примером может служить выписка из метрической книги Николаевской церкви поселка Яковлевского Бахмутского уезда Екатеринославской епархии за 1910 г.: «Октябрь. 141/-. 1/9 (даты рождения/крещения). Иван.

Родители: Орловской губернии, Ливенский уезд, Навесненская волость, того же села крестьянин Павел Константинович Ашихмин и его законная жена Дарья Афанасьевна. Оба православного вероисповедания.

Восприемники: Той же губернии и уезда, Борковской волости села Дубовца крестьянин Афанасий Иванович Сухоров и Гатищенской волости села Казинки крестьянка Ксения Васильевна Черникова. Оба православного вероисповедания».¹⁴

¹³ См.: Канищев В. В., Иванов Д. П. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 309–319.

¹⁴ ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2874. Л. 43.

Для Тамбовской губернии середины 1920-х гг. выявлены данные по миграции из волостей Тамбовского уезда, который в этом отношении был типичным для губернии. Количество участников разных форм миграции в сельских поселениях уезда составило более 6,5 тыс. человек, что можно считать немалым числом для того времени, когда власти только разрешили дальние переселения. Эти данные свидетельствуют об очевидном восстановлении дореволюционной миграционной парадигмы, 95 % переселенцев, как и в столыпинский период, выехало в Сибирь. При отсутствии точных данных о сибирских местах вселения можно предполагать, что это были лесостепные регионы с близкими тамбовским крестьянам природными условиями, пригодными для земледельческого хозяйства.

О преобладании земледельческой направленности миграционного движения в Тамбовском уезде середины 1920-х гг. говорит и значительное число миграционных перемещений внутри Тамбовской губернии — около 1,5 тыс. случаев переселения, причем половина из них внутри своей волости. В дореволюционный период такие перемещения были возможны только в период столыпинской аграрной реформы и, соответственно, при условии регулирующего вмешательства государства в общинные дела. Советские власти, организуя землеустроительные работы, связанные с переселениями жителей крупных сел в новые мелкие поселения, фактически возвращались к такой политике.¹⁵

Не менее интересны хранящиеся в Государственном архиве Липецкой области материалы Елецкого уездного земельного управления, посвященные переселению граждан Елецкого уезда в 1920–1921 гг. в сибирские области страны. Источники представляют собой именные посемейные списки переселенцев, сформированные по волостям и населенным пунктам. Даже при определенной неполноте данные материалы позволяют сделать ряд интересных наблюдений. Во-первых, очевидно, что сразу после окончания Гражданской войны крестьяне одного из типичных земледельческих уездов вновь проявили стремление к переселению в Сибирь. Во-вторых, количественные сведения

¹⁵ См.: Канищев В. В., Иванов Д. П. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в.

источников говорят о сравнительно небольших масштабах переселения — сотни людей на одну волость, как правило, десятки на один населенный пункт.¹⁶ В-третьих, документы позволяют выяснить места вселения крестьян Елецкого уезда.

Таблица 1

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ ИЗ ЕЛЕЦКОГО УЕЗДА
В 1920–1921 ГГ.¹⁷

Волость	Населенный пункт	Число жителей	Место вселения
Верхне-Дрезгаловская	с. Суворовка	110	Томская губерния
Верхне-Дрезгаловская	с. Суворовка	102	Семипалатинская область
Верхне-Дрезгаловская	с. Слобода Засосенская	394	Акмолинская губерния
Извальская	д. Колесово	155	Енисейская губерния
Казинская	с. Солдатское	93	Иркутская губерния
Каменская	с. Каменское	175	Томская губерния
Каменская	с. Яблоново	120	Енисейская губерния
Ламская	с. Аргамач-Пальна	58	Томская губерния
Ламская	с. Аргамач-Пальна	103	Семипалатинская область
Сергиевская	д. Дегтярка	66	Томская губерния
Сергиевская	с. Голиково	54	Томская губерния
Сергиевская	д. Вороново	211	Томская губерния
Сергиевская	д. Сидоровка	80	Томская губерния
Соловьевская	с. Суслово	60	Томская губерния
Становлянская	с. Телегино	127	Томская губерния
Стегаловская	с. Грызлово	145	Семипалатинская область
Стегаловская	с. Свишни	27	Томская губерния
Стегаловская	с. Свишни	64	Алтайская губерния
Стегаловская	с. Стегаловка	320	Томская губерния
Суворовская	д. Голикова	115	Томская губерния

¹⁶ ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 441. Л. 175.

¹⁷ Там же. Л. 309.

Волость	Населенный пункт	Число жителей	Место вселения
Суворовская	с. Голиово	54	Томская губерния
Суворовская	с. Ерилово	129	Омская губерния
Суворовская	с. Новый Ольшанец	129	Томская губерния
Суворовская	с. Слобода Задонье	143	Семипалатинская область
Суворовская	с. Слобода Задонье	37	Томская губерния
Суворовская	д. Суворовские Выселки	72	Томская губерния
Суворовская	с. Черкасы	110	Томская губерния
Тербунская	с. Новосильское	143	Енисейская губерния

Материалы таблицы в очередной раз говорят о том, что для крестьян Центрального Черноземья наиболее привлекательной территорий для начала новой жизни по-прежнему являлась Томская губерния (особенно Алтайская губерния, являвшаяся до 1920 г. одним из томских округов), куда переехало 1 879 елецких переселенцев (более 55 % от общего числа мигрировавших). Наименее привлекательной оказалась Иркутская губерния (всего 93 переселенца, менее 3 %).

Интересны пусть и нечастые свидетельства того, что жители одной деревни переселялись в разные губернии. Это можно оценивать как отход от абсолютной общинной солидарности, от примитивных действий «скопом».

Заключая, отметим, что изучение миграционных, как и любых других исторических процессов, на микроуровне ставит ряд методологических вопросов. Прежде всего, это вопрос полноты и представительности малых выборок исторических данных. В данной статье мы постарались привлечь сопоставимые работы историков разных регионов, сравнительный анализ которых показывает схожие результаты. Это говорит о готовности квалифицированных историков делать типологические выборки, позволяющие переносить наблюдения микроуровня на более широкий уровень.

В изучении миграционных процессов можно использовать специальные математические методы. В частности, наш опыт использования фрактального моделирования применительно

к естественному движению населения показывает, что выборочные массивы данных можно распространять на более широкие тождественные явления (фракталы — это тождества). Отчасти мы уже убедились, что помощью данного метода можно изучать и механическое (миграционное) движение населения.¹⁸

Наконец, полезным мы считаем создание баз данных конкретных мигрантов, включающих сведения об их положении в местах вывода и местах вселения.¹⁹

Канищев Валерий Владимирович — д.и.н., профессор кафедры всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет (г. Тамбов)
E-mail: valcan@mail.ru

Жиров Николай Анатольевич — к.и.н., старший преподаватель кафедры истории и археологии, Елецкий государственный университет (г. Елец)
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Valery V. Kanishev — Doctor of Historical Sciences, Professor, Tambov State University (Russia, Tambov).
E-mail: valcan@mail.ru

Nikolai A. Zhiron — Candidate of Historical Sciences, Yelets State University (Russia, Yelets).
E-mail: zhiron-nikolai@mail.ru

HEURISTIC POSSIBILITIES OF STUDYING MIGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN AGRARIAN SOCIETY OF THE 17TH — FIRST QUARTER OF 20TH CENTURIES AT THE MICRO LEVEL

The subject of this article is the information potential of sources, reflecting the migration processes in the Russian agrarian society at the micro level. The aim of the article is to analyze the heuristic potential so far rare articles on micro migration processes and providing colleagues with our experience of studying such processes on the basis of primary sources, mathematical methods, with the use of information technologies. The authors demonstrate the importance

¹⁸ См.: Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Фрактальное моделирование историко-демографических процессов. М.; Тамбов, 2011.

¹⁹ См.: Зарянская О. С. Миграция тамбовских крестьян по данным паспортных книг г. Москвы. С. 145–149; Канищев В. В., Лазарева О. В. База данных о переселенцах из Тамбовской губернии в Алтайский округ // VIII Державинские чтения. Экономика. Юриспруденция. История. Социальная работа. Социология: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2003. С. 130, 131.

of different groups of sources (cadastres, revizskye skazky, parish books, various lists of specific migrants and seasonal workers) for understanding the specific reasons for the eviction from places of residence, socio-demographic and economic implications of resettlement or a long otkhod, other facts and phenomena, not reflected in the aggregated sources of meso- and macro- levels. The paper identifies opportunities for specific presentation (down to individual settlements) of eviction and installation of serving class people defended the South of Russia in the 17th century, landowners and peasants, the organizers and participants of agricultural resettlement, representatives of different social estates engaged in the “commercial otkhod”, moving to the cities, trade and industrial villages. The authors show the possibilities of studying not only the positive outcomes of migration but also the reverse migration (returns) to one’s home. The main result of this paper is a comparative analysis of the work of historians from different regions devoted to the migration processes at the micro level. The analysis showed the willingness of qualified historians to extend their surveillances made at the micro to a broader level.

Keywords: *agrarian society, migration, primary sources, heuristic potential, information technologies*

Список литературы

Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (Уфа, 20–23 сентября 2016 г.). М., 2016.

Акользина М. К. Моршанск — хлебный порт России (середина XVIII — середина XIX в.). Тамбов, 2011.

Владимиров В. Н., Канищев В. В. Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX — начала XX в. (Тамбовская губерния — Алтайский округ)»: первые итоги реализации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2002. № 30. С. 193–195.

Владимиров В. Н., Силина И. Г. Масштабы переселения Тамбовских крестьян в Алтайский округ, конец XIX в. // VIII Державинские чтения. Экономика. Юриспруденция. История. Социальная работа. Социология: материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2003. С. 134–135.

Дубман Э. Л. Перевод служилых людей в Азов и другие города европейского Юго-Востока в конце XVII в. и изменения в структуре землевладения и социальном составе населения пограничных уездов Среднего Поволжья // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной

Европы: тезисы докладов и сообщений (Уфа, 20–23 сентября 2016 г.). М., 2016. С. 61–63.

Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 118–141.

Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Фрактальное моделирование историко-демографических процессов: монография. М.; Тамбов, 2011.

Зарянская О. С. Миграция тамбовских крестьян по данным паспортных книг г. Москвы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 145–149.

Канищев В. В. Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880-е — 1910-е гг. (Поселенный и волостной уровни) // Российское крестьянство в XIX–XX вв. Тамбов, 2004. С. 80–102.

Канищев В. В., Иванов Д. П. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 309–319.

Канищев В. В., Лазарева О. В. База данных о переселенцах из Тамбовской губернии в Алтайский округ // VIII Державинские чтения. Экономика. Юриспруденция. История. Социальная работа. Социология: материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2003. С. 130–131.

Канищев В. В., Морозова Э. А. Микромиграционные процессы в среде государственных крестьян Тамбовской губернии в первой половине XIX в. (по материалам выселок с. Рассказово) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы международной конференции (май 2002 г.). Тамбов, 2002. С. 162–167.

Литовский А. Наброски к истории г. Рассказово. 2010. 12 февраля. URL: <http://g31.tmbreg.ru/5969.html> (дата обращения: 15.02.2018).

Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011.

Ляпин Д. А., Жиров Н. А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI — первой трети XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к международной научной конференции (г. Москва, 21–23 ноября 2013 г.). М., 2013. С. 283–288.

Мизис Ю. А. Воевода Московского царства: (Р. Ф. Боборыкин на гос. службе). Тамбов, 2012.

Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках: учебное пособие. Тамбов, 1990.

Мизис Ю. А. Поиски беглецов на южной границе России в 30–40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 10 (150). С. 37–46.

Молессон И. И. Краткий очерк некоторых данных об отхожих промыслах Тамбовской губернии в 1899 году. Тамбов, 1901.

Морозова Э. А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в.: на примере села Рассказово Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

Муравьев Н. В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1989.

Силина И. Г. Внешние миграции в Алтайский округ в 1865–1905 гг. (источники и методы исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002.

Смурова О. В. Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в столицу (XIX — начало XX в.) // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (Уфа, 20–23 сентября 2016 г.). М., 2016. С. 142–144.

Соловьев А. А. Кризис трехполья и аграрные переселения в Марийском крае в конце XIX — начале XX в. // Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв.: XXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (Уфа, 20–23 сентября 2016 г.). М., 2016. С. 139–142.

В. Н. Никулин
**ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ В ЖИЗНИ
НОВГОРОДСКИХ КРЕСТЬЯН**
(вторая половина XIX — начало XX века)

УДК 94(470.24) “18/19”

Рассмотрено состояние отхожих промыслов в новгородской деревне во второй половине XIX — начале XX в. Охарактеризованы причины, порождавшие отходничество, направления отхода, его количественные и качественные характеристики. Уделено внимание социальным последствиям отхода.

Ключевые слова: *Северо-Запад России, Новгородская губерния, крестьяне, промыслы, отходничество, крестьянский бюджет*

Природно-климатические условия Новгородской губернии, входившей в Северо-Западный (или Приозерный) район Российской империи, были суровыми, что сказывалось крайне неблагоприятно на характере и результатах земледельческого труда. Пашня, представленная бедными и малоплодородными глинистыми, суглинистыми и супесчаными дерновоподзолистыми почвами, давала скудный урожай. Летний вегетационный период был коротким. Частыми были недороды, вызванные то затяжными дождями, то заморозками. Своим хлебом новгородские крестьяне обеспечивали себя в лучшем случае лишь на полгода, а в остальное время им приходилось рассчитывать на купленный хлеб. Чтобы иметь средства на приобретение зерна и муки, уплату податей и амортизацию живого и мертвого инвентаря, крестьяне вынуждены были прибегать к неземледельческим занятиям, в том числе к отходу на заработки, это позволяло в какой-то степени компенсировать недостатки своего натурального хозяйства.¹ Еще в канун крестьянской реформы новгородский губернатор В. И. Филиппович во всеподданнейшем отчете за

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1014. Л. 36. См. также: Новгородская губернская земская управа. Доклад о кустарной промышленности. Новгород, 1893. С. 1; Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. С. XII.

1859 г. писал, что хлебопашество «...при неудовлетворительности плодородия почвы и частых падежах на скот... не всегда вознаграждает труд земледельца, а потому жители губернии обращаются к другим промыслам...»² К концу XIX столетия Новгородская губерния прочно вошла в группу губерний с преобладанием сезонного весенне-летнего отхода.³

В 1876 г. во всеподданнейшем отчете о положении дел в подведомственной ему губернии губернатор Э. В. Лерхе заметил, что недостаток местного хлеба крестьяне «пополняли, как и прежде, покупным хлебом из других губерний, приобретаемым населением на средства, получаемые от заработков и промыслов».⁴ Недаром среди крестьян укоренилась поговорка: «какое наше крестьянство — одно слово крестьянин, а муку покупай с Покрова; зиму поворочаешь пеньё (работа на лесозаготовках. — *В. Н.*), ну и будешь сыт».⁵ Такая ситуация сохранялась в течение десятилетий. Новгородский губернатор граф О. Л. Медем во всеподданнейшем отчете за 1901 г. отметил, что «успешное поступление повинностей, возмещение необходимых расходов и дальнейшее прокормление в течение остальных 7 месяцев зависит от заработков, получаемых населением на лесных промыслах, фабриках, заводах, на водяных системах и вне губернии (главным образом в Петербурге)».⁶

Как свидетельствуют материалы земских обследований крестьянских хозяйств новгородской деревни начала XX в., стремление земледельцев удовлетворить свои потребности осуществлялось не за счет интенсификации хозяйства, а путем роста своего участия в неземледельческих промыслах — как местных, так и отхожих. Так, обследование крестьянских дворов 1908 г.,

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 6 (1860 г.). Д. 53. Л. 63.

³ См.: Буркин С. К. Численность отходников в России в конце XIX века (по данным паспортной статистики) // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 203.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1877 г.). Д. 165. Л. 2.

⁵ Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Белозерский уезд. Вып. 3: Статистико-экономические данные о крестьянском населении уезда и частновладельческих усадебных хозяйствах. Новгород, 1912. С. 138.

⁶ РГИА, научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 69.

проведенное в 7 уездах губернии, дало следующую картину состояния отхожих промыслов (см. табл. 1).⁷

Таблица 1

УХОД КРЕСТЬЯН НА ЗАРАБОТКИ (ПО УЕЗДАМ)

Уезд	% хозяйств, из которых работники уходили на сторону
Белозерский	93,4
Валдайский	82,6
Демянский	68,0
Крестецкий	78,4
Новгородский	62,9
Старорусский	55,5
Тихвинский	92,3

Из таблицы видно, что в южных уездах губернии (Демянский, Новгородский и Старорусский), где земледелие определяло экономическое состояние крестьянского хозяйства, промыслы, как местные, так и отхожие, были развиты слабо. Иначе выглядела ситуация с промыслами в уездах, расположенных севернее (Белозерский, Валдайский, Крестецкий и Тихвинский). Здесь земледелие играло второстепенную роль в жизни крестьян, на первом месте располагались хорошо развитые промыслы. Так, в Тихвинском уезде из 26 349 крестьян и 25 243 крестьянок местными промыслами занимались 22 510 (85,2 %) мужчин и 4 061 (16,0 %) женщин, а в отход уходили соответственно 4 882 (18,3 %) крестьянина и 1 064 (4,2 %) крестьянки.⁸ Наибольшую мобильность в промысловой деятельности проявляли социальные полюса новгородской деревни.

Наиболее развито было отходничество в волостях, расположенных в районе с многочисленными водными путями сообщения по рекам Паша, Капша и Оять, связывавшими Тихвинский уезд с Санкт-Петербургом, и в местности с железнодорожным сообщением. В южной части уезда, где отсутствовали удобные пути сообщения, располагались волости, характеризовавшиеся слабым развитием отходничества.

⁷ См.: Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Тихвинский уезд. Вып. 3: Промыслы крестьянского населения. Новгород, 1914. С. 6.

⁸ См.: Там же. С. 7.

В хозяйствах с большой посевной площадью, обработка которой требовала использования всех трудовых ресурсов крестьянской семьи, отходничество было менее популярным занятием, чем в малоземельных хозяйствах, где наделы либо сдавались в аренду соседям, либо обрабатывались наймом, а их владельцы отправлялись на заработки.

Крестьяне, представлявшие малосеющие хозяйства, для занятий промыслом выбирали время, когда спрос на их труд и, соответственно, его оплата были наиболее высокими. Разумеется, при этом заботы о сельскохозяйственном хозяйстве отступали далеко на задний план. Неслучайно комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности Устюжского уезда зафиксировал, что в Чирецкой волости «отхожие заработки отвлекают мужское население на сторону, так что ведение сельского хозяйства, имеющего печальный вид, оставляется исключительно на одних женщин».⁹

Предпочтение, которое отдавали местным промыслам зажиточные крестьяне, свидетельствовало о том, что именно сельскохозяйственные занятия, а не промыслы, занимали ведущее место в структуре их хозяйства. Крестьяне, занимавшиеся местными промыслами, стремились ограничить свой рабочий сезон зимними месяцами, в то время как их односельчане, промышлявшие отходом, предпочитали летнее время года.

При всем значении для новгородских крестьян местных промыслов, они не могли идти ни в какое сравнение с отхожими промыслами, роль которых в развитии крестьянского хозяйства с каждым годом возрастала (см. рис. 1). Крестьяне неземледельческих губерний Европейской России, в том числе и Новгородской, с дореформенных времен получали значительную часть средств к жизни с помощью различных промыслов. Однако в условиях быстрого развития в пореформенной России капитализма крестьянская мелкая промышленность переживала кризис. Происходила замена традиционных местных промыслов более доходными — отхожими.

⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 25: Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 438.

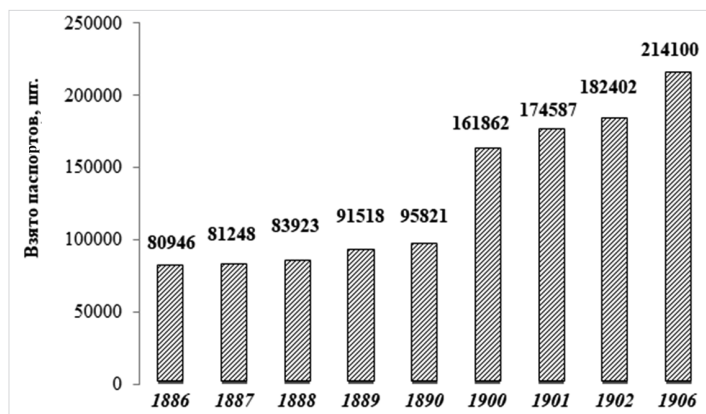

Рис. 1. Динамика отхода новгородских крестьян

Все более растущий отход крестьян из деревень был обусловлен также малоземельем, тяжестью податей и ростом недоимок, хроническими неурожаями.¹⁰ Новгородский губернатор граф О. Л. Медем во всеподданнейшем отчете за 1899 г. написал, что из-за неурожая «выдано было паспортов более прошлого года на 20 167... почти исключительно для приискания заработков вне губернии».¹¹ Позднее в отчете за 1901 г. Медем вынужден был отметить, что крестьяне «принуждены отправляться на заработки в С.-Петербург или отдаленные места, предоставляя семье обрабатывать надельную землю». По его мнению, многие крестьяне, не найдя работы, особенно в Петербурге, «возвращаются домой пешком без копейки».¹²

Сравнение темпов развития отходничества и темпов прироста крестьянского населения в Новгородской губернии свидетельствует, что отходничество развивалось более динамично (см. табл. 2).¹³

¹⁰ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 125. Л. 33–34, 41; Оп. 70. Д. 181. Л. 10, 11; научно-справочная библиотека, отчеты губернаторов, д. 58, л. 2, 77; Свод статистических данных о населении, землевладении и скотоводстве по уездам Новгородской губернии в диаграммах и картограммах, составленных на основании материалов Оценочно-статистического отделения Новгородской губернской земской управы, с объяснительным текстом. Новгород, 1904. С. 13.

¹¹ РГИА, научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 60.

¹² Там же. Л. 74.

¹³ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978. С. 8; Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926. С. 16; Шидловский С. И.,

Таблица 2

Рост численности сельского населения и число отходников, тыс.

Число выбранных краткосрочных паспортов (на срок не более года)		Численность крестьянского населения	
1861 г.	1906 г.	1858–1859 гг.	1905 г.
34,1	214,1	796,6	1444,7

В то время как сельское население увеличилось за 45 лет в 1,8 раза, число крестьян, отправлявшихся на заработки, выросло в 6,3 раза.

Отходничество новгородских крестьян находилось в прямой связи с процессом «раскрестьянивания» — отрывом от земли и превращением части крестьян в бедняков, полупролетариев и пролетариев. О масштабах пореформенного отхода можно судить по данным о выборке крестьянами паспортных документов с 1861 по 1900 г. (см. рис. 2).¹⁴

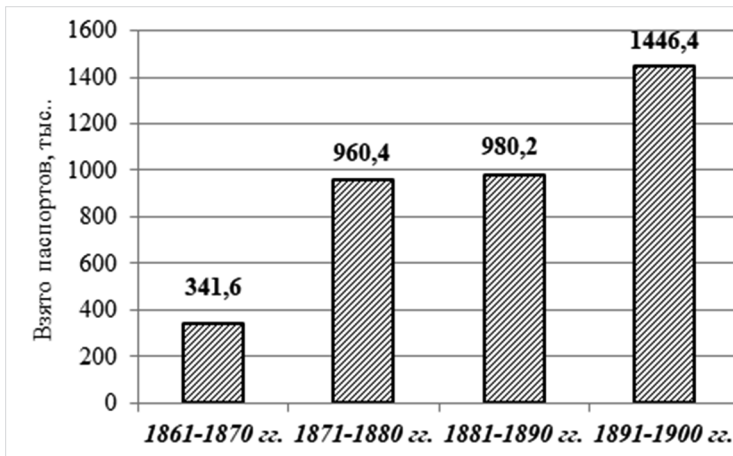

Рис. 2. Количество взятых крестьянами билетов и паспортных бланков, тыс.

Львов Н. Н. Распределение земельной собственности в 44 губерниях Европейской России. СПб., 1908. С. 6, 7.

¹⁴ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 222, 223. См. также: Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. С. 16.

Для характеристики отходничества земледельцев большой интерес представляют данные о соотношении краткосрочных (от 1 до 3 месяцев), полугодовых, годовых и на более длительные сроки паспортных документов, выбранных крестьянами за 40 лет (см. табл. 3).¹⁵

Таблица 3

ВЫБОРКА КРЕСТЬЯНАМИ ПАСПОРТНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ТЫС.

Паспорта	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900
Краткосрочные	109,8	474,6	435,6	391,1
Полугодовые	145,8	278,3	271,7	207,0
Годовые	85,3	206,4	272,4	819,3
На более длительный срок	0,8	1,1	0,5	29,0

При постепенном уменьшении к концу XIX в. количества выданных краткосрочных и полугодовых документов резко, почти в 10 раз, увеличилась выдача годовых паспортов и более чем в 36 раз — на более длительный период. Эти данные характеризуют уровень отрыва крестьян-отходников от собственного хозяйства. Крестьяне, уходившие на заработки по полугодовым паспортам и краткосрочным билетам, с сельским хозяйством не порывали окончательно, наделная земля и хозяйство на ней оставались для них жизненно необходимыми, последней надеждой в случае неудачи в отхожем промысле. Такие крестьяне находились в отлучке только часть года — преимущественно зимой, а на лето возвращались домой для участия в сельскохозяйственных работах.

Те же крестьяне, что уходили по годовым паспортам и на более длительные сроки, фактически не принимали уже никакого участия в сельскохозяйственных работах, нередко совершенно порывали с земледелием, работали и жили постоянно в городах. Связь их с деревней чаще всего состояла лишь в уплате податей и повинностей и взятии паспорта в волостном правлении на очередной год. Такие документы брали, как правило, крестьяне, занявшиеся капиталистическим предпринимательством, или крестьяне, связавшие свою судьбу с постоянной работой по найму.

¹⁵ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. С. 222, 223.

В результате происходило изменение социального положения крестьян: одни пополняли ряды буржуазии, другие — наемных рабочих.

Отходничество в пореформенный период — одна из наиболее существенных черт, свойственных процессу «раскрестьянивания» новгородской деревни. Сущность этого процесса была показана еще в конце XIX в. В. И. Лениным, который отметил, что разложение крестьянства: «...идет различными путями на обоих полюсах деревни: зажиточное меньшинство... посвящает промыслу все большую часть года и — на известной ступени развития промысла — находит более удобным выделить промышленное предприятие от земледельческого, т. е. передать земледелие другим членам семьи или продать постройки, скот и пр., и перевестись в мещане, в купцы... На другом полюсе деревни... крестьянская беднота разоряется и превращается в наемных рабочих (промысловых и земледельческих)».¹⁶

Влияние капитализма на жизнь новгородской деревни сказывалось и в росте отходничества крестьянок, которые являлись главной опорой деревенского хозяйства. Если процент мужчин, занятых отхожими промыслами, в общем числе крестьян-промысловиков составлял 23,9 %, то среди женщин — 31,2 %.¹⁷ Если в 1880-х гг. в Петербургской губернии в среднем на каждую тысячу крестьян-отходников приходилось 506 крестьянок-отходниц, в Московской — 355, от 200 до 250 — во Владимирской, от 150 до 200 — в Ярославской, то в Новгородской губернии уходили на сторонние заработки 599 крестьянок.¹⁸ В течение всего пореформенного периода Новгородская губерния была единственной среди губерний Европейской России, в которой крестьянки-отходницы преобладали над крестьянами-отходниками.

Уход на заработки крестьянок оказывал серьезное влияние на крестьянское хозяйство, способствовал разрушению патриархального уклада крестьянской жизни, не в последнюю очередь сказывался на демографической ситуации в губернии.¹⁹ По среднему

¹⁶ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 377.

¹⁷ См.: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958. С. 406.

¹⁸ См.: Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 77.

¹⁹ См.: Там же.

численному составу крестьянских дворов Новгородская губерния в 70–90-х гг. занимала 40-е место среди губерний центра страны.²⁰

Особенностью отходничества новгородских крестьян, а также крестьян Санкт-Петербургской и Псковской губерний, было то, что они не стремились уходить далеко за пределы северо-западного региона. Здесь преобладал так называемый «ближний отход», что определялось влиянием столицы: в Петербурге находилась работа для большинства отходников северо-западных губерний.

Характер динамики отхода новгородских крестьян в Петербург иллюстрируют материалы переписей населения столицы (см. рис. 3).²¹

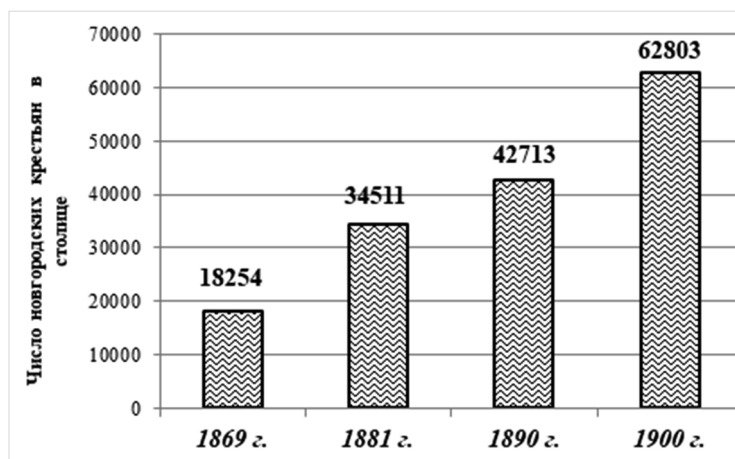

Рис. 3. Динамика отходничества крестьян в Санкт-Петербурге

Новгородская, а также другие губернии неземледельческого центра России: Тверская, Ярославская, Петербургская, Костромская, Московская, Рязанская, Калужская, Псковская, Смоленская и Витебская — были основными поставщиками рабочей

²⁰ См.: Семенов Д. П. Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России. СПб., 1904. С. 70.

²¹ Составлено по: С.-Петербург по переписи 15 декабря 1869 г. СПб., 1872. Вып. 1. С. 118; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. СПб., 1883. Т. 1. Вып. 1. С. 245; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г. СПб., 1891. Ч. 1, вып. 1. С. 84; С.-Петербург по переписи 15 декабря 1900 г. СПб., 1903. Вып. 1. С. 168–171.

силы для петербургской промышленности. В течение всех четырех пореформенных десятилетий они удерживали первенство в пополнении своими выходцами рядов петербургских наемных работников: 4/5 потребностей промышленности столицы в рабочих руках удовлетворяли эти 11 губерний. 80 % рабочих столицы происходили из крестьян.²² По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. свыше 68 тыс. новгородских крестьян — мужчин и женщин — пришли в столицу на заработки. По этому показателю Новгородская губерния заняла 4-е место — после губерний Тверской, Ярославской и Санкт-Петербургской.²³ Если отходники из промышленных губерний, состоявшие в основном из кустарей, уже подготовленных к работе на фабрике, обеспечивали квалифицированной рабочей силой ведущие отрасли петербургской промышленности — металлургическую и текстильную, то выходцы из Новгородской губернии использовались преимущественно чернорабочими на металлургических, текстильных, столярных, пороховых, газовых, стекольных и других предприятиях.²⁴ Часть крестьян находила работу в столице в сфере обслуживания — извозчиками, кучерами, дворниками, половыми. Прислугой работали 2/3 женщин-отходниц.²⁵

Незначительная часть новгородских крестьян-отходников шла в Ригу и Нарву на бумагопрядильные, канатные фабрики и лесопильные заводы. В 1870–1871 гг., когда прокладывалась Чудово-Новгородская узкоколейная железная дорога, многие новгородские крестьяне трудились на ее строительстве чернорабочими.²⁶ Около 7 тыс. крестьян находили работу на местных фабриках.²⁷

По своему содержанию промысловые занятия крестьян, имевших собственное хозяйство и занимавшихся, в основном,

²² См.: Каценельсон С. О формировании петербургского пролетариата // Пропаганда и агитация. Л., 1948. № 23. С. 19.

²³ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Новгородская губерния. Тетрадь 2. СПб., 1903. Т. 26. С. V.

²⁴ См.: Живописная Россия. Т. 1, ч. 2. СПб.; М., 1881. С. 830.

²⁵ См.: Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношении. СПб., 1892. С. 482. (Сельское хозяйство и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев; вып. 5).

²⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 67 (1871 г.). Д. 125. Л. 41.

²⁷ РГИА, научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 21.

обработкой земли, заметно отличались от занятий бедноты. Отход для них не имел такого значения, как для бедноты, и поэтому многоземельные крестьяне шли на заработки преимущественно зимой. Крестьяне, забросившие свое земледельческое хозяйство, работали, как правило, на фабриках и заводах, трудились в услужении, в то время как крестьяне, ведущие свое хозяйство, занимались более доходными промыслами: возили лес и дрова, работали в торговых заведениях. Современники отмечали, что «...часть промышленников по заготовке и возке леса, обычно многолошадных, прибегая к найму работников, является в роли предпринимателей».²⁸ Крестьяне из зажиточных семей, овладев определенными навыками и заработав необходимую сумму, открывали собственное производство. Это было одно из важных последствий социального расслоения отходников.

Следствием отходничества являлся отток из новгородской деревни рабочей силы. Во всеподданнейшем отчете за 1889 г. губернатор А. Н. Мосолов отметил, что волостными правлениями было выдано за год 91 518 паспортных документов на отлучку.²⁹ Число ушедших составило 8,8 % всего сельского населения губернии, или примерно 36 % мужчин в рабочем возрасте. По уездам отход выглядел следующим образом (см. табл. 4).³⁰

В деревне оставались лишь старики, женщины и дети. Отхожие промыслы «во многих местностях достигают даже ненормального развития, увлекая чуть не все работоспособное население мужского пола, неудержимой волной стремящегося в столицу».³¹ Волостной старшина Чирецкой волости Устюжского уезда писал в уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «Отхожие заработки отвлекают мужское население на сторону, так что ведение сельского хозяйства, имеющего печальный вид, оставляется исключительно на одних женщин».³²

²⁸ Материалы по оценке земельных угодий Новгородской губернии. Тихвинский уезд. Вып. 3: Промыслы крестьянского населения. Новгород, 1914. С. 22.

²⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 229. Л. 75.

³⁰ Короленко С. А. Вольнонаемный труд в хозяйствах владельческих и передвижение рабочих... С. 482, 483.

³¹ Там же. С. 453.

³² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 25: Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 466.

Таблица 4

Отход крестьян по уездам Новгородской губернии:

Уезд	Число отходников (мужчин и женщин)	% отходников к общему числу крестьян
Белозерский	3 605	10,1
Боровичский	14 838	12,5
Валдайский	6 887	8,5
Демянский	4 254	6,5
Кирилловский	12 357	12,9
Крестецкий	6 130	8,3
Новгородский	10 214	8,1
Старорусский	11 952	7,6
Тихвинский	5 490	6,8
Устюжский	6 720	8,9
Череповецкий	9 071	7,1

Хотя ушедшие в отход крестьяне пересылали в деревню деньги, постепенный упадок крестьянских хозяйств был лишь делом времени, так как их покидала основная рабочая сила. Процесс «раскрестьянивания», формирование рабочего класса из крестьянства подрывали производительные силы новгородской деревни.

Заработанные в отхожих промыслах деньги составляли существенную часть крестьянского бюджета. Ю. Э. Янсон привел данные губернской земской управы, по которым доход крестьян Новгородской губернии от земледелия составил 2,7 млн руб., а от промыслов — 8,9 млн руб., т. е. в 3 раза больше. Из промысловых заработков более 3 млн руб. расходовалось на покупку продовольствия, около 3,3 млн руб. шло на уплату податей и только 2,6 млн руб. использовалось на удовлетворение прочих нужд крестьянского хозяйства: на приобретение орудий труда, покупку одежды и т. п.³³

Русская деревня Европейской России в пореформенные десятилетия выталкивала работников в количестве, значительно превышавшем спрос промышленности и других отраслей хозяйства, нуждавшихся в наемном труде. Избыток рабочих рук ощущался

³³ См.: Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С. 38.

почти во всех промыслах. Многие крестьяне, покинувшие деревню в поисках заработков в отхожих промыслах, нередко вынуждены были возвращаться домой, к своему заброшенному и полуразвалившемуся хозяйству.

В пореформенный период отходничество было одним из важнейших элементов деревенской жизни. Оно касалось всех сторон крестьянского быта. Для многих сельских жителей «сторонние» заработки были чуть ли не единственным источником существования, поскольку наделное землевладение не могло обеспечить их жизнь, становилось убыточным и нередко продолжало существовать только благодаря промысловым заработкам.

Неземледельческие промыслы крестьян существенно влияли на процесс «раскрестьянивания», социального расслоения новгородской деревни, содействуя выделению крестьян-предпринимателей, использовавших наемный труд, и крестьян, живших продажей рабочих рук. Последствия отходничества для новгородской деревни были наиболее значительными и глубокими. Отходничество оказывало большое влияние не только на экономику деревни, но и на социально-психологический облик крестьян, втянутых в промыслы.³⁴ Это проявлялось в более высоком проценте грамотных среди отходников, в подрыве основ патриархальной семьи, в изменении положения женщин, вовлеченных в отхожие промыслы и игравших все более заметную роль в крестьянском хозяйстве.

Никулин Валерий Николаевич — д.и.н., профессор Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград)
E-mail: *nikuliny@mail.ru*

Valery I. Nikulin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
E-mail: *nikuliny@mail.ru*

SEASONAL MIGRATION IN LIFE OF NOVGOROD PEASANTS (SECOND HALF OF 19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

This article explores the seasonal migration in Novgorod village in the second half of the 19th — early 20th centuries. The reasons of seasonal

³⁴ См.: Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 576–578; Он же. Пятидесятилетие падения крепостного права // Там же. М., 1961. Т. 20: Ноябрь 1910 – ноябрь 1911. С. 141.

migration, its directions, quantitative and qualitative characteristics are presented. Special emphasis is made on the social impacts of seasonal work.

Keywords: *Northwest Russia, Novgorod province, peasants, seasonal work, peasant budget*

Список литературы

- Буркин С. К. Численность отходников в России в конце XIX века (по данным паспортной статистики) // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–205.
- Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861–1880 гг. М., 1978.
- Каценельсон С. О формировании петербургского пролетариата // Пропаганда и агитация. Л., 1948. № 23. С. 17–29.
- Минц Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1926.
- Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М., 1958.
- Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983.

J. Rowson

**POPULATION MOBILITY IN PERM'
PROVINCE: 1870–1914**

УДК 94(470.5)''1870/1914'':314.7

The article aims to describe and analyse the patterns of labour mobility within Perm' province at the turn of the 20th century, demonstrating its fundamental importance to the rural, urban and industrial economy. The author argues that "mobilities theory" is a beneficial tool through which to explore the issues of population movement, particularly with regards to movement for labour purposes, and how it influenced and was influenced by the region economy in the pre-Revolutionary period. A conclusion is drawn that Perm' province citizens (both workers and peasants) displayed independent initiative and ability to make economic decisions, possessing great agency in their movements.

Keywords: Perm' province, mobility, migrations, modernisation

Describing his observations during his journey around Perm' province, esteemed writer V. I. Nemirovich-Danchenko stated that travelling "towards Bisert", on the Siberian Tract, were crowds of workers.¹ Pre-Revolutionary Perm's roads, rivers and waterways were the scene of constant movement — of people, goods and grain. As one zemstvo publication stated, "a huge amount of goods, consisting of more than one million poods, endlessly extends forwards and backwards along the Siberian Tract in the winter".² This movement was not only limited to the roads, as Perm's major rivers, most notably the Kama and the Chusovaia, were also a hive of activity. Perm' province, the historical centre of pre-Revolutionary Russia's mining and metallurgical industry, was dependent on the waterways to export its product, both domestically and internationally. St. Petersburg, Moscow and Nizhnii Novgorod became crucial markets for the sale of Perm' province's iron, copper and steel, with iron from the Lysva plant being used in

¹ Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления. СПб., 1890. С. 538.

² Постановление Пермского губернского земского собрания за 1880–1885 гг. (четвертое и пятое чтения). Пермь, 1890. С. 35.

the construction of cathedrals in Paris and the Houses of Parliament, in London.³ Given that Perm's metallurgical plants sold almost none of their product within Perm' province itself, mobility, i.e. the swift transport of goods, was of integral importance to the local economy.⁴

However, this movement of goods also required a mobile population. Workers were required to transport carts of iron and other products from the metallurgical plants to a range of destinations: towns, train stations and river jetties. Additionally, within the factories themselves, the majority of workers were *otkhodniki*, temporary labourers who moved from their home village to work as day-wage labourers in the factory economy for terms ranging from a few weeks to six months, often in the winter, before returning to their village to help with the summer harvest.⁵ *Otkhodnichestvo* in Perm' province was also not exclusively contained within the factory economy. For example, peasants in the northern Solikamskii and Cherdynskii uezdy moved temporarily to work as barge haulers on the Kama and Pechora rivers.⁶ In the post-reform, pre-Revolutionary period, this process of temporary labour mobility increased significantly. As one contemporaneous author neatly summarised, "from year to year, the growing population and the inability to secure sustenance locally, forces the rural population to go to work more and more".⁷ This movement of people into, within, and out of Perm' province was highly complex and specialised, reflecting the local socio-economic specificities of Perm' province and the Urals region.

As historian R. L. Glickman summarised, Russia is a "kaleidoscope of regional variations".⁸ Utilising archival documents, contemporaneous published material, Russian and Anglophone historiography, this study aims to describe and analyse the patterns of labour mobility within Perm' province at the turn of the 20th century, demonstrating its fundamental importance to the rural, urban and industrial economy. These regional perspectives offer the potential for a greater depth

³ Чагин Г. Н. Города-заводы. Пермь, 2014. С. 424.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ «Разные известия» // Сборник Пермского земства за 1901 г. Пермь, 1901. № 2. С. 2.

⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 30: Пермская губерния. С. 466.

⁷ Пермская земская неделя. 1907. № 32, 4 окт. С. 7.

⁸ Glickman R. L. *Peasant Women and Their Work* // *Russian Peasant Women*. New York, 1992. P. 58.

of knowledge of local socio-economic processes, whilst also raising pertinent questions of our understanding of the national Russian economy in the post-Reform, pre-Revolutionary period. Historians have frequently used terms such as “industrialisation” and “modernisation” to describe the years immediately prior to the October Revolution.⁹ This study aims, through the concept of “mobility”, to offer a regional perspective and posit new questions regarding the use of these terms in contemporary historiography. This understanding of “mobility” is heavily influenced by the social sciences, and in particular, the recent strides made by scholars of “mobilities theory”, which offers new perspectives and new insights regarding the movement of people. This theoretical connection, it is argued, offers the potential for discourse and engagement with a range of different regional and national perspectives, giving the issues raised by labour mobility within pre-Revolutionary Perm’ province, global significance.

The existing historiography of the movement of peoples in pre-Revolutionary Russia, particularly in the English language, have utilised the term “migration” as opposed to mobility. J. Burds, L. Siegelbaum and L. Moch utilised concepts such as “Labour Migration” and “Regimes of Migration” respectively.¹⁰ Whilst both

⁹ Eklof B. Introduction // *Russia’s Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994. P. 4. In particular, Soviet historians stressed the importance of the economic shift from feudalism to capitalism. See for example: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. С. 577; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М., 1978. С. 3, 50, 51, 262. Whilst pertaining to the Marxist assessment of the transformation from feudalism to capitalism, Pyotr Zaionchkovskii stresses the multiple causes of the “Great Reform” era, in particular the “crisis of autocracy” which prevailed. Zaionchkovskii’s findings have received widespread praise in Western historiography. Zaionchkovsky P. A. *The Russian Autocracy in Crisis, 1878–1882*. Hamburg, 1979. P. 304; Gleason A. *The Great Reforms and the Historians since Stalin* // *Russia’s Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994. P. 6; Dixon S. *The Modernisation of Russia 1676–1825*. Cambridge, 1999. P. 1. Examples of the prevalent use of “modernisation” include Fedyashin A. A. *Liberals under Autocracy: Modernization and Civil Society in Russia, 1866–1904*. Madison, 2012; Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881–1917*. Harlow, 1995; Pallot J. *Agrarian Modernization on Peasant Farms in the Era of Capitalism* // *Studies in Russian Historical Geography*. New York, 1983. Vol. 2. P. 423–450; Anderson B. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, 1980; Mosse W. E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. London, 1958.

¹⁰ Johnson R. E. *Peasant Migration and the Russian Working Class: Moscow at the End of the Nineteenth Century* // *Slavic Review*. 1976. № 35.4. P. 652–664; Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley; London, 1985; Burds J. *Peasant Dreams & Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905*. Pittsburgh, 1998; Lewis H., Siegelbaum L., Moch P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia’s Twentieth Century*. Ithaca; New York; London, 2014.

monographs were ground-breaking in the context of Western historiography, detailing in great depth the complex social, economic, and cultural processes shaping population movement at the turn of the 20th century, it is proposed by this study that “mobility” may offer greater conceptual benefit for the understanding of these processes. L. Siegelbaum and L. Moch sought to “investigate the experimental dimension of mobility”, yet mobility itself offers a different set of conceptual questions and assumptions than those posited by migration.¹¹ Theories of migration, based within the social science fields of economics, sociology and geography, have been rearticulated in the last thirty years, moving beyond the reductive dichotomy of “push and pull” factors which characterised previous scholarship. Primarily discussing international migration in the post-World War II economy, the “push and pull” model argued that migration was the result of wage differentials between societies.¹² Low wages and poor living conditions “pushed” migrants, who were then “pulled” by the attraction of higher wages and a better standard of living in more developed economies. Recent developments such as the “New Economics of Labour Migration” and “Transnationalism” have done much to discredit this paradigm, and recent theorisations argue that migration is not solely an individual economic decision, but the result of negotiations between migrants and non-migrants, with complex socio-cultural processes also dictating the movement of peoples.¹³

One of the major issues with the use of migration theory in the context of regional Russian history is that migration theories often privilege the permanent migration of peoples from one country to another, i. e. migration from a “sending” country to a “host” country.¹⁴ This does not suitably characterise population mobility, particularly in pre-Revolutionary Perm’ province, due to the fact that this population movement was neither international, nor, in the overwhelming

¹¹ Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land...* P. 13.

¹² Samers M. *Migration*. Abingdon, 2010. P. 55; Haas H. *Migration and Development: A Theoretical Perspective* // *International Migration Review*. 2010. № 44.1. P. 227–264.

¹³ Stark O., Bloom D. *The New Economics of Labor Migration* // *The American Economic Review*. 1985. № 75.2. P. 173–178; Mahler S. J., Pessar P. R. *Transnational Migration: Bringing Gender* // *International Migration Review*. 2003. № 37.3. P. 812–846; Vertovec S. *Transnationalism*. Abingdon, 2009.

¹⁴ Nowicka M. *Mobility, Space and Social Structuration in the Second Modernity and Beyond* // *Mobilities*. 2006. № 1.3. P. 421, 422.

majority of cases, permanent. It is in this context that “mobilities theory” may offer the potential to be of greater conceptual benefit. As the editors of the *Mobilities* journal stated in their introductory issue, “the concept of mobilities encompasses both the large-scale movements of people objects, capital and information across the world, as well as the more local processes of daily transportation, movement through public space and the travel of material things within everyday life”.¹⁵ The study of “mobilities” was pioneered by scholars at Lancaster University in the 2000s as offering an alternative to “sedentarist approaches in the social sciences that treat place, stability and dwelling as a natural steady-state”.¹⁶ Within “mobilities theory”, mobility and movement are given greater social, economic and cultural importance and meaning. Additionally, Hannam, Sheller and Urry claimed that “the new mobility paradigm argues against [the] ontology of distinct ‘places’ and people”. Rather, there is a complex relationality of places and persons connected through performances. <...> Thus, activities are not separate from the places that happen contingently to be visited”.¹⁷ In the context of pre-Revolutionary Perm’ province this study therefore argues that it is impossible to view key sites of population movement, such as the factory settlement or city, as independent from the people who were mobile within these spaces. Furthermore, mobilities theory provides a paradigmatic tool to analyse the movement of workers such as goods transporters, who were consistently mobile, and were a crucial part of Perm’ province’s labour force at the turn of the 20th century. It is for these reasons that it is argued that mobilities theory offers a broader and more beneficial tool through which to discuss and analyse the intersection of place and person; of issues of population movement, particularly with regards to movement for labour purposes, and how it influenced and was influenced by Perm’ province’s socio-economy in the pre-Revolutionary period.

¹⁵ Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // *Mobilities*. 2006. № 1.1. P. 1.

¹⁶ Faulconbridge J., Hui A. Traces of a Mobile Field: Ten Years of Mobilities Research // *Mobilities*. 2016. № 11.1. P. 1–14; Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. P. 5. See also: Baron N., Gatrell P. Population Displacement, State-Building, and Social Identity in the Lands of the Former Russian Empire, 1917–23 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. № 4.1. P. 51–100.

¹⁷ Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings. P. 13.

Historians of other nations and regions have already utilised “mobilities theory” to great effect, in particular, placing the concept of mobility in relation to the key themes of modernity and modernisation.¹⁸ This conceptual association has already been suggested in Russian historiography, as I. V. Poberezhnikov stated that “a number of features of the development of the Ural region in the 18th and 19th centuries can be attributed to the greater mobility of the population”.¹⁹ However, the concepts of “development” and “modernisation” have often not been sufficiently conceptualised and addressed in the context of pre-Revolutionary Russian economic history. The historiography of post-Reform Russia, in particular the period between 1890 and 1917, has often been framed with reference to the term “modernisation”, historically defined as encompassing the rising output and productivity of Russia’s industry, the growth of peasants joining the ranks of the urban workforce, a nationwide increase in school attendance and literacy levels, and the utilisation of new agricultural methods and machinery.²⁰ However, much of this literature makes generalisations for the whole of Russia, whilst solely referencing the economies of Moscow, St. Petersburg and the Donbass area, where a plethora of new industrial works were established in this period.²¹ It will be argued, following a thorough critique and theorisation of the terms “modernisation” and “mobility” which will

¹⁸ See for example: Nkwi W. G. *African Modernity and Mobilities* // *Ethnography of Kom. Cameroon*, c. 1800–2008. Bamenda, 2015; Aguiar M. *Tracking Modernity: India’s Railway and the Culture of Mobility*. Minneapolis, 2011.

¹⁹ Побережников И. В. Великие реформы 1860–1870-х гг. в контексте фронтирной модернизации Урала // *Строгановское историческое собрание: материалы всерос. науч. конф. «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале»*. Екатеринбург; Пермь, 2011. Вып. 6. С. 75.

²⁰ Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays*. Cambridge, 1962; Daniels R. V. *Revolution, Modernization and the Paradox of Twentieth-Century Russia* // *Canadian Slavonic Papers*. 2000. № 42.3. P. 249–268; Bate J. H. *Modernization and Multiplicity: Moscow and St. Petersburg on the Eve of the Great War* // *Studies in Russian Historical Geography*. New York, 1983. Vol. 2. P. 305–328.

²¹ For discussion of modernisation in the context of Perm’ province, see: Алексеев В. В. «Имперская модель» модернизации России // *Строгановское историческое собрание: материалы всерос. науч. конф.* С. 3–19; Скубневский В. А. Сибирский город начала XX в. в условиях модернизации // *Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ю. И. Кирьянова*. Кострома, 2003. Ч. 1. С. 65; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 168; Неклюдов Е. Г. Уральские заводы во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 6.

foreground a source-based historical analysis, that Perm' province, due to its regional socio-economic specificities, presents a challenge to previous assessments of pre-Revolutionary Russia's economic development.

However, this task cannot be suitably accomplished without a thorough critique of the terms "modernisation", and "modernisation theory", the latter concept developed after the Second World War by American scholars as a linear development model which could be applied *carte blanche* to "traditional" pre-capitalist societies predominantly reliant on subsistence agriculture.²² Modernisation theory's fundamental premise was that capitalist "economic development" in "traditional" countries would trigger democratising "political development".²³ The teleological and universalising nature of modernisation theory created "arbitrary and artificial distinctions between traditional and modern societies", a fundamental criticism given Dixon's assertion that "the 'traditional' and the 'modern' were not successive stages in Russia's social development".²⁴ Modernisation theory defines capitalism as the "end goal" of modernity.²⁵ This has been discredited by Eisenstadt, whose assertion of the existence of a "multiplicity of continually evolving modernities... realisable through autonomous human agency" is integral to this study's reassessment of modernisation in Russia.²⁶ Weber's concept of "modernity" stressed the importance of "rationalisation", leading one scholar to assert that the "precious core of modernity" contains the "correlated concepts of rationality, rationalism and rationalisation".²⁷ In the Russian context,

²² Berman Sh. E. *Modernization in Historical Perspective: The Case of Imperial Germany* // *World Politics*. 2001. № 53.3. P. 433–434. Key works in early modernisation theory include: Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Parsons T. *Structure and Process in Modern Societies*. New York, 1960; Huntington S. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, 1968. Definition of "traditional" society taken from Rostow W. W. *Op. cit.* P. 4–7.

²³ Huntington S. *The Stages of Economic Growth...* P. 17–19.

²⁴ Scott C. V. *Gender and Development: Rethinking Modernization and Development Theory*. Boulder, 1995. P. 5; Dixon S. *The Modernisation of Russia 1676–1825*. P. 113; Dube S. C. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. Bath, 1990. P. 2.

²⁵ Kozlarek O. *Toward a Postcolonial Sociology in the Work of Octavio Paz* // *Postcolonial Sociology*. Bingley, 2013. P. 179, 180.

²⁶ Eisenstadt Sh. N. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. № 129.1. P. 3; see also Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, 1998.

²⁷ Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. New York, 1978. P. 269; Aloysius G. *Demystifying Modernity: Notes Not So Tentative* // *Social Scientist*. 2009. № 37.9/10. P. 50.

scholars have argued that Russian history does not correspond to one of the Western “pure types” of the modern/traditional dichotomy that modernisation theory prescribe.²⁸

This is of vital importance when considering pre-Revolutionary Perm’ Province, and its population mobility, for a number of reasons. Firstly, the interdependence of the rural and industrial economies was much stronger than anywhere else in Russia, making modernisation theory’s developmental continuum from traditional rural agriculturalist to modern industrial labourer problematic. The existence of the “factory settlement” as a third space, alongside the rural village and urban town is crucial. As S. V. Golikova stated, due to the existence of factory settlements such as Nizhnii Tagil, with a population of over 30 000 in the pre-Revolutionary period, “the Urals did not know the natural path of development of the transition from an agrarian society to an industrial society”.²⁹ For the factory settlements of Perm’ province, agricultural concerns were of the highest importance.

An overwhelming majority of the skilled workforce (*masterovye*), the least mobile group within the factory settlement population, held land allotments within their settlement, and the amount and quality of this land was of central importance both to the workers and the state.³⁰ At the turn of the 20th century, many *masterovye* looked to agriculture as a means to supplement their factory earnings, almost subverting the traditional “modernisation” narrative which argues that workers abandon agriculture and engage solely in the industrial economy. For example, the Ekaterinburgskii uезд household census, published in 1912, states that there was a 66 % increase in the sown land area in the uезд as a whole between 1887–1912, but that within the mining and metallurgical factory settlements, the overall land area sown increased 2,4–2,6 times.³¹ The agricultural concerns of the *masterovye* are also demonstrated in archival documents, which detail offences

²⁸ Turoma S., Waldstein M. Introduction: Empire and Space: Russia and the Soviet Union in Focus // *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union*. Farnham, 2013. P. 10.

²⁹ Голикова С. В. Заводские поселки — особый тип уральских поселений, XVIII — начало XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 73.

³⁰ Положение рабочих Урала во второй половине XIX — начале XX в.: сб. документов. М.; Л., 1960. С. 3.

³¹ Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 6, 7.

such as the seizure of forestry and other land belonging to the factory owner.³² Another factor demonstrating the interdependence of Perm' province's agricultural and industrial economies was that the factory settlements were overwhelmingly reliant on deliveries of grain from agricultural uezdy in the region, such as Shadrinsk, Kamyshlov and Irbit.³³ In years of good harvest, these uezdy yielded grain surpluses, which were then transported to the factory settlements of the Verkhotur'e and Ekaterinburg uezdy.

The development of agriculture in factory settlements can also be attributed to increased levels of unemployment in some factory settlements during the period 1890–1917. There are two elements to this assertion: firstly, some factory settlements were able to modernise technologically, for example, constructing open-hearth furnaces and replacing human transport with horse railways.³⁴ This technological modernisation as a means of improving productivity was notable, contemporaneous publications note, in the Goroblagodatskii Nizhnii Tagilskii, Nev'ianskii and Alapaevskii factory settlements.³⁵ Whilst it is difficult to quantify this number, local observers stated that “the population of factory settlements has long outgrown the demand of factories for workers, with the development of technology and replacement of human labour by machine, this demand [for labour] tends to fall even when production increases”.³⁶ These now out-of-demand workers increasingly required agricultural labour as a means of self-sustenance for their families.

Additionally, some of Perm' province's metalworking plants ceased production altogether in this period of “modernisation”. Iron smelting and other metallurgical processes became increasingly centralised within certain factories which grew exponentially within the post-Reform, pre-Revolutionary period. For example, the population of the Dobrianskii factory settlement increased from 3 451 in 1860 to 7 548 in 1908.³⁷ Similar increases were noted in the Lysvenskii factory

³² ГАПК. Ф. 276. Оп. 1. Д. 55; Ф. 449. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–8.

³³ Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1902. Т. 4, вып. 1. С. 190.

³⁴ Чагин Г. Н. Города-заводы. С. 264.

³⁵ Обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь, 1909. С. 54.

³⁶ Воеводин Л. Е. Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 169.

³⁷ Чагин Г. Н. Города-заводы. С. 270.

settlement, where the population grew from 1 332 in 1900 to almost 6 000 in 1914.³⁸ Whilst the output of Perm's iron smelters increased by 34 % between 1890 and 1910, it was estimated that 27 % of the Urals' factories ceased operations in the same period.³⁹ In a reversal of modernisation's traditional narrative of rural workers developing into industrial workers, zemstvo officials sought to promote agriculture among the workers of these now-closed factories. This occurred most notably in the Ocherskii, Pavlovskii and Kynovskii plants owned by the Stroganov family which closed their doors in 1911, with documents noting that "the transition from industrial work to agriculture, needless to say, has put the population in great difficulty since the local population has become accustomed to centuries of factory work and is not prepared for it at all".⁴⁰

Consequently, to speak of "modernisation" in the context of Perm' province utilising the lexicon of "modernisation theory" is, this study argues, reductive. Certain elements, such as the interdependence between the industrial and rural economy, and the need for many workers to leave the industrial sector and engage in the agriculture, challenge the previous assessments of a linear development model often utilised in discussions of post-Reform Russia's "modernising" economy. However, this is not to say that Perm' province's economy was not a modern economy, and the concept of mobility, and in particular, labour mobility, is a crucial analytical tool through which to display the independent economic initiative and agency of Perm' province's working population — attributes often regarded as "modern". It is from this theoretical and conceptual standpoint that this source-based analysis proceeds.

As mentioned above, despite the closure of certain metallurgical plants in Perm' province in the pre-Revolutionary period, many others increased their production, a process requiring a greater influx of

³⁸ Там же. С. 426.

³⁹ Пермский губернский статистический комитет. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 год. Пермь, 1890. С. 94–101; Пермский губернский статистический комитет. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1912 год. Пермь, 1912. С. 16–19; Пермское губернское земство. Доклад Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 41-й очередной сессии по кустарной промышленности. Пермь, 1910. С. 10.

⁴⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. 30: Пермская губерния. С. 438.

workers. As esteemed historian D. V. Gavrilov noted, “the vast majority of workers in the Urals metallurgical and metalworking industries (more than four-fifths) were hereditary workers”, proportionally more than double the figure for same industries in St. Petersburg and Ukraine.⁴¹ This was one result of the organisation of factory settlements whereby skilled workers lived on the land of the factory owner, creating a settled population whereby the sons of workers would take on the same professions as their fathers.

However, hundreds of thousands of workers were required for various non-skilled or “auxiliary” jobs within the factory settlement, such as the transport of ore, the felling of trees to be used as fuel or working in the gold and platinum prospects. Those who were mobile into the factory settlements in the post-Reform period almost exclusively provided the labour for this task, working as day-labourers on undefined contracts. The contractual status of these labourers poses as challenge for the historian to quantify and catalogue these mobile workers. Documents from the Pozhevskii factory settlement state that it was possible to employ day-labourers on verbal contracts, meaning that many went undocumented.⁴² This is not to say that it is impossible to gain a certain understanding of the origins of much of Perm’s industrial *otkhod* labour, as other documents offer insights into the ways in which workers moved within and into Perm’ province.

Some of the most comprehensive sources of workers origin lie within archival collections recording the dismissal of workers from their factory labour. For example, the Bogoslovskii factory region recorded the names, origins and reasons for the dismissal of workers, providing crucial details with regards to the study of mobility. Data collated from the dismissal files of 431 workers in the period 1909–1912 reveals that the overwhelming majority of these dismissed *otkhodniki* had their origins from outside Perm’ province (81,3%). The primary provinces of origin for this mobile labour were Viatka (37,0%), Perm’ (18,7%), Kazan’ (15,7%), Ufa (7,9%), Vologda (5,6%) and Vladimir (5,3%).⁴³ This corresponds with many studies

⁴¹ Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. М., 1985. С. 73.

⁴² ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 880. Л. 16.

⁴³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71.

of labour migration, which state that proximity plays a crucial role in shaping mobility patterns.⁴⁴ However, there are documented instances of workers from Ekaterinoslav and Irkutsk provinces working in the Bogoslovskii factory region in this period.⁴⁵

A second factor which also corresponds with previous studies of labour mobility, often with reference to the St. Petersburg and Moscow labour markets, was the existence of male peasants from the same village travelling and working together in the same factory.⁴⁶ These *zemliachestva* were of vital importance to mobility patterns in pre-Revolutionary Russia, as these workers travelled together, and often lived together, in order to mitigate many of the difficulties of life as a mobile worker, such as the arduous journeys to-and-from the factory settlement, and the difficult living conditions, close to the edge of subsistence. From the collated data, the most notable example of this process was a group of 18 workers from Nebdinskaia volost, in the Ust-Sysol'skii uезд of Vologda province, who were given their dismissal notices in 1912 by the Bogoslovskii factory region after having already left the factory settlement of their own free will due to lack of work.⁴⁷ Other examples of this *zemliachestvo* movement include 14 peasants from Pestiakovskaia volost, in the Gorokhovetskii uезд of Vladimir province, who were dismissed for failing to fulfil a brick-making order for the factory.⁴⁸

The importance of *otkhod* labour in bolstering the recorded populations of other factory settlements in Perm' province in this period is also noted by statistics collated in Lysva. Between 1902 and 1908 the proportion of *otkhodniki* comprising the population of Lysvenskaia volost increased nearly twofold, from 36,6 % to nearly 60 %.⁴⁹ This influx of labour had multiple impacts on the factory settlement. Firstly, many industrial plants simply did not have enough work available for the number of working hands. For example, within the Petrokamenskii factory settlement was a noted "abundance of people", and available day-labour was distributed amongst the work-

⁴⁴ Salt J., Clarke J., Wanner P. *International Labour Migration*. Strasbourg, 2004. P. 26.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 107, 142.

⁴⁶ Bradley J. *Muzhik and Muscovite...* P. 116.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

⁴⁸ Там же. Л. 32.

⁴⁹ Чагин Г. Н. *Города-заводы*. С. 426.

ing population.⁵⁰ However, due to the large number of workers seeking work, this system meant that many *otkhodniki* were left with only 12–15 working days a month.⁵¹ Days without work were termed “*gulevye dni*”.⁵² There were societal implications for this lack of work. Almost 10 % of the dismissed workers from the Bogoslovskii factory region between 1909–1912 listed drunkenness as the reason for their dismissal, observers noted that “the person who has moved away from his village is more likely to fall into the vice of drunkenness”.⁵³ Other changes to the factory settlement saw petitions for the creation of mosques in certain factory settlements, most notably Nizhnii Tagil, in order to accommodate for the religious beliefs of mobile labourers, predominantly from Kazan’ and Ufa provinces.⁵⁴

The growth of certain factory settlements in the pre-Revolutionary period also played a major role in shaping mobility patterns not only within the area of the factory settlement itself, but in neighbouring *volosts*. Increased production required increasing numbers of goods transporters (*izvozchiki*) to carry these metallurgical products to Perm’s railway stations and waterways in order for it to be exported out of the province. Before their closure in 1911, the Stroganov-owned Ocherskii, Pavlovskii and Kynovskii plants significantly impacted local labour mobility patterns. *Zemstvo* statisticians estimated that in the nearest nine *volosts* to these plants, 41,05 % of the 8 949 registered households had at least one member engaged in the transport of goods.⁵⁵ These *izvozchiki* often transported iron from these plants to Perm’, bringing grain and other products back with them on the return journey. Much of the *izvoz* network within Perm’ province was centred around the factory settlements, with *izvozchiki* from the same *volost* often working together on the same routes between one factory settlement and another destination. These patterns of movement were incredibly complex and specialised based on local conditions. For example, 50 *izvozchiki* from Nikolae-Pavdinskaia vo-

⁵⁰ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1057. Л. 26.

⁵¹ *Отхожие местные и кустарные промыслы в Уфимской губернии*. Уфа, 1905. С. 3.

⁵² Рашин А. Г. *Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки*. М., 1958. С. 435.

⁵³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 71.

⁵⁴ Там же. Ф. 435. Оп. 1. Д. 780. Л. 284–285.

⁵⁵ ГАПК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

lost, Verkhoturskii uезд, worked the same transport route, bringing dolomite to the Bogoslovskii factory region, whilst almost “half the population” of Beloevskaia volost, Solikamskii uезд transported cast iron from the Kuvinskii plant to the Dobrianskii and Ocherskii factory settlements.⁵⁶ Some *izvozchiki* carted goods as far as Tiumen’ to aid the sale of Perm’s industrial product.⁵⁷

Consequently, the above picture illustrates complex and diverse mobility patterns into Perm’ province’s factory settlements, both by former agricultural labourers, predominantly from other provinces, or by those from surrounding volosts who transported goods to and from the factory settlements. However, as already mentioned in this study, there are observable patterns of mobility out of the factory settlement due to temporary or permanent closures and the surplus of working hands. There were a number of factors influencing factory closure. Some factory settlements ceased production temporarily, for a period of weeks, months, or in exceptional cases years, due to ore and fuel shortages, issues relating to machinery or a lack of funds to maintain production. On the other hand, factory closure in Perm’ province was also a direct consequence of changes to the domestic and foreign economic market, which led to a “metallurgical crisis”, particularly in the years 1900–1903.⁵⁸ Observers noted the sharp fall in the price of iron and copper, by 52 % and 50 % respectively, a result of the domestic market being flooded by the increased production of the newer, more efficient, metallurgical plants of the Donbass region.⁵⁹ Perm’ province’s market share for iron fell. By 1907 the southern metallurgical plants were smelting 111 million poods of iron annually in comparison to the Urals 38,5 million, and the resulting fall in prices had dire consequences for the profitability of Perm’ province’s factory settlements, resulting in subsequent closures.⁶⁰

As previously mentioned, one response to factory closure, particularly for the settled masterovye population was either to transfer

⁵⁶ Статистическое отделение Пермской губернской земской управы. Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1897 года. Пермь, 1898. С. 3, 16.

⁵⁷ Там же. С. 3, 8, 9.

⁵⁸ ГАПК. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁵⁹ Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М., 1910. С. 1, 2; Воеводин Л. Е. Урал и его горно-заводская промышленность в пределах Пермской губернии. С. 169, 170.

⁶⁰ Там же. С. 1.

into agricultural labour, or take up the production of small crafts as part of the cottage industry. However, as noted above, for workers who had engaged as industrial labourers all their life, the switch to agricultural labour was incredibly difficult, especially given that the lands surrounding many of the factory settlements were not the most conducive to bountiful harvests. Furthermore, the number of workers who could be left without work meant that there was often not enough land to be shared. By law enacted on December 3 1862 masterovye in factory settlements which ceased operations were entitled to land allotments of up to 5 desiatina from the factory owner, but documents relating to the temporary cessation of production of the Kaslinskii factory settlement noted that these allotments “cannot satisfy the needs” of the local population due to poor land quality.⁶¹

As a result, many workers saw their future outside of their factory settlement in order to maintain their domestic economies. There were two major mobility patterns that emerged in response to factory closure. The first was that these workers, often masterovye, moved to other factory settlements within Perm’ province, often engaging in unskilled otkhod labour, such as tree felling, goods transport.⁶² These workers also swiftly gained work within the gold and platinum prospects or coal mines of Perm’ province. There is evidence of officials at gold prospects writing to owners of factory settlements offering work for un- or underemployed workers, promising daily wages of 1 ruble and accommodation in barracks. In certain instances, the district zemstvo organisations took a leading role in seeking new employment for these unemployed workers.⁶³ In the case of the closure of the Ocherskii, Pavlovskii and Kynovskii plants, the Okhansk district zemstvo sought to use some of the 1 190 newly-unemployed workers for a large-scale road construction project, commissioned by the zemstvo.⁶⁴

The second mobility pattern to emerge in the event of factory closure was movement out of Perm’ province itself. Less workers took this option, preferring to work closer to their native factory settlements, but there is evidence to suggest that a significant number of workers

⁶¹ ГАПК. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

⁶² Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 5. Л. 131; Ф. 449. Оп. 1. Д. 1. Л. 115–117.

⁶³ ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 1057. Л. 26.

⁶⁴ ГАПК. Ф. 44. Оп. 4. Д. 214. Л. 15.

took matters into their own hands in the event of factory closure, either temporary or permanent, and made the decision to seek economic opportunities far from home. In the years immediately preceding the outbreak of World War I plants within the Kyshtym factory region were frequently subject to closure.⁶⁵ For example, the Techenskii plant ceased production in 1907 and 1908. Despite work at the plant resuming in 1909, providing employment for 329 labourers, this figure dropped to 153 in the following year.⁶⁶ The Kaslinskii plant also ceased production in 1910, “as a result of the crisis in the iron industry”.⁶⁷

As a result, an increasing number of workers from this factory region began to see their future lying outside Perm’ province. A total of 53 households from the Georgievskii obshchestvo, Kaslinskii volost, were documented as seeking employment away from their native village in 1913. These were exclusively male members of the household, who moved large distances, often with their sons, to find employment in other regions. Unfortunately, the data is far from comprehensive, insofar as some of the destinations for these workers were listed as “unknown” (12 cases) or simply that they moved “to Siberia” (8 cases), however, some detail is listed in occasional cases.⁶⁸ Nearby destinations for these workers included other factory districts in Perm’ province (5 cases) and Chelyabinsk (4 cases), but many looked further afield.⁶⁹ Workers were listed as travelling to the Siberian destinations of Minusinsk, Krasnoyarsk and Blagoveshchensk, with others also seeking their fortunes in the Central Asian cities of Atbasar, Ashgabat and Tashkent (1 case each).⁷⁰ Most notably, there is little observable evidence of this movement occurring within the same zemliachestvo movements which characterise much of the labour force entering Perm’s industrial economy. Those leaving Grigorevskii obshchestvo and moving elsewhere travelled often only with their sons or other family members, not within kinship groups established by place of residence.⁷¹

⁶⁵ Там же. Ф. 449. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–89.

⁶⁶ Там же. Л. 30, 31.

⁶⁷ Там же. Л. 32.

⁶⁸ Там же. Л. 115–117.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

The extent to which workers in Perm' province were mobile in order to seek employment opportunities is demonstrated in a further example. In 1910 due to a lack of native workforce the governor of Sakhalin wrote to the Perm' governor offering employment for coal miners who were working within Perm' province.⁷² These workers, specifically from closed mines, were to be given free transport and accommodation in barracks on Sakhalin, and an annual wage approaching 150 rubles.⁷³ This offer was then circulated to workers within Perm' province's major coal mines, and by December 4 1911 the Solikamskii uезд zemleustroitel'naia komissiiia stated that they had received 49 offers from workers at the Kizelovskii coal mines requesting a place within this working brigade.⁷⁴ This is one example of how the zemstvo desire to secure employment for the workers of the province, and the workers' openness and ability to be mobile converged for potential economic benefit, both for the zemstvo and the workers themselves.

The importance of the factory economy in shaping patterns of labour mobility has been stressed throughout this study. Perm' province's factory settlements were a centre of population mobility, both accepting workers from a range of origins, whilst also seeing a greater increase of workers leaving the factory economy, seeking better economic prospects elsewhere. However, there were also mobility networks which occurred outside of the factory settlement which were also vital to Perm' province's economy at the turn of the 20th century, and the remaining part of this study will document these vast movements of people. Concurrent with the documented growth of certain factory settlements in the post-Reform period, Perm' province's major urban centres also experienced population growth before the October Revolution. Between 1888 and 1917, the populations of Ekaterinburg and Perm' more than doubled, to almost 80 000 and 70 000 respectively, and urbanisation played a significant role in this increase.⁷⁵

⁷² Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 5. Л. 132.

⁷³ Там же. Л. 131.

⁷⁴ Там же. Л. 129, 130, 134.

⁷⁵ Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1890 год. Пермь, 1890. С. 29; Мильман Е. М. Железные дороги Урала и развитие Перми во второй половине XIX в. // 250 лет Перми: материалы науч. конф. «Прошлое, настоящее и будущее». Пермь, 1973. С. 102; Дерягин Н. И., Луппов П. Н., Родионов И. В. Распределение населения Приуральского края, его этнографический состав, быт и культура // Россия: полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5. С. 165; Бакунин А. В. Очерки истории Свердловска. 1723–1973. Свердловск, 1973. С. 124.

Utilising some of the archival collections of passports registered in Perm' in the period, it is possible to offer some assertions regarding these urbanisation patterns, and how they share some similarities and differences with mobility networks into the factory settlements. Whilst passports are a somewhat limited source, providing no descriptive information of the travellers' journey or whereabouts after they had registered, they offer suggestions to the origins, ages and occupations of these mobile workers. The records are far from comprehensive, and the following data assessment is drawn from a sample of 164 passports registered in Perm' between 1905 and 1916.⁷⁶ With relation to the origin of the passport holder, proximity seems again to play a major role in shaping urbanisation patterns. Of the 164 passport holders registered in Perm', 54,9% listed their origin as Perm' province — a figure notably higher than the proportion of *otkhod* labourers dismissed in the aforementioned Bogoslovskii factory region.⁷⁷ Movement from Viatka province was once again significant, comprising 24,4% of the sample, with movements from Kazan province (6,7%) and Vologda (3,1%) also noticeable.⁷⁸

Much of the Anglophone scholarship regarding urbanisation networks into Russia's cities has documented young males leaving their rural households and entering the urban economy.⁷⁹ The study of women's mobility has been often left to scholars exploring gender history, although as L. Siegelbaum and L. Moch noted in their recent study, whilst "less numerous or visible than men, thousands of immigrant women came to cities" at the turn of the 20th century.⁸⁰ Women were highly mobile within the market and bazaar economy in Perm' province, travelling frequently from their native village to nearby markets in order to sell grain.⁸¹ With regards to the urban economy, 44,6% of the passports within the database utilised for this study belonged to women, the vast majority of whom were moving for labour opportunities.⁸² In the case of the Moscow and St. Petersburg economies, scholars have previously noted increased female-to-urban migration,

⁷⁶ ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 334. Л. 1–37; Д. 333, 340, 341.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Bradley J. Muzhik and Muscovite...

⁸⁰ Siegelbaum L., Moch P. *Broad Is My Native Land...* P. 107.

⁸¹ Пермская земская неделя. 1912. № 41, 1 окт. С. 26.

⁸² ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 334. Л. 1–37; Д. 333, 340, 341.

as mechanised trades required “less strength”, “less skill” and “commanded a lower wage”, leading factory owners to hire greater numbers of women.⁸³ However, this is insufficient to explain the female urbanisation process in Perm’ province as the overwhelming majority of young female migrants were not factory labourers. Of the 57 passports belonging to women which had the occupation of the passport holder recorded, 25 (43,9 %) listed domestic service as their occupation.⁸⁴

Life for domestic servants in Russia was notoriously tough. These women were known as “white slaves”, with Barbara Alpern Engel claiming that “the domestic servant was even more isolated and vulnerable than the worker”.⁸⁵ Domestic servants were expected to rise well before and sleep well after their employers, they were not afforded the separate servants’ quarters seen in the homes of Britain’s upper class population, as servants frequently had to sleep behind screens in the hallways or kitchens of the homes they worked in.⁸⁶ With regards to male occupation, mobile workers into Perm’ were, most often, unskilled, reflecting the aforementioned increased mobility of non-skilled labour. Only one passport is listed as belong to a master, whilst 17 of the 91 male passports are listed as belonging to unskilled workers (*chernorabochii*).⁸⁷ Within this movement of unskilled labourers, the overwhelming majority of which were from other *uezdy* within Perm’ province, the database offers no information regarding the existence of *zemliachestvo* moving collectively into Perm’ in this period, as the passport database, collated from archival records, as there is no discernible record of peasants sharing origins and occupation moving into Perm’, although these assertions are far from concrete given the small sample size.

Perm’ province also presents an interesting case with regards to rural-to-rural mobility. In the post-Reform period, peasants from Perm’ province settled in a number of different provinces, most notably Orenburg, Tobol’sk and Tomsk. However, Perm’ province also

⁸³ Glickman R. L. *Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914*. Berkeley; London, 1984. P. 86.

⁸⁴ ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 334. Л. 1–37; Д. 333, 340, 341.

⁸⁵ Siegelbaum L., Moch P. *Broad Is My Native Land...* P. 108; Engel B. A. *Women in Russia, 1700–2000*. Cambridge, 2004. P. 96.

⁸⁶ Paterson M. *Private Life in Britain’s Stately Homes: Masters and Servants in the Golden Age*. London, 2012; Engel B. A. *Women in Russia, 1700–2000*. P. 95.

⁸⁷ ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 334. Л. 1–37; Д. 333, 340, 341.

welcomed settlers from other regions of Russia. By 1905 the agricultural lands on the Eastern border of Verhtorskii uезд, bordering Tobol'sk province, had become the site of settlement for 2 943 families, originating from Vologda, Kostroma, Viatka, Olonets, Arkhangel'sk and Perm' provinces.⁸⁸ Following the 1906 agricultural reforms of Prime Minister P. A. Stolypin which promoted increased settlement in Russia's eastern provinces, this number increased dramatically. By 1910, sources claim that Verhtorskii uезд had welcomed 14 000 settlers, with peasants from Mogilev, Vitebsk and Poltava provinces constituted the bulk of this rapid influx following the Stolypin Reforms.⁸⁹ Life for these settlers was incredibly difficult. Contemporaneous sources noted that "the majority [of settlers] are in extreme need. The agricultural business of the settlers is still only in its infancy and its development moves at a snail's pace".⁹⁰ The Perm' provincial zemstvo welcomed these settlers in the hope of cultivating unused land in Verhtorskii uезд.

Also of note were the peasants leaving Perm' province and settling in Siberia. When compared to the resettlement of hundreds of thousands of peasants from the Black Earth provinces into Siberia in the post-1906 years, contemporaneous sources noted that "the resettlement [from Perm' province] does not have a mass character here, as in the places where it is forced due to the extreme shortage of land".⁹¹ Whilst noting the lower quality of land in Perm' province when compared to other areas of Russia, agriculturalists in Perm' province often had much larger land allotments than their Western Russian contemporaries. For example, statistics cited by S. A. P'iankov suggest that in 1905 the average land allotment in seven of Perm's province's eleven uезды was higher than 15 desiatina, a significant increase when compared to allotments in the Black Earth provinces of Russia, where the equivalent figure could be three to four times lower.⁹²

⁸⁸ Справочное издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Переселение в Верхотурский уезд, Пермской губернии в 1906 г. СПб., 1905. Вып. 20. С. 7.

⁸⁹ Озеров И. Х. Горные заводы Урала. С. 52.

⁹⁰ Пермская земская неделя. 1907. № 38, 15 нояб. С. 14.

⁹¹ Там же. № 5, 29 марта. С. 18, 19.

⁹² Пьянков С. А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2014. С. 56; Ставровский Я. Ф., Алексеев В. В. Переселение в Сибирь: прямое и обратное движение переселенцев семейных одиноких, на заработки и ходяков. СПб., 1906. С. 17. (Переселенческое управление; вып. 18).

As the Krasnoufimskii zemleustroitelstvaia komissiia noted, “assistance for settlement beyond the Urals was not directly provided, since in general, the desire for resettlement from the given locality [Krasnoufimskii uезд] is weak in view of the good quality of land and the comparative supply of land to the local population”.⁹³

Despite this, thousands of peasants from Perm’ province took the decision to sell their allotments and resettle in Siberia. Given the lack of a “mass character” to this process of movement, it is vital to assess individual cases, which give detail and insights into the process of resettlement itself.⁹⁴ Of particular note are the archival holdings regarding transfer (perechisleniia) documents. Peasants seeking to enact this process of perechisleniia required a “class discharge” (uvol’nitel’noe svidetel’stvo), consisting of a “release document from their home province governors and the approval of the Senate”.⁹⁵ This process required the applicant to renounce their claims to allotment land in their place of origin, which in turn shifted responsibility for the redemption payments on this land to the local village land commune. Furthermore, “there could be no arrears on the part of the peasant family and all taxes had to be paid”, whilst the potential migrant also could not be facing criminal prosecution.⁹⁶ However, peasants sometimes ran into issues with the issue of these vital documents. Il’ia Iakimov, part of a group of 41 peasants from Rozhdestvenskaia volost, Solikamskii uезд, seeking resettlement in Eniseisk province in 1886 wrote fervently to zemstvo officials whilst in the Siberian city of Minusinsk, claiming that “it is unknown why we have yet to receive our documents, and many have received no answer, which has therefore forced [the settlers] to leave without them”.⁹⁷

The case of Iakimov is one example of the difficulties that many re-settlers faced on their journeys to Siberia. It also highlights group mobility as a key facet of rural resettlement from Perm’ province. The archival files contain many examples of peasants resettling in

⁹³ ГАПК. Ф. 277. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

⁹⁴ Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 52, 58, 62, 68, 192.

⁹⁵ Stites R. *Serfdom Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power*. New York, 2005. P. 295.

⁹⁶ Pallot J. *Land Reform in Russia 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin’s Project of Rural Transformation*. Oxford, 1990. P. 91; Bradley J. *Muzhik and Muscovite...* P. 108.

⁹⁷ ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 57. Л. 27.

groups, suggesting that many rural agriculturalists sought safety in numbers by seeking to resettle with others originating from the same volost. In particular, there are many examples of groups from volosts in Solikamskii uezd, one of Perm' province's poorest agricultural regions, seeking resettlement in Tobol'sk province. More specifically, there are four separate case files, involving approximately 30 peasants, from three different volosts, regarding resettlement in Chernavskaia volost, in Kurganskii uezd.⁹⁸ This practice of group mobility was also observable in Krasnoufimskii uezd, as 149 peasants from Beliankovskaia volost sought resettlement in Tobol'sk province in June 1913.⁹⁹ Comprising 29 separate families, ranging in size from 1 to 9 members, the Beliankovskaia peasants sought to find new, profitable land plots in Tobol'sk province, taking advantage of the reduced transport fares for re-settlers.¹⁰⁰ The large-scale movement from one volost may highlight difficult economic conditions within the region, with peasants seeking to work together to mitigate the economic and security-related difficulties associated with settling on new, uncultivated land and the arduous journey of hundreds of kilometres which lay before it.¹⁰¹

This study has attempted to briefly overview and document the different mobility networks present in Perm' province in the final half-century of Tsarist rule. It has taken a broad approach, documenting key mobility networks within the three main societal settings in Perm' province: the factory settlement, the urban city and the rural village. These preliminary findings, drawn from a synthesis of archival material, contemporaneous publications and the existing historiographical literature, are a starting point from which to further uncover the intricacies of the detailed mobility networks which existed and were vital in supporting Perm' province's economy. This study has attempted to demonstrate that Perm' province presents a unique case when approaching the study of modernisation in the Russian context. Progress along a linear continuum from "traditional" agriculture to "modern" industry did not exist in Perm' province, insofar as the

⁹⁸ Там же. Ф. 44. Оп. 1. Д. 58. Л. 5, 9; Д. 62. Л. 6, 27.

⁹⁹ ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 368. Л. 144–168.

¹⁰⁰ Там же. Л. 150.

¹⁰¹ Agrawal A. Profits on the Move: The Economics of Collective Migration among the Raika Shepherds in India // Human Organization. 1998. № 57:4. P. 475.

examples listed above detail the ways in which some workers were forced to leave the industrial economy, taking up agricultural labour for the first time in many generations in the wake of factory closure. Furthermore, factory settlements in Perm' province maintained close connection with the rural economy. Agriculture was of vital importance to many of Perm' province's factory settlements, both within the factory settlement, and also within Perm' province's villages, which were the source both of temporary auxiliary labour and grain supplies.

Crucially, with reference to mobility, this study has attempted to present the myriad ways in which Perm' province's citizens, both factory labourers and rural agriculturalists, saw mobility as a way of improving their economic condition. Throughout the post-Reform, pre-Revolutionary years workers and peasants were agents in their own movement, making informed decisions which they thought would lead to increased earnings. For some, this involved the temporary labour mobility of one, or more, members of the household, who left for weeks or months in order to bolster the earnings of the domestic agricultural economy. Others were mobile on a more permanent scale, as whole households sold their land allotments and looked to make a better life for themselves east of the Ural Mountains, in Siberia. These mobility networks were incredibly diverse and complex, sometimes entailing distances of thousands of kilometres and the transport of carts weighing hundreds of poods by diligent *izvozchiki*, a crucial component of Perm' province's economy. It appears that both temporary workers and resettling agriculturalists sought safety in numbers in the event of long journeys, as evidenced by the *zemiachestvo* networks of peasants from different provinces entering Perm' province's factory economy, or the groups of households from one *volost* who sought rural resettlement in Siberia as a collective. Through the conceptual tool of mobility it is possible to infer that Perm' province's residents, and those who migrated into the province, possessed great agency within the local and national economy, demonstrating their ability to make economic decisions which they saw necessary, whilst also showing local expertise in their correspondences with the *zemstvo*, in the case of peasants who sought resettlement in Siberia. The qualities of innovation and rational-decision making, hallmarks of modernity, are clearly discernible

within the mobility networks outlined this paper.¹⁰² Therefore, it remains to stress the need for greater conceptualisation and contextualisation of the terms “modernity” and “modernisation” in the national Russian context, accounting for the regional variances within socio-economy of Russia’s many regions.

Ключевые слова: *Пермская губерния, мобильность, миграции, модернизация*

Jonathan Rowson — PhD Candidate, Department of History, School of Humanities, University of Nottingham (Great Britain, Nottingham)
E-mail: *Jonathan.Rowson@nottingham.ac.uk*

Роусон Джонатан — соискатель ученой степени PhD при Совете по экономическим и социальным исследованиям, Факультет истории Школы гуманитарных наук, Ноттингемский университет (Великобритания, Ноттингем).

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1870–1914 гг.

В статье рассматриваются особенности трудовой мобильности населения Пермской губернии на рубеже XIX–XX вв., показано ее значение для сельского, городского и индустриального хозяйства. Автор полагает, что «теория мобильностей» является ценным исследовательским инструментом для изучения вопросов перемещений населения, особенно трудовых, насколько они были обусловлены состоянием экономики региона в дореволюционный период и какое влияние при этом на нее оказывали. Сделан вывод, что жители Пермской губернии (как рабочие, так и крестьяне) демонстрировали независимую инициативу и способность к принятию самостоятельных экономических решений, выступая субъектами своих передвижений.

Список литературы

- Anderson B. Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia. Princeton, 1980.
- Agrawal A. Profits on the Move: The Economics of Collective Migration among the Raika Shepherds in India // Human Organization. 1998. № 57:4. P. 469–478.
- Aguiar M. Tracking Modernity: India’s Railway and the Culture of Mobility. Minneapolis, 2011.
- Aloysius G. Demystifying Modernity: Notes Not So Tentative // Social Scientist. 2009. № 37.9/10. P. 50.

¹⁰² Scott C. V. Gender and Development... P. 5.

- Baron N., Gatrell P. Population Displacement, State-Building, and Social Identity in the Lands of the Former Russian Empire, 1917–23 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. № 4.1. P. 51–100.
- Bater J. H. Modernization and Multiplicity: Moscow and St. Petersburg on the Eve of the Great War // *Studies in Russian Historical Geography*. New York, 1983. Vol. 2. P. 305–328.
- Berman Sh. E. Modernization in Historical Perspective: The Case of Imperial Germany // *World Politics*. 2001. № 53.3. P. 433–434.
- Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley; London, 1985.
- Burds J. Peasant Dreams & Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998.
- Daniels R. V. Revolution, Modernization and the Paradox of Twentieth-Century Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 2000. № 42.3. P. 249–268.
- Dixon S. The Modernisation of Russia 1676–1825. Cambridge, 1999.
- Dube S. C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Bath, 1990.
- Eisenstadt Sh. N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. № 129.1. P. 1–29.
- Eklof B. Introduction // *Russia's Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994. P. 4.
- Engel B. A. Women in Russia, 1700–2000. Cambridge, 2004.
- Faulconbridge J., Hui A. Traces of a Mobile Field: Ten Years of Mobilities Research // *Mobilities*. 2016. № 11.1. P. 1–14.
- Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, 1962.
- Gleason A. The Great Reforms and the Historians since Stalin // *Russia's Great Reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994. P. 1–18.
- Glickman R. L. Peasant Women and Their Work // *Russian Peasant Women*. New York, 1992. P. 54–72.
- Glickman R. L. Russian Factory Women: Workplace and Society, 1880–1914. Berkeley; London, 1984.
- Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective // *International Migration Review*. 2010. № 44.1. P. 227–264.
- Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures. Cambridge, 1998.
- Hannam K., Sheller M., Urry J. Editorial: Mobilities, Immobilities and Moorings // *Mobilities*. 2006. № 1.1. P. 1–22.
- Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
- Fedyashin A. A. Liberals under Autocracy: Modernization and Civil Society in Russia, 1866–1904. Madison, 2012.

- Johnson R. E. Peasant Migration and the Russian Working Class: Moscow at the End of the Nineteenth Century // *Slavic Review*. 1976. № 35.4. P. 652–664.
- Kozlarek O. Toward a Postcolonial Sociology in the Work of Octavio Paz // *Postcolonial Sociology*. Bingley, 2013. P. 179–180.
- Lewis H., Siegelbaum L., Moch P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca; New York; London, 2014.
- Mahler S. J., Pessar P. R. Transnational Migration: Bringing Gender // *International Migration Review*. 2003. № 37.3. P. 812–846.
- Mosse W. E. *Alexander II and the Modernization of Russia*. London, 1958.
- Nkwi W. G. *African Modernity and Mobilities // Ethnography of Kom. Cameroon, c. 1800–2008*. Bamenda, 2015.
- Nowicka M. Mobility, Space and Social Structuration in the Second Modernity and Beyond // *Mobilities*. 2006. № 1.3. P. 421–422.
- Pallot J. *Agrarian Modernization on Peasant Farms in the era of Capitalism // Studies in Russian Historical Geography*. New York, 1983. Vol. 2. P. 423–450.
- Pallot J. *Land Reform in Russia 1906–1917: Peasant Responses to Stolypin's Project of Rural Transformation*. Oxford, 1990.
- Parsons T. *Structure and Process in Modern Societies*. New York, 1960.
- Paterson M. *Private Life in Britain's Stately Homes: Masters and Servants in the Golden Age*. London, 2012.
- Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Revolution 1881–1917*. Harlow, 1995.
- Rostow W. W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960.
- Salt J., Clarke J., Wanner P. *International Labour Migration*. Strasbourg, 2004.
- Samers M. *Migration*. Abingdon, 2010.
- Scott C. V. *Gender and Development: Rethinking Modernization and Development Theory*. Boulder, 1995.
- Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. Ithaca; New York; London, 2014.
- Stark O., Bloom D. The New Economics of Labor Migration // *The American Economic Review*. 1985. № 75.2. P. 173–178.
- Stites R. *Serfdom Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power*. New York, 2005.
- Turoma S., Waldstein M. Introduction: Empire and Space: Russia and the Soviet Union in Focus // *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union*. Farnham, 2013. P. 10.
- Vertovec S. *Transnationalism*. Abingdon, 2009.

Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. New York, 1978.

Zaionchkovsky P. A. *The Russian Autocracy in Crisis, 1878–1882*. Hamburg, 1979.

Алексеев В. В. «Имперская модель» модернизации России // Строгановское историческое собрание: материалы всерос. науч. конф. «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале». Екатеринбург; Пермь, 2011. Вып. 6. С. 3–19.

Бакунин А. В. *Очерки истории Свердловска. 1723–1973*. Свердловск, 1973.

Буранов Ю. А. *Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917)*. М., 1982.

Воеводин Л. Е. *Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии*. Пермь, 1910.

Гаврилов Д. В. *Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900*. М., 1985.

Голикова С. В. *Заводские поселки — особый тип уральских поселений, XVIII — начало XX в.* // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2003. Вып. 3. С. 66–88.

Дружинин Н. М. *Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева*. М., 1958.

Мильтман Е. М. *Железные дороги Урала и развитие Перми во второй половине XIX в.* // 250 лет Перми: материалы науч. конф. «Прошлое, настоящее и будущее». Пермь, 1973. С. 102–104.

Неклюдов Е. Г. *Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения*. Екатеринбург, 2013.

Побережников И. В. *Великие реформы 1860–1870-х гг. в контексте фронтальной модернизации Урала* // Строгановское историческое собрание: материалы всерос. науч. конф. «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале». Екатеринбург; Пермь, 2011. Вып. 6. С. 71–78.

Пьянков С. А. *Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX в.* Екатеринбург, 2014.

Рашин А. Г. *Формирование рабочего класса России: историко-экономические очерки*. М., 1958.

Рындзюнский П. Г. *Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг.* М., 1978.

Скубневский В. А. *Сибирский город начала XX в. в условиях модернизации* // Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ю. И. Кирьянова. Кострома, 2003. Ч. 1. С. 65–73.

Чагин Г. Н. *Города-заводы*. Пермь, 2014.

А. Ю. Федотова

**МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ТАССР
В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА В 1921–1923 гг.**

УДК 94(470.41) «1921/1923»:314.7

В статье рассматривается миграция населения Татарской Автономной Советской Социалистической республики в годы голода 1921–1923. На основе неопубликованных источников центральных и местных архивов в статье предпринимается попытка оценить демографические потери населения ТАССР в ходе миграции взрослого и детского населения за пределы республики в условиях голода, выявить основные проблемы, связанные с этим процессом.

Можно выделить организованную миграцию, которая проходила под руководством государственных структур, и стихийную, когда население самостоятельно снималось с мест своего постоянного проживания и уходило в более благополучные регионы Советской России. Организованная миграция выражалась в возвращении беженцев и военнопленных в места их постоянного проживания, позднее — в переселении рабочих и крестьян в более благополучные регионы РСФСР. С усилением голода среди населения, особенно крестьянского, увеличивается поток неорганизованной миграции сначала внутри ТАССР, а затем и за ее пределы. Массы голодных двигались на железнодорожные станции и речные пристани в надежде покинуть охваченный голодом регион. Те, кто еще имел лошадь и повозку, покидали территорию ТАССР самостоятельно, минуя структуры Татэвака. Таким образом, они не попадали в официальную статистику мигрантов. С весны 1922 г. начинается возвращение голодающих в пределы Татарской республики. Детей эвакуировали за пределы ТАССР организованным путем.

В результате миграции населения в голодные 1921–1923 гг. Татарскую республику покинуло не более 10 % взрослых и 1 % детей. В отличие от детей, которые почти полным составом вернулись в регион в результате организованной реэвакуации, примерно 4 % взрослого населения осталось за пределами Татарской республики.

Ключевые слова: *Советская Россия, ТАССР, демография, миграция, голод 1921–1923 гг.*

Голод — это не только физиологические и психологические ощущения, вызванные недостатком пищи, но и социальная проблема, общественное бедствие, охватывающее определенную территорию с проживающим на ней населением. Голод сопровождается массовым бегством с обжитых мест, ростом заболеваемости, распространением эпидемий и, наконец, массовой гибелью людей. В демографии применительно к данным явлениям используются термины естественное и механическое движение населения.

В основном при изучении демографических последствий голода рассматривается естественное движение населения — смертность и рождаемость. Упоминания людских потерь на территориях, охваченных голодом, в результате механического движения населения в отечественной историографии, как правило, косвенные и встречается всего в нескольких работах.¹

Условными хронологическими рамками для голода первых лет советской власти можно считать период деятельности двух государственных организаций — Комиссии помощи голодающим (Помгол) и Комиссии по борьбе с последствиями голода (Последгол). На территории ТАССР крайними датами работы Помгола и Последгола являются 22 июля 1921 г. и 22 сентября 1923 г. В действительности голод начался раньше и завершился позже официального признания властью его факта.

Важнейший источник для изучения данного вопроса — материалы демографической переписи 1920 г.² Особую группу источников составляет делопроизводственная документация, сохранившаяся в фондах Полномочного представительства правительств РСФСР и УССР при всех зарубежных организациях помощи России (Ф. Р-1058), Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском центральном исполнительном комитете (Ф. Р-1065), Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ВЦИК РСФСР (Ф. Р-5207)

¹ См.: Миграция сельского населения. М., 1971; Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993; Исулов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Давыдов Д. В. Крестьянство ТАССР в условиях НЭПа: историко-демографическая характеристика. Казань, 2009; и др.

² Итоги Всесоюзной переписи 1920 года. М., 1928.

Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР (Ф. Р-732), Народного комиссариата здравоохранения ТАССР (Ф. Р-3959), Народного комиссариата внутренних дел ТАССР (Ф. Р-5852), Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) при ЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР (Ф. Р-4470), Татарского базисного управления по эвакуации населения (Ф. Р-123), Татарского областного комитета РКП(б) (Ф. П-15) Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ). Доклады и отчеты государственных структур, текущая переписка, протоколы совещаний и др. позволяют проследить, как проходила миграция населения, количественные и качественные изменения в составе мигрантов, выявить основные проблемы, связанные с этим процессом. Количественные данные различных ведомств, таких как Татарское статистическое управление, НКВД, Татарское управление по эвакуации населения при НКВД (Татэвак) и др., отличаются друг от друга, что связано с различной методикой их получения.

Количество населения

Всероссийская перепись населения проходила в 1920 г. и охватила 10 кантонов недавно созданной Автономной Татарской Советской Социалистической республики (Арский, Бугульминский, Буинский, Лаишевский, Мамадышский, Мензелинский, Свияжский, Спасский, Тетюшский и Чистопольский). В 1921 г. были образованы еще три кантона: Елабужский (территория кантона до этого входила в состав Вятской губернии), Агрызский (позднее выделился из Елабужского), Челнинский (ранее являлся частью Мензелинского кантона). Поэтому результаты Всероссийской переписи 1920 г. по ТАССР и сохранившаяся в исторических источниках информация о количестве населения в 1921–1923 гг. заметно отличаются друг от друга.

Так, официальная статистика гласит, что в ТАССР по переписи 1920 г. проживало 2 700 000 человек.³ Бюллетень Статистического управления ТАССР констатирует по переписи 1920 г.

³ Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань, 2008. Т. 4: М–П. С. 605.

2 919 332 человека.⁴ Материалы местных архивов фиксируют различное число фактического количества населения: Татарский областной комитет РКП(б) называет 3 021 211,⁵ в тоже время представители иностранной организации помощи весной 1921 г. сообщали о 3 366 719 человек.⁶ В неопубликованных делопроизводственных документах Полномочного представительства правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи России фигурирует следующая информация: ТАССР состоит из 12 кантонов с количеством населения 2 852 135 душ обоего пола.⁷ В газете «Известия ТатЦИКа» за 1 июля 1921 г. в качестве предварительных итогов переписи приводится цифра 3 021 211 человек.⁸ Поскольку данная газета являлась главным общественно-политическим органом ТАССР, именно это число можно считать наиболее близким к правде.

Если данные по количеству всего населения республики расходятся, то по детскому населению информация центральных и местных архивов имеет незначительные отклонения. По статистике 1920 г., сохранившейся в отчетах и докладах Комиссии по улучшению жизни детей (Деткомиссия) при ВЦИК, детей в ТАССР насчитывается 1 208 875: из них до четырехлетнего возраста — 313 842; от 5 до 7 лет включительно — 267 653; от 8 до 15 лет — 627 380.⁹ В документах Полномочного представительства правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи России за 1921 г. отмечается детей обоего пола уже до 16 лет 1 304 420, в том числе в возрасте от 0 до 4 лет — 404 861, 5–7 лет — 267 658, 8–16 лет — 631 906.¹⁰ Увеличение численности детского населения можно объяснить не только повышением возрастного ценза до 16 лет, но и расширением территории ТАССР. Материалы ЦК Помгол при ТатЦИК подтверждают данные центральной статистики, приводя близкий показатель в 1 304 425 человек.

⁴ Бюллетень Статистического управления ТАССР. 1921. № 6, янв.–март.

⁵ ГАРФ. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 201. Л. 7.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 86. Л. 67.

⁸ Известия ТатЦИКа. 1921. № 178, 1 июля.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 69. Л. 94об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 86. Л. 67.

По материалам Центральной комиссии помощи голодающим при ЦИК ТАССР к 1 января 1922 г. количество взрослого населения составило 2 797 527,¹¹ фактическая наличность детского населения — 969 908 человек.¹² Обращает на себя внимание то, что в сумме они дают значительно большее количество населения ТАССР даже для неголодного времени. Все это затрудняет выявление начальной точки отсчета для установления более точных демографических потерь в результате миграции населения республики.

*Эвакуация как форма организованной миграции
населения в условиях голода*

В ТАССР процессом эвакуации населения занималось Татарское базисное управление по эвакуации населения — Татэвак. Эвакуация населения из ТАССР изначально не была напрямую связана с голодом. Она была организована практически сразу после окончания Гражданской войны, то есть задолго до официального признания голода. Основной поток мигрантов включал в себя беженцев войны, военнопленных, а также рабочих, централизованно отправляемых в другие районы Советской России. За период с 25 мая 1921 г. по 25 мая 1922 г. через органы Татэвака в плановом порядке прошло 28 019 переселенцев-земледельцев и 171 030 переселенцев-рабочих, отправленных в промышленные центры. Рабочих в основном отправляли в Сибирь, Туркестан, Донецкий угольный бассейн.¹³

С официальным признанием факта голода на эвакуацию взрослого голодающего населения Татарская республика стала получать «наряд» из Москвы. В результате обследования ТАССР комиссией ВЦИК под руководством Белкина и согласно собранным статистическим сведениям о беженцах была признана необходимость в срочной эвакуации до 5 % от всего взрослого голодающего населения республики.¹⁴ Так, на август 1921 г. Татарская республика получила наряд на 15 000 человек. При распределении по кантонам принимались в расчет численность населения и объем

¹¹ ГАРТ. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6. Л. 253об.

¹² Там же. Л. 30.

¹³ См.: Бич народа. Очерки страшной действительности: литературно-научный иллюстрированный сборник. Казань, 1922. С. 33.

¹⁴ ГАРТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 161. Л. 42.

собранного урожая. В итоге в список эвакуируемых попали голодающие только из 8 кантонов (Бугульминский, Буинский, Лаишевский, Мамадышский, Спасский, Тетюшский, Чистопольский, Елабужский) в количестве 10 000.¹⁵ Как были распределены остальные 5 000, были ли они распределены между остальными 5 кантонами, установить не удастся. Основными направлениями эвакуации взрослого населения были Нижегородская и Владимирская губернии, Брянск, Гомель и др.¹⁶

Проследить ход эвакуации не представляется возможным, так как в ежемесячных отчетах Татэвака организованная эвакуация голодающих не нашла своего отражения. Скорее всего, даже это незначительное количество населения в полном объеме отправлено не было. Уже в ноябре 1921 г. ТатЦИК выпустил Постановление о прекращении организованного переселения до весны 1922 г. из-за отсутствия «нарядов Центра».¹⁷ 8 декабря 1921 г. на заседании представителей голодающих губерний в Наркомате земледелия РСФСР было заявлено о полном прекращении организованного переселения.¹⁸

Миграция населения

Крестьяне стали покидать места постоянного проживания задолго до официального признания ситуации голода, переселяясь сначала в города. В условиях ухудшения продовольственного положения стихийное движение населения значительно увеличивалось.

Летом 1921 г. в отчетах Татэвака появляется новый контингент — голодобегенцы — стихийно, вне плановых нарядов, движущиеся массы голодных. Отмечалось значительное загромождение пристаней и железнодорожных станций, особенно таких как пристань Богородск и станция Свияжск.¹⁹ Переселением голодающих также стал заниматься Татэвак. Однако на законодательном уровне эта деятельность была оформлена лишь 12 января 1922 г.

¹⁵ Там же. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.

¹⁶ См.: Бич народа. Очерки страшной действительности... С. 33.

¹⁷ ГАРТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 301. Л. 15.

¹⁸ Цит. по: Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. С. 511.

¹⁹ ГАРТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 157. Л. 8.

Видимо, поэтому данный термин в списках отправленных Татэваком стал стабильно появляться только с февраля 1922 г.²⁰ (см. табл. 1). До этого фигурировали в основном «беженцы» и «переселенцы». Их количество резко увеличивается с сентября 1921 г. (в июле беженцев было 24 человека, в августе — 430, в сентябре — 2 107).²¹ Можно предположить, что первоначально эвакуирующееся голодающее население, стихийно прибывавшее на станции и пристани, приписывалось именно к числу «беженцев» или «переселенцев».

В декабре 1921 г. было объявлено о прекращении переселения на правительственном уровне. Однако поток самовольного беспорядочного движения голодающих не уменьшался, а увеличивался. К 1 января 1922 г. было эвакуировано рабочих 110 387, переселенцев 11 730, беженцев — 9 589, прочих 332²², всего 132 038.

В начале 1922 г. до возобновления официальной эвакуации Татэвак по соглашению с местными железнодорожными властями отправлял голодающих ежедневно небольшими партиями в пассажирских поездах. В апреле того же года из Москвы было получено три наряда на переброску 3 545 голодающих в хлеботородные губернии (отправлено было 2 914 человек).²³ Всего за первое полугодие 1922 г. было эвакуировано 5 146 голодающих, причем наибольшее количество приходится на апрель (см. табл. 1). Возможно, это связано с открытием навигации на Волге.

Таким образом, если суммировать имеющиеся данные, получается, что ТАССР к середине 1922 г. покинуло 214 188 человек взрослого населения. Эта информация находит подтверждение в телеграмме полномочному представителю СНК РСФСР при Американской администрации помощи и всех иностранных организациях помощи голодающим А. В. Эйдуку от заместителя председателя Комиссии помощи голодающим в ТАССР Р. А. Сабирова в мае 1922 г. Последний отмечал, что бежало из Татреспублики 214 439 человек.²⁴

²⁰ Там же. Д. 301. Л. 15.

²¹ Там же. Д. 157. Л. 1, 2, 8.

²² Там же. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6. Л. 253 об.

²³ Там же. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

²⁴ Там же. Ф. Р-4470. Оп. 1. Д. 6. Л. 12. Текст телеграммы расплывается, цифры читаются недостаточно хорошо.

Таблица 1

Миграция взрослого населения в первом полугодии 1922 г.*

Период	Голодающие	Голодающие-обратники
2–28 февраля	1 097	—
1 марта–4 апреля	1 024	—
4 апреля–2 мая	1 792	—
2–30 мая	359	3 994
31 мая–25 июня	757	2 974
26 июня–16 июля	117	4 988
Всего	5 146	11 956

* Составлено по данным: ГАРТ. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

Интересный вывод сделал Д. В. Давыдов относительно половой принадлежности мигрантов. Он отмечает, что по сравнению с 1920 г. значительно выросла миграционная активность женщин. Предположительно возраст мигранток в 1922 г. составил в основном 20–40 лет, так как это наиболее мобильная возрастная категория. Также он отмечает, что среди мигрантов в основном были татары.²⁵ Это связано с тем, что они оказывались в более тяжелых условиях, чем представители других национальностей в этом регионе, в связи с отсутствием у них традиции огородничества, а также зерновых запасов. Главным направлением данных миграционных потоков были Сибирь и Туркестан, под которым понималась практически вся Средняя Азия, входившая на тот момент в состав РСФСР. Социальная принадлежность мигрантов не находит своего отражения в исторических источниках. Можно предположить, что в основном это были крестьяне, так как они более всего страдали от неурожая и голода. Горожане, как правило, принадлежали к числу рабочих или советских служащих и получали паек от государства.

Весной 1922 г. с началом полевого сезона наблюдалось новое явление — возвращение переселенцев на места прежнего проживания. По данным НКВД ТАССР, с апреля количество «обратников» стало значительно превышать количество переселенцев. Уже в июне численность возвращающихся выросла до

²⁵ См.: Давыдов Д. В. Крестьянство ТАССР в условиях НЭПа... С. 55, 60.

4 876 человек. Всего в мае и июне 1922 г. вернулось до 9 689 человек.²⁶ Татарское базисное управление по эвакуации населения приводит немного другие показатели за весенне-летние месяцы 1922 г., однако общая тенденция увеличения «обратников» сохраняется (см. табл. 1).

В зависимости от того, какие данные исходной численности населения брать в расчет, получается, что покинуло ТАССР от 6 до 8–10 % взрослых. Скорее всего, реальное количество мигрантов за весь период голода было выше. Так, отмечается, что возвратившихся голодобеженцев к 1 октября 1922 г. было 138 461 человек, а к 1 июня 1923 г. — 281 829.²⁷ Последние цифры превышают количество мигрантов 1922 г., что говорит о продолжившемся оттоке населения осенью–зимой 1922/1923 гг. По мнению Д. В. Давыдова, доля «невозвращенцев» в 1922 г. составляла примерно от 107 152 до 160 728 человек.²⁸

Детская эвакуация

В голодные годы происходит значительное увеличение количества беспризорных детей — они оказывались брошены родителями, которые неорганизованным путем переселялись в другие регионы РСФСР. С осени 1921 г. кантональные отделы народного образования начали организованно эвакуировать их в Казань, чтобы в дальнейшем отправлять в более благоприятные регионы РСФСР.

В Казани для работы в этом направлении было организовано Эвакуационное бюро при Татнаркомпросе, которое действовало при участии ЦК Помгол, Комиссии по улучшению жизни детей при ТатЦИК и Эвакуационного подотдела Татнаркомздрава.²⁹

Эвакуация детей из кантонов проходила двумя путями — «планово» и «ударно». Во главе плановой эвакуации встал Эвакуационный подотдел Татнаркомздрава. К 1 ноября 1921 г. из кантонов в Казань через сеть железных дорог было эвакуировано 4 320 детей, водным путем — 7 556.³⁰

²⁶ Подсчитано по: ГАРТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 301. Л. 20, 22.

²⁷ ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 254. Л. 1.

²⁸ См.: Давыдов Д. В. Крестьянство ТАССР в условиях НЭПа... С. 39.

²⁹ См.: Бич народа. Очерки страшной действительности... С. 24.

³⁰ ГАРТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 161. Л. 45.

«Ударную эвакуацию» производили из городов ТАССР, стоящих на линии железных дорог. Дети из этих городов привозились в Казань в специально оборудованных «теплушках», проходили санобработку, после которой направлялись в распределители Казани. Оттуда они после определенного карантина должны были эвакуироваться по нарядам Москвы в регионы РСФСР.³¹ Документы не дают ответа на вопрос, почему этих детей нельзя было отправить в благополучные регионы РСФСР в рамках плановой эвакуации. Предположительно «ударная эвакуация» проводилась после плановой, когда произошло наступление холодов. Количество детей, которые подпали под ударную эвакуацию, не нашло отражения в источниках, либо было включено в общий состав эвакуированных.

С сентября 1921 г. по май 1922 г. было эвакуировано 10 814 голодающих детей, что составило менее 1 % от всего детского населения ТАССР. Скорее всего, дальнейшая эвакуация не производилась, и это количество детей можно считать окончательным. Основными местами переселения были Москва, Петроград, Тверь, Бологое, Омск, Витебск, Гомель, Семипалатинск, Винница, Новгород, Баку и др.³² Наибольшее количество детей было эвакуировано в Москву (1 289), Могилев (502), Баку (268), Тулу (211).³³

С начала июня 1922 г., в связи с благополучным прогнозом на урожай Татарский комиссариат просвещения начал работу по реэвакуации детей из Казани в кантоны. Они снабжались обмундированием и двухнедельным продовольственным пайком, а дальше под руководством Комиссии по улучшению жизни детей передавались родителям, не имеющие их — детским учреждениям Наркомпроса.³⁴

Летом 1922 г. началось организованное возвращение детей из разных населенных пунктов Советской страны. В первую очередь реэвакуация касалась тех детей, которые находились в приемниках-распределителях Москвы и имели родителей или

³¹ Там же. Ф. Р-3959. Оп. 1. Д. 160. Л. 2–2об.

³² См.: Бич народа. Очерки страшной действительности... С. 24.

³³ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 2. Д. 126. Л. 93.

³⁴ ГАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 263. Л. 43об.

близких родных в Татарской республике. Во вторую очередь необходимо было отправлять детей-сирот, находящихся в московских приемниках, ожидающих своей разгрузки. Далее возвращению в ТАССР подлежали дети, попавшие в крайне неблагоприятные условия существования в Подольской, Тверской, Гомельской губерниях и Сибири. Что касается детей, находящихся в организованных детских домах по РСФСР, то таковые не подлежали реэвакуации до урожая 1923 г. Из них могли быть реэвакуированы только те дети, которые имели от родителей известия с призывом вернуться в семью.

В результате с 1 июля 1922 г. по 15 февраля 1923 г. вернулось в пределы ТАССР 3 237 детей, в том числе «организованным порядком» — 2 820. Из них было имеющих обоих родителей 1 251 человек, полусирот — 1 087, круглых сирот — 899. Кроме того, среди реэвакуированных детей преобладали татары — 1 730 детей, русских — 1 280, а мальчиков было почти в два раза больше девочек — 2 227 и 1 010 соответственно. С 1 сентября 1922 г. по 1 сентября 1923 г. всего было принято до 10 000 реэвакуированных детей,³⁵ что составило примерно 93 % от эвакуированных.

Наряду с плановой реэвакуацией внутри страны началась так называемая «самочинная». За август и сентябрь 1922 г. внеплановым образом вернулось в ТАССР из Баку, Вятской и Тверской губерний 746 детей.³⁶ Причину такого самостоятельного возвращения детей в родные края называет Деткомиссия ВЦИК. В декабре 1922 г. в своей докладной записке она сообщает: «узнав о том, что голодная кампания закончена, детей из голодгуберний отправляют обратно на их родину, организации, содержавшие детские дома для голод[ающих] детей, стали отказывать [в] своей помощи... Детей просто привозили группами и одиночек в чрезвычайную комиссию и оставляли, заявляя, что голод кончился, и дальше крестьяне содержать детей не могут. Аналогичные заявления и требования предъявляли военные, а затем рабочие и др. профессиональные организации».³⁷

³⁵ Там же. Л. 43об.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 184. Л. 20–20об.

Вывод

Необходимо отметить, что миграция населения ТАССР была как внутренней в рамках самой республики, так и внешней, когда население покидало пределы бывшей Казанской губернии. Организованное перемещение трудового взрослого населения началось до официального признания факта неурожая и голода и не было связано с ним. Из ТАССР эвакуировались военнопленные, беженцы, в последующем — рабочие и крестьяне, отправляющиеся на заработки в другие регионы Советской России. С наступлением голода миграция населения усилилась. Жители сельской местности отправлялись в города в поисках пропитания и работы, образуя потоки внутренней миграции. Население, подпадающее под категорию особо нуждающихся, планово по «нарядам Центра» эвакуировалось за пределы голодающей Татарской республики. В то же время были те, кто стремился самостоятельно покинуть места своего постоянного проживания в связи с голодом. Здесь было два пути: либо воспользоваться железной дорогой или речным транспортом, либо — личной повозкой, увозя с собой небольшой скарб. Как правило, последние не попадали в статистику органов Татэвака. Их количество было таким, что работники местных статистических отделений оказывались не в состоянии зафиксировать всех голодобеженцев. Это затрудняет установление точного числа потерь в результате стихийной миграции. Подсчет усложняется еще и тем, что данные официальной статистики приходятся на 1920 г., то есть до момента окончательного формирования территории ТАССР и официального признания голода.

За период 1921–1922 гг. ТАССР покинуло примерно от 6 до 10 % взрослых. Скорее всего, реальное количество мигрантов за весь период голода было выше. Продовольственная ситуация осенью 1922 г. предвещала новую голодную зиму, что способствовало продолжению оттока населения из республики и в 1922–1923 гг. По социальной принадлежности среди мигрантов в основном были крестьяне, по национальному признаку преобладали татары, по половому цензу — наблюдалась усиленная миграционная активность женщин.

С началом полевого сезона появляется новый виток внутренней миграции. Уже весной 1922 г. то население, которое

не успело отправиться в благополучные районы РСФСР, стало возвращаться на места своего постоянного проживания. Взрослая организованная плановая реэвакуация населения не проводилась. Примерно 4 % взрослого населения не вернулось в пределы ТАССР.

Детей Татарской республики затронула как внутренняя, так и внешняя миграция. Организованная эвакуация детского населения проводилась в детские учреждения Казани, а также в детские дома Советской России, на иждивение частных лиц или организаций. В результате плановым организованным путем детей было эвакуировано менее 1 %. В официальную статистику не попадали дети, которые покинули пределы ТАССР с семьей или одиночно в ходе неорганизованной миграции. С началом лета 1922 г. и до осени 1923 г. практически все детское население ТАССР было возвращено в ее пределы.

Федотова Анастасия Юрьевна — к.и.н., доцент кафедры гуманитарных наук Подготовительного факультета для иностранных учащихся, Казанский федеральный университет (г. Казань)

E-mail: stasi7886@mail.ru

Anastasia Yu. Fedotova — Candidate of Historical Sciences, Kazan Federal University (Russia, Kazan)

MIGRATION OF TASSR POPULATION IN THE CONDITIONS OF FAMINE IN 1921–1923

The article examines the migration of the population of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic as a result of the 1921–1923 famine. Based on unpublished sources of central and local archives, the article attempts to estimate the demographic losses of the TASSR population during the migration of adult and child populations outside the republic in the conditions of famine, and to identify the main problems associated with this process.

One can distinguish between organized migration that took place under the leadership of state structures and spontaneous when the population independently withdrew from their places of permanent residence and went to the more prosperous regions of Soviet Russia. Organized migration manifested itself in the return of refugees and prisoners of war to their places of permanent residence, later – in

the resettlement of workers and peasants to the more prosperous regions of the RSFSR. With increasing hunger among the population, especially the peasants, the flow of unorganized migration increases first inside the TASSR, and then beyond. The masses of the hungry moved to railway stations and river piers in the hope of leaving the famine-stricken region. Those who still had a horse and a wagon left the territory of the TASSR on their own, bypassing the structures of the Tatevak. Thus, they did not fall into the official statistics of migrants. Since the spring of 1922, the return of the starving people to the Tatar Republic began. Children were evacuated outside the TASSR in an organized way.

As a result of migration during the 1921–1923 famine no more than 10 % of adults and 1 % of children left the Tatar republic. Unlike children who returned back almost completely through organized re-evacuation, approximately 4 % of the adult population remained outside the Tatar republic.

Keywords: *Soviet Russia, TASSR, demography, migration, famine of 1921–1923*

Список литературы

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993.

Бич народа. Очерки страшной действительности: литературно-научный иллюстрированный сборник. Казань, 1922.

Давыдов Д. В. Крестьянство ТАССР в условиях НЭПа: историко-демографическая характеристика. Казань, 2009.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

Миграционная подвижность населения в СССР. М., 1974.

Миграция сельского населения. М., 1971.

Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007.

Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань, 2008. Т. 4: М–П.

В. А. Исупов
**МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1945 гг.)¹**

УДК 94(571.1)''1941/1945'':314.7

Исследователи социально-демографической истории России интерпретируют миграции главным образом как явление, обусловленное перемещениями рабочей силы из трудоизбыточных районов в районы промышленного развития, которые испытывают дефицит трудовых ресурсов. В этом аспекте немаловажное значение придается территориальным различиям в уровне материального обеспечения населения. Но война породила новые типы миграций. Они носили принципиально иной, чем в мирные годы характер и вызывались главным образом военно-политическими факторами. Среди миграций военного времени доминировали передвижения воинских контингентов на фронт, раненых военнослужащих в тыл, бойцов рабочих колонн (трудовой армии) к месту дислокации. Огромный миграционный поток представляли гражданские лица, эвакуированные из прифронтовых и угрожаемых зон в тыловые районы, а затем возвращавшиеся в места первоначального жительства в ходе реэвакуации. Кроме того, в восточном направлении перемещались депортированные на восток этнические группы. Немаловажную роль в формировании миграционных потоков военных лет играли трудовые мобилизации, в ходе которых перебрасывались гражданские лица, призванные на работу в промышленность, на транспорт и стройки. Значительный миграционный поток составляла сельская молодежь, призванная на учебу в ремесленные и железнодорожные училища, а также те, кто поступил в вузы и техникумы. Немаловажное значение имело плановое заселение территорий, опустевших после насильственных перемещений народов. Вместе с тем не прекращались и миграции, вызванные факторами экономического характера. В статье предпринята попытка выявить сложную совокупность по возможности всех видов миграций, установить связи между ними, дать оценку их масштабов в региональных рамках Западной Сибири.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ проект № 16-01-00412 «Людской потенциал Сибири в условиях системной трансформации российского общества в XX в.»

Ключевые слова: *миграции, механическое движение населения, плановые переселения, воинские и трудовые мобилизации, эвакуация, резэвакуация, депортация, паспортная статистика*

Всякая война неизбежно повышает объем и интенсивность миграционного движения населения. Но не было такой войны, в ходе которой миграции принимали бы столь значительные масштабы, как Великая Отечественная. В России в 1941–1945 гг. одновременно перемещались миллионы людей. На запад шли многочисленные эшелоны с бойцами и командирами Красной армии, на восток — поезда с ранеными. В районы промышленного строительства перебрасывались призванные в трудовую армию бойцы рабочих колонн. В тыл из прифронтовой зоны перемещались эвакуированные граждане. Трудовая мобилизация вынуждала миллионы гражданских лиц, в основном колхозников менять место жительства, чтобы трудиться на заводах и фабриках, на транспорте и стройках. Крестьянская молодежь спешно призывалась в ремесленные и железнодорожные училища. В города, на учебу в техникумах и вузах устремлялась сельская молодежь. В деревню на сельскохозяйственные работы ехали студенты и старшеклассники. К новому месту проживания передвигались депортированные народы. А опустевшие после их изгнания территории заселялись в ходе плановых переселений. И все это происходило на фоне никогда не прекращавшихся стихийных перемещений крестьян в города. Колхозники и рабочие совхозов, ломая все расчеты плановых органов, стремились на заводы и фабрики, спасая себя и свои семьи от невыносимых условий жизни в деревне. Стихийные самовольные переселения не могли сдерживать никакие государственные ограничения.

Иногда понятие «миграция населения» суживается и понимается главным образом как массовые перемещения людей, обусловленные в основном факторами экономического характера. Такой подход неприменим к условиям военного времени, когда основными факторами и причинами миграций были военно-политические события. В статье мы будем строго придерживаться ставшего классическим определения миграций, согласно которому последние являют собой «перемещения людей через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время».²

² Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 251.

Проблема миграций в годы Великой Отечественной войны не нова. Особенно много внимания этому вопросу уделяется в региональной историко-демографической литературе. Так, глубокий анализ миграционного движения населения Урала в 1941–1945 гг. содержится в работе Г. Е. Корнилова.³ Региональный срез проблемы миграционного движения населения в военные годы разработан в публикациях С. И. Сивцевой (Якутия),⁴ Г. А. Ткачевой (Дальний Восток),⁵ А. В. Белькова и К. А. Заболотской (Кузбасс),⁶ Н. В. Чернышевой (Кировская область),⁷ С. Н. Уварова (Удмуртия),⁸ Н. П. Безносовой (Республика Коми),⁹ В. А. Кышпанакова (Хакасия).¹⁰ Сжатый очерк миграционного движения населения Сибири (как Западной, так и Восточной) содержится в некоторых наших работах.¹¹ Миграционные последствия Второй мировой войны стали предметом специального изучения в статьях, опубликованных в серийном сборнике научных трудов, вышедших в Новосибирске в 2012–2014 гг.¹² Историко-демографические публикации по проблемам миграций населения неравноценны как по глубине анализа, так и по детальности проработки проблем. Но их объединяет очевидный феномен — современная литература по истории миграций характеризуется фрагментарностью и явным перекосом в сторону изучения департационной и эвакуационной тематики. Освещение нашли

³ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

⁴ См.: Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000.

⁵ См.: Ткачева Г. А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005.

⁶ См.: Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015.

⁷ См.: Чернышева Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012.

⁸ См.: Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Демографический аспект. Ижевск, 2014.

⁹ См.: Безносова Н. П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003.

¹⁰ См.: Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995.

¹¹ См.: Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.

¹² См.: Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. Вып. 1; 2013. Вып. 2; 2014. Вып. 3.

далеко не все виды миграций военных лет (вопрос о разнообразии миграций в годы Второй мировой войны поставлен и кратко рассмотрен в нашей статье, опубликованной в 2016 г.¹³

Цель настоящей статьи — выявить сложную совокупность по возможности всех видов миграций, установить связи между ними, дать оценку их масштабов в региональных рамках Западной Сибири. При этом учитывается, что в военные годы экономический фактор как стимул миграций отошел на задний план. На авансцену выдвинулись факторы военно-политического характера.

*Мобилизация воинских контингентов
как разновидность миграционного движения населения*

В литературе, как правило, не учитывается, что воинские мобилизации представляют собой важный феномен миграционных перемещений населения. В этом смысле мобилизации людского контингента в Вооруженные силы вполне соответствуют классическому определению миграций.

Мобилизация военнообязанных запаса в СССР была развернута по указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О мобилизации военнообязанных».¹⁴ К 1 июля 1941 г. в Красную армию было направлено 5,3 млн человек.¹⁵ Основная масса мобилизованных была спешно переброшена в западные районы страны, где развернулись боевые действия. Но в связи с огромными боевыми потерями, Красная армия постоянно нуждалась в новых пополнениях и 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. рождения и призывников 1922–1923 гг. рождения».¹⁶ По сведениям С. Н. Михалева, в целом за первые шесть месяцев войны в Вооруженные силы было направлено почти 12 млн человек.¹⁷ Мобилизации призывников и военнообязанных запаса проводились в течение всей Великой

¹³ См.: Исупов В. А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17.

¹⁴ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 23 марта 1942 г. М., 1941. С. 40, 41.

¹⁵ См.: 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 257.

¹⁶ См.: Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. М., 1985. С. 452.

¹⁷ См.: Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: статистическое исследование. Красноярск, 2000. С. 99.

Отечественной войны. Всего за 4 года Великой Отечественной войны в Вооруженные силы СССР было мобилизовано (за вычетом повторно призванных) 29,6 млн человек, а если учесть и кадровый состав, в армию было призвано 34,5 млн человек.¹⁸ Большинство мобилизованных передислоцировались на запад. Некоторая часть мобилизованных была переброшена на Дальний Восток или оставлена в тыловых районах.

В Западной Сибири (в границах Омской, Новосибирской областей и Алтайского края по административно-территориальному устройству 1941 г.) через 5 месяцев после начала Великой Отечественной войны (к 1 декабря 1941 г.) в Красную Армию было призвано свыше 1 млн человек.¹⁹ В течение всей войны в Сибирском Военном округе в 1941–1945 гг. в армию ушли 2,6 млн человек, которые в основной своей массе были переброшены за пределы Сибири.²⁰ В Алтайском крае за 3 года и 4 месяца войны (с 22 июня по 1 октября 1944 г.) в Красную армию было призвано почти 500 тыс. человек.²¹ Новосибирская область с начала войны до конца 1943 г. передала в РККА, РКВМФ и войска НКВД около 742 тыс. бойцов.²² В Омской области к июлю 1944 г. в Красную армию было направлено 476 тыс. человек.²³

Территориальные передвижения раненых бойцов и командиров Красной армии

Не менее важно учитывать и такой своеобразный вид военных миграций, как эвакуация раненых в тыловые районы страны. И если легкораненые оставались в районах боевых действий, то получившие тяжелые ранения воины Красной армии перемещались для лечения в глубокий тыл. В восточном направлении двигались сотни санитарных эшелонов с ранеными. По данным военно-медицинской статистики в 1941–1945 гг. санитарные

¹⁸ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993. С. 139.

¹⁹ См.: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 216.

²⁰ См.: Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. М., 2001. С. 33.

²¹ См.: Исупов В. А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск, 2015. С. 43.

²² См.: Там же. С. 46.

²³ См.: Там же.

потери советских вооруженных сил ранеными, контуженными, обожженными, обмороженными и больными составили 22,3 млн человек,²⁴ значительная часть которых была перебросена в тыловые районы. Большой поток раненых, больных и искалеченных военнослужащих направлялся в Западную Сибирь, которая являлась средоточием эвакогоспиталей. Так, в Омской области к началу 1942 г. было развернуто 36 эвакогоспиталей. За годы войны в госпитали Омской области поступило 157 тыс. раненых и больных военнослужащих.²⁵ В Новосибирской области к осени 1941 г. насчитывались 75 эвакогоспиталей. Они были развернуты главным образом в Новосибирске и Томске.²⁶ В одном только Новосибирске за годы войны в госпиталях прошли курс лечения 112 тыс. человек.²⁷ По нашим прикидкам, всего за годы войны число раненых и больных военнослужащих, прошедших через эвакогоспитали Западной Сибири было весьма значительным — возможно до полумиллиона человек.²⁸

Перемещения бойцов рабочих колонн

Близко к воинским перемещениям прилежали мобилизации в так называемые рабочие колонны. Личный состав рабочих колонн формировался через военные комиссариаты на общих основаниях с воинскими мобилизациями. Условно призыв личного состава в рабочие колонны можно считать своего рода квазивоинской мобилизацией. В рабочие колонны направлялись военнообязанные, призванные в Красную армию, но лишенные политического доверия и в силу этого не получавшие в руки оружия. К этой категории военнообязанных относились бывшие кулаки, подкулачники, торговцы, фабриканты, дворяне, белогвардейцы, лица, подвергавшиеся репрессиям и их родственники и прочий «антисоветский элемент».

При укомплектовании рабочих колонн учитывался и этнический признак. В начале Великой Отечественной войны военкоматы призывали в рабочие колонны поляков, эстонцев, латышей,

²⁴ См.: Там же. С. 134.

²⁵ ГАОО. Ф. 1143. Оп. 4. Д. 1. Л. 4.

²⁶ ГАОО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 670. Л. 2.

²⁷ См.: Исупов В. А. Главный ресурс Победы. С. 161.

²⁸ См.: Там же.

литовцев, чехов. В течение всей войны — советских граждан румынской, словацкой, болгарской, греческой, корейской, китайской, немецкой, финской национальностей, а также переселенцев из Западной Белоруссии и Западной Украины. В рабочие колонны призывались плохо владевшие русским языком представители народов Средней Азии и Казахстана. Бойцы рабочих колонн использовались главным образом на строительстве промышленных объектов в глубинных тыловых районах, выполняя самые тяжелые работы.

Период интенсивного формирования и перемещения рабочих колонн пришелся на осень 1941 г. К октябрю этого года для Наркомстроя было сформировано 160 рабочих колонн общей численностью 145 тыс. человек, для Главвоенстроя — 60 колонн с 60 тыс. бойцов. В системе Наркомцветмета трудились 16 тыс. бойцов рабочих колонн, в Наркомате путей сообщения — 6 тыс. бойцов. НКВД к октябрю 1941 г. укомплектовал 46 рабочих колонн общей численностью 46 тыс. человек, Гушосдор НКВД — 21 колонну с численностью личного состава свыше 14 тыс. человек. Кроме того, бойцы 120 рабочих колонн находились в пути к месту постоянной дислокации.²⁹ Всего к марту 1942 г. совокупная численность личного состава рабочих колонн достигла 1 264,5 тыс. человек.³⁰ Все они были переброшены к новому месту службы, главным образом на Урал и в Сибирь.

Несмотря на многочисленность личного состава рабочих колонн, власти и в дальнейшем стремились к наращиванию их численности. Во второй половине войны увеличился поток призываемых в рабочие колонны на территориях, подвергавшихся оккупации. Они перемещались из западных районов СССР в восточные. В 1943 г. через военкоматы для работы в промышленности и строительстве через военкоматы было направлено 722 тыс. человек, в 1944 г. — 674 тыс. человек, а за 7 месяцев 1945 г. — 129 тыс. человек.³¹

Значительные запасы рабочей силы сосредотачивались в юго-восточных районах СССР — в Казахстане и Средней Азии.

²⁹ ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 14. Л. 22–28.

³⁰ Там же. Л. 32.

³¹ Там же. Д. 25. Л. 118.

Мобилизованные в этих районах бойцы рабочих колонн перебрасывались главным образом в северном направлении. Так, в Узбекской ССР в 1943–1944 гг. военкоматы направили в рабочие колонны свыше 200 тыс. призывников.³² В Таджикской ССР за годы Великой Отечественной войны на работу в промышленность и на стройки было призвано почти 50 тыс. человек — главным образом колхозников. Практически все они были направлены на предприятия Урала и Сибири.³³

В Сибирском военном округе к декабрю 1941 г. было сформировано 72 рабочие колонны.³⁴ В одной только Новосибирской области в феврале 1942 г. насчитывалось 159 тыс. бойцов рабочих колонн.³⁵ Рабочие колонны дислоцировались в Алтайском крае, в Омской области. Но особенно большое количество бойцов рабочих колонн прибыло в Кемеровскую область.

Из всего вышесказанного следует, что воинская мобилизация, передвижения раненых и больных военнослужащих, передислокации рабочих колонн, если рассматривать их в аспекте территориальных перемещений, были самыми многочисленными миграционными потоками в 1941–1945 гг.

Перемещения военнопленных вражеских армий

Военнопленные вражеских армий, использовавшиеся в СССР в качестве вспомогательного резерва рабочей силы, также могут рассматриваться как миграционные потоки. Военнопленные перемещались из прифронтовых районов в районы глубокого тыла. Но говорить о военнопленных как о сколько-нибудь значимом миграционном потоке в начале войны не приходится. Военнопленных вражеских армий было очень мало, а в Сибири их не было вообще. Первый лагерь для военнопленных в Западной Сибири был создан только весной 1943 г. на территории будущей Тюменской области. К концу года сюда поступило 2,4 тыс. человек.³⁶

³² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 416. Л. 2.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 373. Л. 24.

³⁴ ГАО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 621. Л. 537.

³⁵ Там же. Л. 537.

³⁶ См.: Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005. С. 11.

Победы Красной армии способствовали быстрому росту числа военнопленных и, соответственно, их притоку в восточные районы Советского Союза. В июле 1944 г. в Западной Сибири началась подготовка к созданию сразу четырех лагерей: в Юрге, Прокопьевске, Кемерово и Новосибирске. В 1945 г. были организованы крупные лагеря в Рубцовске, Барнауле и Чесноковке (ныне Новоалтайск — *В. И.*). И если до конца 1944 г. в сибирские лагеря поступило менее 10 тыс. военнопленных, то в 1945 г. их количество превысило 200 тыс. человек. В Западную Сибирь было переброшено примерно 90 тыс. военнопленных.³⁷

Эвакуация и реэвакуация населения

Мощным миграционным потоком в военные годы оказалась эвакуация гражданского населения из прифронтовых и угрожаемых зон. Но, несмотря на огромное количество бумаги, исписанной по поводу эвакуации, ее количественные параметры так и не выяснены. Разброс в количественных оценках эвакуации очень велик. Оценки колеблются в огромных пределах от 25 млн до 10 млн эвакуированных.³⁸ Как справедливо указывает Л. Л. Рыбаковский, данные об эвакуированных противоречивы, а иногда фантастичны.³⁹

Не менее запутан вопрос и об эвакуации населения в Западную Сибирь. Л. И. Снегирева, которая сегодня является самым крупным специалистом по проблемам эвакуации населения в Сибирь, справедливо указывает, что сведения о количестве прибывшего эвакуантского населения в Западную Сибирь вряд ли можно считать достоверными.⁴⁰ Таким образом, количественно оценить эвакуацию как миграционный поток населения в западносибирский регион чрезвычайно сложно. Сама Л. И. Снегирева, опираясь на материалы Статистического отдела Переселенческого Управления при СНК СССР установила, что максимальное количество граждан, перемещенных в Западную Сибирь в ходе эвакуации составляло 938,1 тыс. человек (по состоянию на 1 июля 1943 г.).⁴¹

³⁷ См.: Там же. С. 13.

³⁸ См.: Рыбаковский Л. Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. С. 9.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ См.: Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Томск, 2005. Т. 1. С. 36.

⁴¹ См.: Там же. С. 332.

Мы, в своих исследованиях в качестве источника используем данные Госплана СССР. Они не противоречат принципиально сведениям, которые использует Л. И. Снегирева. По сведениям Госплана СССР, на 1 января 1943 г. в Западной Сибири насчитывалось 925,7 тыс. эвакуированных.⁴² На начало 1944 г. в Западной Сибири по данным ЦСУ СССР сосредотачивались 814,8 тыс. человек, получивших статус эвакуированных.⁴³ Если учесть естественную убыль населения, в частности повышенную смертность среди эвакуированных, особенно детей, не будет преувеличением утверждение, что в ходе массовой эвакуации в Западную Сибирь мигрировало более 1,1 млн человек.⁴⁴

В сущности, в военные годы эвакуация явилась вторым по численности (после воинских мобилизаций) миграционным потоком. Эвакуация была количественно столь значительна, что кардинально изменила территориально-географическую направленность миграционного движения населения. У нас имеется возможность, используя материалы паспортной статистики (прописка — выписка) определить основные направления миграций городского населения Западной Сибири в 1941 г. до начала и после начала Великой Отечественной войны.

Паспортная статистика на базе, которой составлена табл. 1, имела ряд существенных недостатков. В военные годы система прописки-выписки паспортов распространялась только на паспортизированное, а это главным образом городское население. Кроме того, из-за плохого администрирования и низкой дисциплинированности граждан, далеко не все прибывшие в городские поселения оформляли прописку, а выбывшие — выписку. Значительные пропуски при оформлении прописки-выписки образовывались при фиксации эвакуированного населения. Это связано с тем, что распоряжением Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г. было отменено составление отрывных талонов при прописке прибывших по эвакуации и заполнение адресных листов при выбытии эвакуированных.⁴⁵ В результате

⁴² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 318. Л. 142.

⁴³ Там же. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 479. Л. 3.

⁴⁴ См.: Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 147, 148.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 18.

Таблица 1

Число новоселов, оформивших прописку в городских поселениях Западной Сибири по районам выхода. 1941 г.*

Откуда прибыли	Первое полугодие 1941 г.		Второе полугодие 1941 г.	
	Человек	Удельный вес, %	Человек	Удельный вес, %
Европейская часть РСФСР	17 925	7,4	252 882	36,8
в том числе:				
— Москва	1 631	0,7	93 606	13,6
— Ленинград	958	0,4	36 041	5,2
Урал и Западная Сибирь	182 757	75,1	228 519	33,3
Восточная Сибирь и Дальний Восток	16 267	6,7	42 907	6,2
Белорусская ССР	1 207	0,5	13 882	2,0
Украинская ССР	2 851	1,2	123 752	18,0
Республики Прибалтики	38	0,0**	3 627	0,5
Молдавская ССР	476	0,2	994	0,1
Республики Закавказья	303	0,1	986	0,1
Средняя Азия и Казахстан	13 529	5,6	15 392	2,2
Неизвестно откуда прибыли	8 044	3,2	4 063	0,8
Из-за границы	81	0,0**	***	***
Всего	243 478	100,0	687 004	100,0

* Составлена по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 300. Л. 3–4, 45–48; Д. 306. Л. 1–2, 51–54об.

** Менее 0,1 %.

*** Явление отсутствует.

формировались значительные погрешности учета, оценить которые точно не представляется возможным.

Тем не менее, очевидно, что до начала Великой Отечественной войны преобладали миграции экономического характера. В мирные годы, когда доминировали экономические факторы механического движения населения, главным направлением миграций было перемещение сельского населения в города: бывшие крестьяне стремились работать на многочисленных стройках, быстро растущих промышленных предприятиях, транспорте.

Много молодежи приезжало в города, чтобы учиться в вузах, техникумах, ремесленных и железнодорожных училищах. Так в города Омской области в первом полугодии 1941 г. прибыло 44 тыс. мигрантов. Из них свыше 26 тыс. человек (почти 60 %) до момента миграции проживали в сельской местности самой Западной Сибири.⁴⁶ В городах Новосибирской области в первом полугодии 1941 г. оформили прописку почти 162 тыс. человек, из которых 73 тыс. (46 %) были выходцами из западносибирского села.⁴⁷ В города Алтайского края в первой половине 1941 г. вселилось 38 тыс. человек, из которых свыше 31 тыс. (почти 82 %) прибыли из сел Западной Сибири.⁴⁸ Таким образом, до начала Великой Отечественной войны, жители сибирской деревни определяли главные географические направления движения миграционных потоков. Табл. 1 показывает, что в первом полугодии 1941 г. выходцы из европейской части СССР, из Средней Азии и Казахстана, с Дальнего Востока играли второстепенную роль в процессе формирования городского населения западносибирского региона.

С началом Великой Отечественной войны ситуация кардинально изменилась. Приток эвакуированного населения полностью трансформировал характер миграций гражданского населения. Во втором полугодии 1941 г. среди лиц, вселившихся в паспорттизированные городские поселения Западной Сибири, значительно увеличилась доля, кто до момента миграции проживал в Европейской части РСФСР, Белоруссии, Украине, Прибалтике. Заметно повысился удельный вес москвичей и ленинградцев. Вместе с тем, в составе мигрантов понизилась прослойка сибиряков, жителей Средней Азии и Казахстана. И это при условии, что далеко не все эвакуированные, в связи с распоряжением Главного управления милиции от 24 ноября 1941 г. оформляли прописку непосредственно при прибытии. Многие из них оформляли документы о прибытии значительно позднее.

Важной характеристикой миграций второй половины 1941 г. было увеличение числа лиц, прибывших с Дальнего Востока.

⁴⁶ Там же. Д. 300. Л. 47–48об.

⁴⁷ Там же. Л. 45–46.

⁴⁸ Там же. Л. 3–4об.

Это также было связано с процессом эвакуации. Так, в городах Алтайского края в первом полугодии 1941 г. прописалось 962 бывших жителя Дальнего Востока, во втором полугодии — 8 038 человек, в городах Новосибирской области соответственно 4 941 дальневосточника и 6 173 дальневосточника.⁴⁹ В города Омской области во втором полугодии 1941 г. прибыло 1 550 человек, проживавших ранее в Хабаровском крае, тогда как в первом полугодии хабаровчан было всего 723 человека. Из Приморского края в Омскую область в первом полугодии 1941 г. прибыло 645 человек, тогда как во втором полугодии — 3 006 человек.⁵⁰ Западная Сибирь, таким образом, оказалась регионом, где в ходе эвакуации сталкивались два встречных миграционных потока — из западных и восточных районов СССР.

Очень важным изменением, происшедшим в составе мигрантов вследствие воздействия эвакуации было повышение в составе мигрантов удельного веса горожан. Как известно, до начала войны в города Сибири ехали главным образом жители деревни.⁵¹ Но в связи с тем, что среди эвакуированного населения преобладали горожане, их доля в составе прибывших значительно возросла. По нашим подсчетам, в первом полугодии 1941 г. среди тех, кто оформил прописку в западносибирских городах, удельный вес жителей городов составлял 37 %, жителей сельской местности — 61 %. Во втором полугодии 1941 г. удельный вес выходцев из городов среди прибывших повысился до 67 %, а удельный вес бывших жителей деревни понизился до 20 %.⁵² Вместе с тем увеличилась прослойка не указавших при оформлении прописки места, откуда прибыли с 2 % до 13 %.⁵³ Это, по-видимому, отражало общее ухудшение состояния статистического учета.

Места первоначального проживания эвакуированных, прибывших в Западную Сибирь четко определяются на основе материалов Управления учета и перераспределения рабочей силы

⁴⁹ Там же. Л. 1–4.

⁵⁰ Там же. Д. 300. Л. 47об.; Д. 306. Л. 53об.

⁵¹ См.: Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

⁵² РГАЭ. Ф. 1562. Д. 300. Л. 3–4, 45–46, 47об.–48; Д. 306. Л. 1–2, 51–52, 53об.–54об.

⁵³ Там же.

Госплана СССР. По состоянию на 1 января 1944 г., (к этому времени эвакуация может рассматриваться как законченный процесс), эвакуированные в Западную Сибирь представляли практически все западные и частично дальневосточные регионы нашей страны. Но среди граждан, эвакуированных в Западную Сибирь, преобладали выходцы из Ленинграда и Ленинградской области. На их долю приходилось свыше 37 % эвакуированного населения. Значительную прослойку эвакуированных граждан составляли жители Украины — почти 19 %, а также Москвы и Московской области — почти 12 %. Значительный удельный вес составляли контингенты, прибывшие с Дальнего Востока (свыше 6 %), а также из Сталинграда и Сталинградской области (5 %).⁵⁴

Рассматривая эвакуацию как своеобразный миграционный феномен военного времени очень важно иметь в виду и процесс реэвакуации. По мнению Л. И. Снегиревой, первые реэвакуанты отправились в родные места обитания еще в 1941 г. Но это было скорее исключение, сделанное для особо ценных специалистов. Однако реэвакуация усиливалась и в 1943–1944 гг. была уже ощутимым миграционным потоком в западном направлении. Процесс реэвакуации усиливался по мере освобождения оккупированных территорий.⁵⁵ Соответственно, численность эвакуированных граждан в восточных районах России уменьшалась. По данным Л. И. Снегиревой, в Западной Сибири на 1 января 1944 г. оставалось 507,4 тыс. эвакуированных граждан, а на 1 апреля 1945 г. — 201,5 тыс. человек.⁵⁶ К концу войны реэвакуация еще не была завершена.

Насильственные депортации как составная часть миграций военного времени

Важнейшим компонентом миграций военных лет были насильственные депортации. Период Великой Отечественной войны характеризовался кардинальным изменением социальной сути депортаций. Власти в основном отказались от доминировавшего до войны классового типа депортаций в сторону преобладания

⁵⁴ Там же. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 318. Л. 141.

⁵⁵ См.: Снегирева Л. И. Западная Сибирь: реэвакуация гражданского населения в освобожденные от оккупации районы страны (1942–1948 гг.). Трудная дорога домой... Томск, 2016. С. 14, 15.

⁵⁶ См.: Там же. Прил. 11.

этнических насильственных переселений. В военные годы депортации подвергались немцы, финны и греки, некоторые народы Северного Кавказа, калмыки, крымские татары, турки-месхетинцы, курды, хемшилы и другие народы.⁵⁷

Западная Сибирь в годы Великой Отечественной войны превратилась в крупный центр приема депортированных народов. Буквально за несколько дней до начала войны, 12–14 июня 1941 г. в восточные районы СССР были депортированы 22,6 тыс. жителей Молдавии, из которых 12 тыс. были расселены в Омской и Новосибирской областях.⁵⁸ Но первый по-настоящему крупный этнический поток спецпереселенцев в Западную Сибирь в Великой Отечественной войны был организован по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. В сентябре–октябре 1941 г. в регион прибыло свыше 150 тыс. немцев. Их основная масса была расселена в Новосибирской области и в Алтайском крае.⁵⁹ Отметим, что к этому времени (к октябрю 1941 г.) в Западной Сибири уже проживало свыше 209 тыс. трудпоселенцев-кулаков.⁶⁰ В 1942 г. в Омскую область из Ленинграда и его окрестностей было переселено 3,6 тыс. ингерманландцев и финнов.⁶¹ Поток спецпереселенцев с Кавказа в 1943–1944 гг. (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы) миновал Западную Сибирь.

Мощный поток депортированных Западная Сибирь приняла в 1944 г., когда в регион стали прибывать калмыки, выселенные по указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. и по постановлению СНК СССР от 28 декабря 1943 г. Всего было депортировано почти 92 тыс. калмыков.⁶² Из этого числа 63,4 тыс. поступили в Западную Сибирь: 24,3 тыс. в Омскую область, 20,8 тыс. в Алтайский край, 18,3 тыс. в Новосибирскую область.⁶³ Больше половины калмыцкого контингента,

⁵⁷ См.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

⁵⁸ См.: Пассат В. И. Потери Республики Молдова в годы второй мировой войны // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Санкт-Петербург, 1995. С. 119.

⁵⁹ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Саратов, 1994. Ч. 2. С. 358.

⁶⁰ См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 98, 99.

⁶¹ См.: Там же. С. 95.

⁶² См.: Там же. С. 107.

⁶³ См.: Полян П. Указ. соч. С. 121.

прибывшего в Омскую область, были расселены в ее северных районах — Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском округах и в районах Тобольска.⁶⁴

*Перемещения населения в связи с трудовыми
мобилизациями гражданского населения*

Растущее военное производство, особенно в восточных районах страны, в первую очередь на Урале и в Сибири, требовало огромного количества рабочей силы. Дефицит трудовых ресурсов нарастал по мере развертывания воинской мобилизации, пуска в эксплуатацию эвакуированных предприятий и наращивания объемов производства. Для обеспечения бесперебойной работы промышленности, транспорта и строек требовались дополнительные людские ресурсы. Ликвидировать дефицит рабочей силы за счет эвакуированных граждан, среди которых, кстати, преобладали женщины, дети и лица старших возрастов было невозможно. Привлечение на производство неработающих граждан путем материального стимулирования и создания системы льгот работающим, требовало дополнительных ресурсов и времени. Ни того, ни другого в распоряжении хозяйственников не имелось. Красная армия не могла ждать. Ей срочно требовалось оружие и снаряжение.

Таким образом, стояла задача экстренно, фактически в авральном порядке организовать массовый приток гражданского населения, прежде всего сельского на промышленные, строительные и транспортные предприятия. В этой связи, 13 февраля 1942 г. было принято радикальное решение переходе на мобилизационно-принудительный принцип набора рабочей силы. В этот день увидел свет указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».⁶⁵ Отныне на производство стали призывать так же, как в армию. В СССР, помимо военной, появилась и трудовая мобилизация, в ходе которой сотни тысяч жителей деревни перемещались в города.

⁶⁴ См.: Там же.

⁶⁵ См.: Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня по 22 марта 1942 г. М., 1942. С. 57, 58.

Истощение людских ресурсов деревни вынудило власти включить в круг отраслей, для которых проводилась мобилизация и аграрный сектор экономики. СНК СССР и ЦК ВКП (б) 13 апреля 1942 г. приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей».⁶⁶ Таким образом, появился феномен сезонной миграции: из города в деревню перемещались граждане, мобилизованные на сельскохозяйственные работы.

Мобилизации на сельскохозяйственные работы в порядке трудовой повинности подлежали мужчины от 14 до 55 лет и женщины от 14 до 50 лет. Отныне служащие, учащиеся 6–10 классов средней школы, студенты техникумов и вузов привлекались на различные работы в деревне, главным образом на уборку картофеля. Согласно данным, содержащимся в сводке о ходе мобилизации трудоспособного населения на сельскохозяйственные работы, к 10 июля 1942 г. было мобилизовано и направлено в деревню из Новосибирска 14 тыс. человек, из Томска — 3 тыс., из Белово — 1 тыс., из Ленинска-Кузнецкого — 2 тыс., из Сталинска — 4 тыс. человек.⁶⁷ В Кемерово к 16 октября 1942 г. число мобилизованных на сельскохозяйственные работы составило 10 тыс. человек.⁶⁸ Кроме того, мобилизация, как форма набора рабочей силы распространялась на временные и сезонные работы. Труд мобилизованных использоваться на торфоразработках, лесозаготовках, ремонте дорог и мостов. Мобилизованные трудились на свеклобазах, сахарозаводах и стеклозаводах. Мобилизованные на сельскохозяйственные и другие работы были обязаны отработать определенное время, и затем привлеченные работники могли быть распускались по домам. Такого рода перемещения вполне подходят под определение сезонные миграции.

В течение всего мобилизационного периода, длившегося с 13 февраля 1942 г. по июль 1945 г. в Западной Сибири для выполнения различных работ было мобилизовано свыше полумиллиона человек, а по СССР в целом — почти 12 млн человек. Основная

⁶⁶ См.: Собрание постановлений Правительства Союза ССР. 1942. № 4.

⁶⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 243. Л. 28.

⁶⁸ ГАКО. Ф. П-15. Оп. 8. Д. 33. Л. 117.

Таблица 2

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ* (ФЕВРАЛЬ 1942—ИЮЛЬ 1945 ГГ.)**

Период	Число мобилизованных, тыс. человек			
	На постоянную работу в промышленность, строительство и транспорт	В школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища	На сельскохозяйст- венные, временные и сезонные работы	Всего
Февраль—декабрь 1942 г.	53,4	72,7	16,7	142,8
1943 г.	42,1	82,6	91,1	215,8
1944 г.	26,8	26,9	66,7	120,4
Январь—июль 1945 г.	9,6	3,9	36,4	49,9
Всего в Западной Сибири	131,9	186,1	210,9	528,9
Всего в СССР	3 010,4	2 121,4	6 751,2	11 883,0

* По административно-территориальному устройству 1945 г.

** Источник: Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 430; ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 25. Л. 86—88.

масса мобилизованных (в западносибирском регионе почти 40 %) направлялась на сельскохозяйственные, временные и сезонные работы. Очень крупный слой мобилизованных — в Западной Сибири около 35 % — составляла молодежь, призванная на учебу в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища.

Плановое заселение пустующих территорий

Эта форма миграций получила развитие задолго до начала Великой Отечественной войны — в основном в форме сельскохозяйственных переселений, в том числе и в Западную Сибирь. Но в 1941 г. плановые сельскохозяйственные переселения были прекращены. В ограниченных масштабах они были возобновлены в связи с реализацией постановления ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейны рек Сибири и Дальнего Востока».⁶⁹ В рыболовецкие колхозы и на предприятия

⁶⁹ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. С. 719.

рыбных промыслов Сибири и Дальнего Востока в 1942–1943 гг. переселилось 32,2 тыс. хозяйств колхозников. Из них в Западную Сибирь, главным образом в Новосибирскую область, переселилось всего 2,4 тыс. крестьянских хозяйств.⁷⁰

Несколько оживились плановые переселения в конце войны в связи с организованным перемещением населения на земли, опустевшие после этнических чисток. Территория АССР Немцев Поволжья была разделена между Саратовской и Сталинградской областями. Части территории Калмыцкой АССР в 1943 г. были включены в состав Ставропольского края, Астраханской, Ростовской и Сталинградской областей. Чечено-Ингушская АССР в 1944 г. была преобразована в Грозненскую область. На месте Крымской АССР была создана Крымская область. В эти районы направлялись переселенцы. Но население Западной Сибири, возможно в силу дальности или по каким-либо другим причинам, почти не участвовало в этих миграционных потоках. Так, в 1945 г. при оформлении выписки, Грозненскую область как предполагаемое место будущего проживания указали: в Кемеровской области — 15 человек,⁷¹ в Омской — 16,⁷² Тюменской — 6,⁷³ Новосибирской — 8 человек.⁷⁴

Стихийные переселения

Как видим, в годы войны явно преобладали миграции, вызванные военно-политическими факторами, которые, как правило, так или иначе, контролировались государственными органами. Но это не значит, что стихийные, неуправляемые миграции ушли в довоенное прошлое. Скорее, стихийные миграции потерялись на фоне огромных по своим масштабам контролируемых миграций. Но они не исчезли вовсе. Сотни тысяч (в масштабах страны), а в масштабах отдельных регионов десятки тысяч крестьян находили множество способов, чтобы преодолеть бюрократические препятствия и переселиться в города. Заводы, фабрики, стройки, транспорт испытывали острейший дефицит рабочих рук. Руководители предприятий, умело обходя инструкции,

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 318. Л. 128.

⁷¹ ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 159. Л. 37.

⁷² ИсаОО. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 1141. Л. 22.

⁷³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 618. Л. 5.

⁷⁴ Там же. Д. 617. Л. 19, 21.

принимали на работу прибывших из деревни колхозников и рабочих совхозов. Мы можем получить представление о масштабах стихийных миграций, используя такой источник, как паспортная статистика, фиксировавшая число граждан, оформлявших прописку — выписку. Этот не очень точный источник, который охватывал исключительно паспортизованное население городов, тем не менее, дает общее представление о числе переселений.

Очевидно, что число неконтролируемых переселений гражданских лиц в военные годы сократилось. Мы имеем в принципе достоверные (неизбежной погрешностью статистического учета придется пренебречь) сведения о количестве граждан, оформивших прописку — выписку в городах Алтайского края и Новосибирской области. Эти сведения учитывают изменения административно-территориального устройства, происшедшие в годы войны.

Сведения, приведенные в табл. 3 свидетельствуют, что количество новоселов в городах Алтайского края и Новосибирской области, а также число граждан, выбывших за пределы городских поселений, начиная с 1943 г. неуклонно сокращалось. Аналогичная тенденция, несомненно, была характерна и для всех других областей Западной Сибири. Но приемлемые сведения о числе мигрантов, учитывающие многочисленные изменения административно-территориального устройства имеются только по Алтайскому краю и Новосибирской области. Но отрывочные сведения говорят о сокращении объема миграций по всей Западной Сибири. Так, в Омской области (пересчет в границах 1945 г.) в 1941 г. в города прибыло 159 тыс. человек, выбыло 81 тыс., в 1943 г. соответственно 53 тыс., и 40 тыс. человек, в 1945 г. — 41 тыс. и 36 тыс. человек.⁷⁵ В города Кемеровской области (согласно пересчету в административных границах 1945 г.) в 1941 г. прибыло 208 тыс. человек, выбыло 131 тыс. человек, в 1944 г. соответственно 88 тыс. и 63 тыс. человек.⁷⁶ Этот ряд цифр можно продолжить — но в этом нет необходимости, так как результат не измениться — объем миграций после его подъема в связи с эвакуацией сокращался.

Сокращение объемов стихийных переселений обуславливалась условиями военного времени, многочисленными бюрократическими препятствиями, разрывом миграционных связей

⁷⁵ Там же. Д. 445. Л. 25; Д. 542. Л. 51об.; Д. 617. Л. 24об.

⁷⁶ Там же. Д. 445. Л. 18; ГАКО. Ф. 304. Оп. 4. Д. 159. Л. 29об.

Таблица 3

ЧИСЛО ГРАЖДАН, ОФОРМИВШИХ ПРОПИСКУ-ВЫПИСКУ
В ПАСПОРТИЗИРОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ЧЕЛОВЕК)*

Год	Алтайский край**		Новосибирская область**	
	Прибывшие	Выбывшие	Прибывшие	Выбывшие
1941	123 135	83 361	186 913	83 861
1942	122 187	67 557	112 110	69 069
1943	78 615	47 971	48 081	35 928
1944	41 994	50 675	33 285	35 062
1945	49 355	32 915	36 338	32 046

*Составлена по данным: ГАРФ. Ф. А-384. Оп. 11. Д. 113. Л. 4-4об.; Д. 303. Л. 1; Д. 488. Л. 107; РГАЭ. Ф. 1561. Оп. 20. Д. 616. Л. 2об.

**По административно-территориальному устройству 1945 г.

с западными районами страны. Тем не менее, миграции, обусловленные экономическими причинами, составляли значительную, хотя и сильно сократившуюся часть миграций.

Итоги

Главные миграционные потоки в западносибирском регионе во время войны, были вызваны действием факторов военно-политического характера. Их можно обозначить как добровольно-вынужденные миграции, непосредственно контролируемые государственными органами: воинская и трудовая мобилизация, эвакуация и реэвакуация, организованное сельскохозяйственное переселение на пустующие после этнических депортаций земли. Немаловажную роль имели насильственные перемещения этнических групп. Вместе с тем, продолжались и стихийные переселения людей, вызванные главным образом факторами экономического характера.

Исупов Владимир Анатольевич — д.и.н., профессор, заведующий сектором историко-демографических исследований, Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: *Vladimir_2004_@mail.ru*

Vladimir A. Isupov — Doctor of Historical Sciences, Institute of History Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

MIGRATION IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Researchers of social and demographic history of Russia explain the migrations as a phenomenon, caused by population displacement from

labor-surplus regions to industrialized ones, who are in short supply of labor resources. In this aspect, the importance is attached to territorial differences in the level of the well-being of the population. But the war gave birth to new types of migration. They had a different character than in the years of peace and were caused by military and political factors. Among wartime migrations, the movements of military contingents to the front, of wounded servicemen to the rear, of Labor army to the place of dislocation were dominant. A huge migration stream was represented by civilians, evacuated from the front-line and threatened areas to the rear areas, and then returned to the place of primary residence during re-evacuation. Besides, deported ethnic groups were moved eastward. An important role in the formation of migratory flows was played by labor mobilization, during which the civilian called to work in industry, transport and construction were transferred. The significant part of migratory flow was rural youth, called for training in industrial and railway schools, as well as youth entered universities and technical colleges. Planned settlement of territories deserted after forced displacement of peoples was important too. At the same time, migrations caused by factors of an economic nature did not stop. In the article an attempt has been made to identify a complex set of all types of migrations, establish links between them, estimate their scale, within the regional framework of Western Siberia.

Keywords: migrations, mechanical movement of the population, planned relocations of population, military and labor mobilizations, evacuation, re-evacuation, deportation, passport statistics

Список литературы

- Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
- Безносова Н. П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003.
- Бельков А. В., Заболотская К. А. Очерки по истории населения Кузбасса в новейший период отечественной истории 1920–2015 гг. Кемерово, 2015.
- Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005.
- Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в документах и материалах: в 3 т. Томск, 2005. Т. 1.
- Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Саратов, 1994. Ч. 2. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
- Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.

Исупов В. А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17.

Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

Исупов В. А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск, 2015.

Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

Кышпанакоев В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995.

Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.

Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. статей. Новосибирск, 2012. Вып. 1.

Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2.

Миграционные последствия Второй мировой войны в СССР и странах Восточной Европы: сб. науч. статей. Новосибирск, 2014. Вып. 3.

Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959. М., 2001.

Михалев С. Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: статистическое исследование. Красноярск, 2000.

Пассат В. И. Потери Республики Молдова в годы второй мировой войны // Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. Санкт-Петербург, 1995. С. 118–123.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Рыбаковский Л. Л. Людские потери России в войне 1941–1945 годов. М., 2000.

Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000.

Снегирева Л. И. Западная Сибирь: эвакуация гражданского населения в освобожденные от оккупации районы страны (1942–1948 гг.). Трудная дорога домой... Томск, 2016.

Ткачева Г. А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941 – 1945 гг. Владивосток, 2005.

Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Демографический аспект. Ижевск, 2014.

Чернышева Н. В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012.

В. Т. Сакаев

**ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТАТАРСКОЙ АССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹**

УДК 94.(470.41)''1941/1945'':314.7

Статья посвящена исследованию эвакуационных процессов в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на наличие достаточно широкого круга общероссийских и региональных исследований военного периода, демографические аспекты эвакуационных и реэвакуационных процессов в регионе в годы Великой Отечественной войны до сих пор оставались недостаточно изученными. В статье на основе опубликованных и архивных материалов раскрываются вопросы, связанные с динамикой прибытия и убытия эвакуированного населения, в том числе уточняются показатели и определяются этапы движения населения, включая как начальный период войны, так и период реэвакуации. Статья вводит в научный оборот большой корпус новых данных о численности эвакуированного населения в Татарской республике в 1941–1945 гг., его возрастном, профессиональном и национальном составе. Рассмотрен ряд вопросов, связанных со спецификой размещения прибывшего населения как в городской, так и в сельской местности, социально-бытовых условий жизни эвакуированных и проблемах обеспечения их трудоустройства. На основе некоторых новых данных показано влияние эвакуационных процессов на демографическое развитие региона, а также на санитарно-эпидемиологическую ситуацию в Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны. В заключение дана оценка характера воздействия эвакуационных процессов на численность, состав и структуру населения республики в годы войны и в послевоенный период.

Ключевые слова: *эвакуация, эвакуированное население, Татарская АССР, Великая Отечественная война, историко-демографические аспекты*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта № 17-11-16005-ОГН\18

Эвакуация в годы Великой Отечественной войны уже не раз становилась предметом исследований, однако ее региональные аспекты изучены недостаточно. Татария приняла значительное число эвакуированных, поэтому отдельные вопросы эвакуации на ее территорию затрагивались в ряде общероссийских работ² и региональных исследованиях.³ Имеется ряд публикаций, посвященных отдельным аспектам эвакуационных процессов в Татарии: бытовым условиям эвакуированных,⁴ их адаптации,⁵ эвакуации отдельных групп⁶ и др.⁷ Предметом исследования в них становились социальные проблемы и вопросы повседневности, за рамками же внимания оставались демографические аспекты.

Целью статьи является воссоздание историко-демографической картины эвакуации в Татарской АССР. Источниковую базу составили данные центральных и республиканских архивов, а также опубликованные материалы. Глубина исследования эвакуационных процессов, к сожалению, ограничивается узостью источников информации.⁸ Кроме того, многие вопросы эвакуации даже в целом по стране все еще остается предметом дискуссий.⁹

² См.: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000; Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27; Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2.

³ См.: Гильманов З. И. Татария в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Казань, 1977; Кабирова А. Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань, 2015.

⁴ См.: Кабирова А. Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941–1945 гг. // Уч. Зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 156–167; Она же. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (18). С. 132–141.

⁵ См.: Кривоножкина Е. Г. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Казань, 2001.

⁶ См.: Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. Казань, 2013; Кабирова А. «Татарстан стал для нас второй родиной». (К 70-летию полного снятия блокады Ленинграда) // Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2014. № 3/4. С. 196–207.

⁷ Шафигуллина О. Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны. Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2012. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2012_3_4/03/05/ (дата обращения: 14.04.2017); Кузнецова Л. Пункт-эвакуации — Татария. 2001. 5 июля. URL: <http://rt-online.ru/p-rubrobsh-37187> (дата обращения: 14.04.2017).

⁸ См.: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 171.

⁹ См.: Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

Относительно *динамики прибытия* эвакуированного населения в Татарскую АССР известно, что первые организованные эшелоны прибыли 1–2 июля 1941 г.¹⁰ Хотя в индивидуальном порядке беженцы начали появляться там уже на третий день войны.¹¹

К 20 июля Татария разместила 41,2 тыс. человек.¹² 23 июля 1941 г. республике было предложено принять еще 175 тыс. эвакуированных из Москвы и других регионов.¹³ Татария принимала и эшелоны с эвакуированными для других областей: 25 % эшелонов, принятых в июле, изначально направлялись в другие регионы.¹⁴

На 1 августа 1941 г. численность эвакуированных составил 146,5 тыс. человек.¹⁵ Эвакуация проходила с трудностями, поскольку прибывающее население нередко выгружали не в пунктах назначения, в нарушение сроков, не предупреждая местные власти.¹⁶ Часто эвакуируемые граждане прибывали не организовано, без сопровождающих лиц и составленных списков.¹⁷ Сверх планов ТАССР принимала индивидуально прибывающих беженцев,¹⁸ которых только в Казани к концу 1941 г. насчитывалось не менее 42,6 тыс.¹⁹

Все эвакуированные прибывали в Казань, затем их могли перенаправить в другие местности, причем ожидание перенаправления могло затянуться на несколько дней, и им приходилось ночевать у вокзала или пристани.²⁰

В литературе разнятся сведения о *численности эвакуированных*. Послевоенная статистика сообщала о 226,0 тыс.,²¹ А. М. Залялов и З. И. Гильманов — сведения о 266 тыс.,²² А. Ш. Кабирова —

¹⁰ См.: Кузнецова Л. Пункт-эвакуации — Татария.

¹¹ См.: Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов. Казань, 1963. С. 133.

¹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–55.

¹³ Там же. Д. 14. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 120. Л. 53–55.

¹⁵ См.: Кривоножкина Е. Г. Сельское население Татарской АССР... С. 41.

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 120. Л. 53–55; Д. 141. Л. 39.

¹⁷ Там же. Д. 129. Л. 34–35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 142. Л. 101.

²⁰ Там же. Д. 141. Л. 19–21, 39, 70.

²¹ См.: Народное хозяйство Татарской АССР: стат. сб. Казань, 1967. С. 160.

²² См.: Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 133; Гильманов З. И. Татария в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). С. 78.

о 273,5 тыс.,²³ В. А. Исупов — о 268,9 тыс.²⁴ По нашим данным, максимальная численность составила 278,9 тыс. (см. табл. 1).

В динамике численности эвакуированных выделяются следующие этапы: 1) массовый приток эвакуированных (июль 1941 — май 1942 гг.); 2) некоторое сокращение их числа, связанное с первой реэвакуацией (июнь–сентябрь 1942 г.); 3) новый рост контингента эвакуированных (октябрь 1942 г. — август 1943 г.).

Таблица 1

ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ, РАЗМЕЩЕННОЕ В ТАССР
(НА ПЕРВОЕ ЧИСЛО КАЖДОГО МЕСЯЦА)*

Год	Месяц	Численность	Год	Месяц	Численность
1941	Июль	41 191**	1943	Январь	268 856
	Август	146 500		Февраль	278 943
	Сентябрь	166 239		Март	278 943
	Октябрь	187 148		Апрель	278 943
	Ноябрь	—		Май	277 024
	Декабрь	213 138		Июнь	276 479
1942	Январь	254 264		Июль	276 205
	Февраль	274 476		Август	276 028
	Апрель	276 438			
	Март	276 438			
	Май	276 438			
	Июнь	253 293			
	Июль	253 293			
	Август	253 293			
	Сентябрь	253 293			
	Октябрь	268 856			
	Ноябрь	268 856			
	Декабрь	268 856			

* Составлено по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508, 515, 519, 522, 532, 537; ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 120.

** Данные на 20 июля 1941 г.

²³ См.: Кабирова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР... С. 133.

²⁴ См.: Население России в XX веке... Т. 2. С. 85.

Мы имеем только отрывочные сведения о *социально-профессиональном составе эвакуированного населения*. Известно, что на 1 сентября 1941 г. в составе эвакуированных прибыло немало квалифицированных работников: 811 педагогов, 115 врачей, 446 среднего медперсонала, 583 инженеров и т. д.²⁵ В Казани, где находилась основная масса эвакуированных, на 1 декабря 1941 г. в их составе 53,4 % составляли рабочие и служащие промышленных предприятий с семьями, 16,3 % — служащие различных учреждений с семьями.²⁶ Известно, что здесь размещались аппараты нескольких наркоматов и Госбанка СССР, научные подразделения АН СССР.²⁷

В географическом отношении, эвакуированное население было представлено москвичами и ленинградцами (около половины всего контингента), жителями 17 краев и областей РСФСР и населением других союзных республик (Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской, Эстонской, Молдавской СССР).²⁸

Относительно *национального состава* эвакуированных можно отметить, что преобладали русские, однако в 1941 г. прибыли также группы евреев (24 550), татар (5 567), белорусов (4 982), латышей (1 416), эстонцев (1 250), литовцев (467) и т. д.²⁹

Сравнение переписей 1939 и 1959 гг. позволяет выявить влияние эвакуации на национальный состав населения региона: численность русских в 1959 г. осталась на прежнем уровне, в то время как численность татар составляла всего 94 %, а общая численность населения республики — 98 % от данных 1939 г.³⁰ Если предположить, что и русское, и татарское населения республики имели пропорционально равные потери в войне, то сохранение на прежнем уровне численности первых объясняется притоком русских в ходе эвакуации и в послевоенный период. Также выросла к 1959 г. численность белорусов (на 80 %), украинцев (на 23 %), литовцев (на 110 %), молдаван (на 51 %), эстонцев (на 18 %), евреев (на 71 %).

²⁵ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 534. Л. 7.

²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 142. Л. 101.

²⁷ Там же. Д. 120. Л. 45, 49.

²⁸ Там же. Л. 174, 175.

²⁹ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 211.

³⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566а–1566.

Среди эвакуированных 34 % составляли мужчин и 66 % — женщины; из числа мужчин 40 % находились в возрасте от 16 до 59 лет, а из числа женщин 61 % в возрасте от 16 до 54 лет; дети в возрасте до 7 лет составляли 26,3 % всех эвакуированных, лица старше трудоспособного возраста — 19,7%.³¹ Таким образом, в числе эвакуированных преобладали женщины и дети, но доля лиц в трудоспособном возрасте также была значимой.

К январю 1942 г. в ТАССР было размещено 101 детское учреждение с 15 264 детьми.³² Более 50 из них были из Москвы,³³ 25 — из Ленинграда.³⁴ На май-июнь 1942 г. в Татарии размещалось 6 % всех учреждений и 5,8 % всех эвакуированных воспитанников на территории РСФСР.³⁵

По поводу *социально-бытовых условий* следует отметить, что эвакуированные по прибытии в Казань получали на эвакуопункте питание и 500 рублей подъемных (эвакуированные из Москвы и Ленинграда питались за свой счет), по прибытии же в районы — бесплатное питание еще в течение 5–7 дней.³⁶

Квалифицированных рабочих и инженеров, эвакуировавшихся с предприятиями, размещали в городах. Одиноким и небольшие семьи (до 3 чел.), как правило, расселяли путем уплотнения жильцов; в случае с многодетными семьями проводилось переселение основных жильцов из больших комнат в меньшие по площади комнаты.³⁷ В результате уплотнения в ряде районов Казани на одного человека в среднем стало приходиться всего около 3 кв. м.³⁸ Позже Казанский горсовет принял решение размещать членов семей прибывших рабочих в близлежащих селах.³⁹ В сельской местности эвакуированных селили по школам, клубам, свободным домам и, с согласия колхозников, — в их дома.⁴⁰

³¹ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508. Л. 211.

³² Там же. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2940. Л. 45.

³³ См.: Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг. С. 157, 158.

³⁴ См.: Кабирова А. «Татарстан стал для нас второй родиной»...

³⁵ См.: Бельская Н. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 171.

³⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 141. Л. 20б.

³⁷ Там же. Л. 101.

³⁸ Там же. Л. 260б.

³⁹ См.: Кабирова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР... С. 134.

⁴⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 141. Л. 9.

Значительное число эвакуированных остро нуждалось в теплой одежде и постельных принадлежностях.⁴¹ Например, 13 декабря 1941 г. сообщалось, что 8 тыс. детей, прибывших с родителями, нуждаются в одежде, обуви, постельных принадлежностях.⁴² Дополнительная материальная помощь выделялась эвакуированным в размере 100 рублей на человека, что было явно недостаточно.⁴³

Продовольственное снабжение эвакуированных в городах производилось на общих основаниях, а в сельской местности — из специально выделяемого фонда.⁴⁴

Большинство прибывших в сельской местности были устроены на работу в колхозы или районные учреждения, в городской — на промышленные предприятия. При обеспечении и трудоустройстве эвакуированных в сельской местности нередко возникали трудности, например, женщины, имевшие малолетних детей, отказывались от работы в колхозе, в том числе из-за отсутствия детского сада.⁴⁵

Первоначально прибывающее население размещали преимущественно в сельской местности: на 16 августа 1941 г. в районах было размещено 93,3 тыс. человек, в Казани — 69,5 тыс.⁴⁶ Затем, начиная с октября 1941 г., численность эвакуированных в города начинает превышать число размещенных в сельской местности.⁴⁷ Что касается эвакуированных детских учреждений, то они размещались равномерно — в 22 из 63 районов.⁴⁸

По нашим расчетам, эвакуированные составляли в Казани до 25 % населения, в Зеленодольске (12 %), Бугульме (9 %), Набережных Челнах (16 %), Мензелинске (11 %), в сельских районах их доля варьировалась от 10 до 15 %. В целом в разные периоды войны в составе сельского населения эвакуированные составляли от 3 до 6 %, в городском — от 9 до 20 %.⁴⁹

⁴¹ Там же. Л. 13–14.

⁴² Там же. Л. 62.

⁴³ См.: Кузнецова Л. Пункт-эвакуации — Татария.

⁴⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 141. Л. 34–35.

⁴⁵ Там же. Л. 6–7.

⁴⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁷ См.: Население России в XX веке... Т. 2. С. 85.

⁴⁸ См.: Шафигуллина О. Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны.

⁴⁹ Подсчитано по: НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508, 515, 519, 522, 532, 537.

Эвакуация серьезно повлияла на *возрастную структуру* населения. Например, на 1 октября 1942 г. в населении Казани доля лиц трудоспособного возраста (16–55 лет) составляла 52,5 %, ⁵⁰ в то время как в 1939 г. — 62 %, ⁵¹ то есть в структуре населения города резко увеличились доли детей и престарелых.

Прибытие многочисленных контингентов эвакуируемого населения отразилось на демографических процессах. Отрицательный баланс населения г. Казани в 1942 г. (–26,4) в значительной степени был обусловлен большим удельным весом эвакуированного населения, немалую часть которого составляли люди старших возрастов. ⁵² Эвакуация 1942 г. повлияла и на прирост детской смертности. ⁵³ Отчасти она отразилась на уровне рождаемости в республике в 1941–1942 гг., поскольку среди эвакуированных женщин было немало беременных, однако это позитивное воздействие было кратковременным из-за дисбаланса в соотношении полов. Влияние эвакуации на показатели брачности и разводимости, по нашим данным, оказалось незначительным.

Прибытие эвакуированных оказало негативное влияние на санитарно-эпидемиологическую обстановку. В пути эвакуированные испытывали недостаток питьевой воды, продуктов питания, медикаментов, а скученность и плохое санитарное состояние поездов и станций приводили к росту эпидемических заболеваний. ⁵⁴ По прибытии эвакуированные сталкивались с новыми трудностями: возникали проблемы с размещением, продовольственным снабжением, обеспечением топливом, что также вело к массовым вспышкам заболеваний (корь, скарлатина, дифтерия среди детей) и росту смертности. ⁵⁵ Скученность населения, возникающая вследствие уплотнения жильцов для размещения эвакуированных граждан, создавала условия для вспышки сыпного тифа. ⁵⁶ Перенаселенность города провоцировала проблемы с его уборкой и санитарным обслуживанием населения

⁵⁰ Там же. Д. 515. Л. 239.

⁵¹ См.: История Казани: в 2 кн. Казань, 1991. Кн. 2. С. 212.

⁵² НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 538. Л. 32.

⁵³ См.: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России... С. 145.

⁵⁴ См.: Там же. С. 151.

⁵⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 121. Л. 102; Д. 141. Л. 26об.

⁵⁶ Там же.

(бани, прачечные), создавала предпосылки для распространения инфекционных заболеваний.⁵⁷

В свою очередь, реэвакуация, которая несколько улучшила возрастной баланс населения, одновременно с этим привела к новому росту заболеваемости сыпным тифом в 1944 г. — в связи с отъездом опытных врачей и концентрацией людей на ж/д станциях и пристанях в ходе реэвакуации.⁵⁸

Как известно, первая *реэвакуация* была проведена уже в конце декабря 1941 — начале 1942 г., когда была возвращена часть предприятий центрального промышленного района.⁵⁹ Основные реэвакуационные процессы развернулись в конце 1943-го — 1945 г. К сожалению, в региональных архивах не сохранились документы, позволяющие детально рассмотреть эти процессы, ведь учет эвакуированного населения велся только до середины 1943 г. Имеющиеся данные показывают, что процесс реэвакуации по мере приближения к Победе принимал все большие масштабы и в 1943–1945 гг. значительная часть эвакуированных (прежде всего из сельской местности) покинула республику.

Подводя итог, следует отметить, что эвакуация серьезно нарушила естественное соотношение полов и возрастных групп в населении региона. В то же время прибытие некоторого числа трудоспособного населения несколько компенсировало потери этих контингентов в результате мобилизации и дало дополнительный импульс для послевоенного демографического развития. Изменился национальный состав населения за счет прибытия русских и представителей ряда других народов. Приток эвакуированных привел к увеличению численности городского населения (прежде всего за счет Казани) с 649,7 тыс. человек на 1 января 1941 г. до 760,9 тыс. человек к 1 января 1946 г., т. е. с 23,5 до 30,0 %.

Эвакуированное население, среди которого оказалось немало квалифицированных специалистов, отчасти способствовало решению проблемы кадров в промышленности, здравоохранении, образовании и науке.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 538. Л. 37.

⁵⁹ См.: Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1945 годы.

В ходе эвакуации произошло изменение городского ландшафта Казани, Зеленодольска, Чистополя, где появились эвакуированные предприятия и целые районы бараков для рабочих.⁶⁰ К негативным последствиям эвакуации следует отнести жилищную стесненность жителей Казани, последствия которой ощущались практически всю вторую половину XX в.

Таким образом, эвакуационные процессы военных лет оказали серьезное воздействие на регион и в значительной мере предопределили ход демографического развития Татарской АССР во второй половине XX в.

Сакаев Василь Тимерьянович — к.и.н., доцент, с.н.с. Центра исламоведческих исследований, Академия наук Республики Татарстан (г. Казань)

Email: *sakaev2003@mail.ru*

Vasil T. Sakaev — Candidate of Historical Science, Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Science (Russia, Kazan)

EVACUATION PROCESSES IN THE TATAR ASSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ASPECTS

The article is devoted to the investigation of evacuation processes in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War. Despite the existence of a sufficiently wide range of all-Russian and regional studies of the military period, the demographic aspects of evacuation and re-evacuation processes in the region during the Great Patriotic War have so far remained insufficiently explored. The article on the basis of published and archival materials reveals the issues related to the dynamics of the arrival and departure of the evacuated population. Indicators and stages of population movement, including both the first period of the war and the period of re-evacuation, are established. The article introduces a new data on the number of evacuated population in the Tatar republic in 1941–1945, its age, professional and ethnic composition. A number of issues related to the location of the arrived population, both in urban and rural areas, social and living conditions of evacuees and problems of ensuring their employment are considered. Based on some new data, the influence of evacuation processes on the demographic development of the region, as well as on the sanitary and epidemiological situation in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great

⁶⁰ НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 538. Л. 14.

Patriotic War was shown. The nature of the impact of evacuation on the size, composition and structure of the population of the republic during the war and in the post-war period was also assessed.

Keywords: *evacuation, evacuated population, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, Great Patriotic War, historical and demographic aspects*

Список литературы

Бельская Н. Эвакуированные дети: трудности выживания в тылу // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 169–179.

Гильманов З. И. Татария в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Казань, 1977.

Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. Казань, 2013.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

Кабилова А. Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941–1945 гг. // Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 2. С. 156–167.

Кабилова А. «Татарстан стал для нас второй родиной». (К 70-летию полного снятия блокады Ленинграда) // Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2014. № 3/4. С. 196–207.

Кабилова А. Ш. Татарстан в годы военных испытаний (1941–1945 гг.). Казань, 2015.

Кабилова А. Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (18). С. 132–141.

Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

Кривоножкина Е. Г. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Казань, 2001.

Кузнецова Л. Пункт-эвакуации — Татария. 2001. 5 июля. URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-obsh-37187> (дата обращения: 14.04.2017).

Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М., 2001. Т. 2. Татария в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов. Казань, 1963.

Шафигуллина О. Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны. Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2012. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2012_3_4/03/05/ (дата обращения: 14.04.2017).

Н. В. Чернышева

**МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

УДК 94(470.42/43)“1940/1945”:314.7

В статье анализируются миграции населения Кировской области в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. Автор определяет факторы и причины этих миграций, дает характеристику типов миграций: добровольно-вынужденных (воинские и трудовые мобилизации, эвакуации, реэвакуации), принудительных (перемещения заключенных и военнопленных), плановых передвижений населения (сельскохозяйственное переселение), стихийных трудовых миграций — и выявляет их влияние на демографическую ситуацию в регионе.

Основываясь на статистических сведениях, исследователь приводит количественные и качественные показатели, которые позволяют определить объемы миграций, их состав, типы и направления территориальных перемещений населения.

Согласно представленным выводам, предвоенное снижение миграций сменилось резким скачком, вызванным началом войны 1941–1945 гг., и лишь к 1943 г. наблюдается постепенное сокращение объемов перемещаемого населения. В годы Великой Отечественной войны формируются нехарактерные для региона миграционные потоки, увеличиваются внутренние перемещения (главным образом по типу «село-город»). Миграции являлись важнейшей причиной изменения демографической ситуации в регионе (миграционные процессы частично компенсировали численность населения Кировской области, но не повлияли на общую тенденцию его сокращения).

Ключевые слова: миграция населения, состав мигрантов, территориальные перемещения населения, предвоенные годы, Великая Отечественная война, Кировская область

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук «Советская миграционная политика и ее реализация в Кировской области (Вятской губернии) в 1917–1967 гг.», № проекта МК-6607.2016.6

Миграция населения представляет собой сложное общественное явление, затрагивающее практически все стороны человеческой жизни, что крайне затрудняет ее интегральную оценку. Под миграцией следует понимать весь процесс перемещения населения, а не только его результаты.² В мирное время преобладают миграции, обусловленные, прежде всего, социально-экономическими причинами: население перемещается в экономически развитые районы, заселяет территории нового хозяйственного освоения. В годы войны их содержание коренным образом меняется. Военно-политические события порождают доминирование внеэкономических причин миграций.³ Субъективные факторы отходят на второй план, доминируют объективные, определяющиеся потребностями войны и регулирующиеся властью, обществом.

В условиях военного времени меняется характер миграционных процессов: одной из важнейших задач, стоящих перед государством, является осуществление добровольно-вынужденных миграций (военная мобилизация на фронт в предельно сжатые сроки, организация эвакуации мирного населения, заводов, социальных объектов, привлечение дополнительной рабочей силы).

Правильная организация миграционных процессов способствовала целостности экономики СССР, а в годы войны работе фронта и тыла. Она не отклонялась от соответствия общим принципам управления государством, сочетавшим одновременно жесткую централизацию с проявлением некоторой самостоятельности на местах. В. А. Исупов, основываясь на классическом определении миграции и классификации миграций польского ученого А. Марианьского (политические и экономические миграции), определяет типы миграций и их соотношение в годы Великой Отечественной войны.⁴ Беря за основу данную типологию, необходимо отметить, что в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны население Кировской области участвовало во всех типах миграций: добровольно-

² См.: Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 51.

³ См.: Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1998. С. 28.

⁴ См.: Исупов В. А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17.

вынужденных, принудительных, плановом передвижении населения, стихийной трудовой миграции.

Основным источником, способствующим изучению миграций населения, являются данные статистики. В исследовании они представлены двумя группами статистических сведений:

1. Текущая статистика миграции населения — основана на обработке отрывных талонов адресных листов, заполнявшихся на категории «прибывших» и «выбывших».⁵ Органы статистики в деловой переписке часто указывали на многочисленные неточности заполняемых форм отчетности, причинами которых были увеличение темпов миграций, а также отсутствие на местах специалистов (призваны в армию, переведены на другую работу), хорошо владеющих методами статистики. В первые годы войны доля мигрантов, относимых к категории «неизвестные», составляла от 30 до 60 %, в то время как в довоенные годы 20–30 %.⁶ В данную графу включали служивших и выбывших в/из РККА, сезонных рабочих (например, работников водного транспорта в период навигации).⁷

Погрешности были и в самих формах отчетности. В частности, эвакуированных в качестве особой группы мигрантов выделили лишь в 1943 г., когда были внесены изменения в порядок учета «прибывших» и «выбывших».⁸ Для анализа миграционных процессов использованы статистические данные следующих форм отчетности. Форма № 1 «Сведения о передвижении населения по месту откуда прибыли и куда выбыли» — содержит данные о ежегодном региональном перераспределении населения (количество «прибывших» и «выбывших» на определенной территории). Форма № 2 «Сведения о передвижении прибывших и выбывших по полу и возрасту» — помогает проанализировать половозрастные характеристики мигрантов. Учет перемещаемого населения в довоенный период также велся по Форме № 3 «Сведения о распределении прибывшего и выбывшего населения по общественным группам». Однако такой учет в Кировской области не проводился.

⁵ Циркуляр НКВД и ЦУНХ № 173 от 3 сентября 1938 г. «Положение о паспортах» с изменениями от 22 марта 1943 г. ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 22. Д. 426. Л. 106–116.

⁶ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12об.; Д. 1227. Л. 7–7об.

⁷ Там же. Оп. 1. Д. 2284. Л. 4; Д. 2973. Л. 12–13об.

⁸ Там же. Оп. 22. Д. 426. Л. 106–116.

2. Материалы переписей населения СССР 1939 и 1959 гг. — содержат сведения для изучения миграции (численность и состав населения региона, характер проживания и пр.). Также материалы переписей позволяют определить влияние миграций на половозрастной состав (мобилизация населения в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, эвакуация населения и др.), структуру занятости населения (трудовые миграции).⁹

В довоенный период для миграционных процессов была характерна тенденция снижения их интенсивности. В 1939–1940 гг. население становится менее миграционно активным, что подтверждают данные миграционного оборота (сократился по сравнению с 1938 г. в 1,4 и 1,5 раза соответственно)¹⁰ и коэффициента общей интенсивности миграции (сократился почти в 2 раза по сравнению с 1939 г. — 3,8 и 7,5 ‰ соответственно).¹¹

Резкое увеличение миграций отмечается в начальный период Великой Отечественной войны. По сравнению с предвоенным годом миграционный оборот в 1941 г. вырос в 1,7 раза. Если в 1939–1940 гг. данный показатель варьировался в пределах 36–37 тыс., то в первый год войны количество прибывших и выбывших из региона составило 114 тыс. человек.¹² На каждую тысячу населения области прирост составил 31 человек.¹³

Коэффициент интенсивности миграционного оборота увеличился в первый год войны в 2 раза и составил 101,8 ‰ (1941 г. — каждый десятый житель прибыл или выбыл из Кировской области) и стабилизировался лишь в 1943 г. — 65 ‰, когда прошла основная волна миграционной подвижности населения.¹⁴ Коэффициент интенсивности миграционного оборота в 1945 г. вернулся к предвоенному уровню (58,9 и 58,1 ‰).

Миграционная активность городского и сельского населения имела прямо противоположные тенденции. В довоенный период

⁹ ГАСПИ КО. Ф. П1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 29, 30; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 62, 63; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том. М., 1962. С. 20, 21.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2284. Л. 7–7об., 24–24об.; Д. 2973. Л. 6–9об.

¹¹ Там же. Д. 2284. Л. 4; Д. 2973. Л. 12–13 об.; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3об.

¹² ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2284. Л. 4; Д. 2975. Л. 12–13 об.; Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10 об.; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: стат. сб. Киров, 1996. С. 26.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10об.; Д. 1227. Л. 5–5об.

сальдо миграции сельского населения почти в 6–8 раз превышало показатель по городскому населению. Уже в первый год войны картина меняется. Наблюдается снижение совершаемых переселений сельчан (1941 г. — 47,2‰, 1943 г. — 39,7‰, 1945 г. — 33,7‰) с одновременно возросшими по сравнению с довоенным периодом темпами миграций горожан, чему способствовала эвакуация рабочих, а также трудовая мобилизация (1941 г. — 230,7‰, 1943 г. — 91,7‰, 1945 г. — 92,2‰). На соотношение миграции сельского и городского населения также влияло увеличение доли городского населения региона. Если в 1941 г. доля сельских жителей практически не изменилась в сравнении с довоенными показателями (83 и 84 % соответственно), то в годы войны она сокращалась с каждым годом: 1943 г. — 77 %, 1945 г. — 74 % (по данным на январь).¹⁵

Принципиальные изменения произошли в численности и составе мигрирующих масс, в территориальном направлении миграционных потоков.

В предвоенные годы население мигрировало в основном стихийно (трудовые миграции), либо за счет организованных процессов набора учащихся в систему ГТР, набора рабочих, сельскохозяйственного переселения, а также в результате призыва в ряды Красной армии (добровольно-вынужденные миграции и плановое передвижение населения).

В предвоенные годы планировалось включать жителей Кировской области в кампанию сельскохозяйственного переселения. В 1939 г. переселения из Кировской области не предусматривалось.¹⁶ Однако в рамках внеплановых решений о переселении из Кировской области в 1939 г. в Приморский край было переселено 4 семьи (21 человек).¹⁷

В 1940 г. проводилось внутриобластное переселение 32 хозяйств (п. Плетеневский, п. Надеевский Омутнинского района) с целью организации снабжения сельскохозяйственными продуктами жителей г. Омутнинска, а также межобластное переселение 1 000 хозяйств колхозников.¹⁸ Всего же за 1940–1942 гг. планиро-

¹⁵ См.: Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: ист.-стат. сб. Киров, 2000. С. 18; ГАСПИ КО. Ф. П1291. Оп. 1. Д. 17. Л. 79; РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 241. Л. 53.

¹⁶ РГАЭ. Ф-5675. Оп. 1. Д. 240. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 262. Л. 22.

¹⁸ Там же. Д. 345. Л. 1.

валось переселить из Кировской области в разные районы СССР 4 500 хозяйств.¹⁹

В рамках системы ГТР в 1940 г. в школы ФЗО и училища Кировской области было призвано 5 100 человек.²⁰

С началом Великой Отечественной войны население прибывало в основном в города и рабочие поселки с перебазированными предприятиями, учреждениями, а также самостоятельно. Выбытие определялось главным образом военной и трудовой мобилизациями. Рост количества прибывших и выбывших в 1941 г. способствовал увеличению сальдо миграции по области в 8 раз, по городским поселениям в 26 раз.²¹

К началу 1942 г. в Кировской области насчитывалось 231 572 эвакуированных.²² По данным Областного бюро учета и распределения рабочей силы, в 1942 г. в области в порядке трудовой мобилизации и трудгужповинности было привлечено 125 тыс. человек, тогда как в 1943 г. — 262 тыс.²³ В связи с военной мобилизацией на фронт ушло 584,8 тыс. жителей области.²⁴

На протяжении всей войны и предвоенный период сальдо миграции населения Кировской области было положительным, за исключением 1944 г., когда количество выбывших в 1,3 раза превысило прибывающий контингент за счет реэвакуации населения. В 1945 г. показатели механического прироста компенсировала демобилизация солдат Красной армии. Однако в городских поселениях такой компенсации не наблюдалось (среди фронтовиков преобладали сельчане), поэтому сальдо миграции в последний год войны здесь было отрицательным. Для сельской местности сальдо миграции в 1939–1945 гг. оставалось положительным, однако это не могло повлиять на тенденцию сокращения численности сельского населения.

В последующие годы динамика миграционной подвижности постепенно снижалась. Численность мигрирующих масс в 1943 г. резко сокращается, в основном за счет снижения доли

¹⁹ Там же. Д. 310. Л. 3.

²⁰ ГАСПИКО. Ф. П-1290. Оп. 20. Д. 326. Л. 237.

²¹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10об.

²² Там же. Д. 469. Л. 19.

²³ Там же. Ф. Р-2169. Оп. 1. Д. 754. Л. 8.

²⁴ См.: Козлов П. Е. Сотворение Победы. Киров, 1995. С. 12. (Книга памяти; т. 16).

прибывших, что подтверждают сведения коэффициента миграции по прибытию: 1941 г. — 66,4‰ и 1942 г. — 41,0‰.²⁵ Для городских поселений пик прибывающего населения пришелся на 1941 г. (188‰), т. е. каждый пятый житель прибыл в городскую местность Кировской области в 1941 г.²⁶

Сходные тенденции были свойственны и для других районов страны. На Урале переселенцев в 1941 г. было еще больше (284,1‰). Каждый третий-четвертый городской житель являлся мигрантом.²⁷ Прибытие в города Свердловской области за первый год войны увеличилось на 205%.²⁸ Безусловно, хлынувший поток переселенцев породил в регионах множество социальных проблем.

Начиная с 1943 г. коэффициент миграции по прибытию стабилизировался на довоенном уровне, чему способствовали победы на фронте, переход стратегической инициативы к советским войскам, в результате чего отпала необходимость переезда в глубокий тыл.

Коэффициент миграции по выбытию в 1944 г. составлял 39,8‰. Развернулись процессы реэвакуации. Наибольшей подвижности было подвержено городское население Кировской области. Городские поселения покидал каждый десятый (95,5‰ — в 1944 г.), а в 1945 г. — двадцатый (56,9‰) их житель, благодаря чему коэффициент интенсивности миграции горожан был отрицательным: -61,7 и -21,8‰ соответственно.²⁹

За годы войны показатели выбытия сельского населения снижаются почти в 1,5 раза. Основными причинами выбытия сельского населения являлись военная и трудовая мобилизации.

Анализ миграционных потоков по типу поселений для исследования весьма затруднен. Достоверно можно утверждать, что за период войны среди прибывших и выбывших по внешней миграции преобладали горожане (в основном эвакуированные и реэвакуированные вместе с заводами и учреждениями работ-

²⁵ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 863. Л. 7–8об.

²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2976. Л. 3об.; Оп. 2. Д. 465. Л. 10; ГАСПИ КО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 10; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. С. 26.

²⁷ См.: Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 71.

²⁸ См.: Кругликов В. В. Миграционное движение населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография: межвуз. сб. ст. М.; Сыктывкар, 2007. С. 148.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1275. Л. 6–7об.; Д. 1679. Л. 8–9об.

ники).³⁰ Такой вид миграции способствовал быстрому, но временному увеличению численности горожан.

Имеющаяся статистическая отчетность по типу миграций позволяет судить лишь о внутренних переселениях жителей Кировской области. В первые годы войны сохранялось, как и в довоенный период, преобладание миграции по типу «село — село» (1941 г. — 71,5 %, 1942 г. — 52,8 %).³¹ Однако уже в 1943–1944 гг. ситуация меняется в противоположную сторону, чему способствовала объявленная трудовая мобилизация. Две трети миграций жителями сел области совершались в города (69,1 и 68,0 % соответственно), т. е. мигрировали по типу «село — город». ³² В последний год войны доля выехавших сельчан в города уменьшается, но по-прежнему остается высокой — около 50 %. ³³ Преобладающая часть горожан перемещалась внутри области по типу «город — город». Лишь в 1945 г. миграционный поток «город — село» доминировал в передвижениях городских жителей, что было обусловлено окончанием войны и появлением возможности вернуться на постоянное место жительства в села.

Территориальная структура миграций в немалой мере зависит от расположения объекта исследования. Как правило, чем ближе обменивающиеся населением районы, тем интенсивнее миграция между ними. Приток извне в довоенный период играл второстепенную роль, и доля прибывающих из других регионов была незначительной. В 1939–1940 гг. отрицательный миграционный обмен был зафиксирован с г. Москвой, г. Ленинградом и Хабаровским краем. Наибольший механический прирост отмечался за счет прибытия в регион жителей Архангельской, Горьковской и Свердловской областей и Удмуртской АССР. Те регионы, которые в довоенный период служили для Кировской области источниками притока населения, в годы войны становятся регионами оттока (главным образом в результате трудовых мобилизаций). Традиционные направления движения трансформируются.

³⁰ Там же. Д. 465. Л. 9–10об.; Д. 863. Л. 7–8об.; Д. 1227. Л. 5–5об.; Д. 1275. Л. 6–7об.; Д. 1679. Л. 8–9об.

³¹ Там же. Д. 465. Л. 9; Д. 863. Л. 7.

³² Там же. Д. 1227. Л. 5; Д. 1275. Л. 7.

³³ Там же. Д. 1679. Л. 9.

В 1941–1943 гг. большинство населения прибывало в область из северных и северо-западных (Ленинградская область, Карело-Финская АССР), западных (Белорусская ССР), южных (Украинская ССР), а также центральных районов СССР (Смоленская, Московская, Калининская области и др.), т. е. тех районов, чьи территории в дальнейшем были оккупированы или на которых велись боевые действия.

По сравнению с последним довоенным годом сальдо миграции по районам РСФСР (количество «прибывших» и «выбывших» из Кировской области жителей РСФСР) в 1941 г. увеличилось в 4,3 раза.³⁴ Поток мигрантов из г. Ленинграда и Ленинградской области, г. Москвы и Московской области увеличился в десятки раз. В 10,3 и 11,2 раза возросло количество прибывших жителей Белоруссии и Украины.³⁵

В то же время преобладающая часть жителей области в 1941–1943 гг. переезжала в соседние субъекты, которые в географическом плане были представлены следующими районами: северный (Архангельская область, Коми АССР), центральный (Горьковская область, Марийская АССР), уральский и западно-сибирский (Молотовская, Свердловская области и Удмуртская АССР). Промышленное перебазирование на восток страны требовало увеличения количества рабочих, которое осуществлялось в том числе и за счет жителей других регионов.

К концу 1943 г. география миграций населения начинает меняться. Успехи военных операций советских войск на нескольких фронтах боевых действий способствовали развертыванию процесса эвакуации, возвращению жителей на место постоянного пребывания. Именно поэтому в 1944–1945 гг. преобладающая часть выбывшего населения отправлялась в северный и северо-западный (Ленинградская область, Карело-Финская АССР) — 15,4 % (в 5 раз больше, чем в 1943 г.), западный (со второй половины 1944 г. страны Прибалтики и Белорусская ССР) — 3,9 % (отток по-прежнему оставался незначительным, хотя и вырос в 38 раз), центральный (Курская, Московская области) — более 50 %, южный (Украинская ССР) — туда отправлялась примерно

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2973. Л. 6–9об.; Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10об.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2284. Л. 7–7об.; Оп. 2. Д. 465. Л. 9–10об.

1/5 часть выезжающих, и юго-восточный (Куйбышевская, Сталинградская области) — 3,8 % районы страны.

Одной из структурных характеристик миграций населения является половозрастной состав мигрантов. Исследование этого аспекта помогает ответить на один из важнейших вопросов: за счет каких групп происходили изменения численности населения.³⁶

Миграционная активность мужчин и женщин существенно отличается. В мирное время мужчины гораздо подвижнее женщин. В предвоенные годы среди прибывших и выбывших преобладали мужчины. Они же преобладали среди выбывающего населения в 1941–1944 гг. (главным образом за счет военной мобилизации): 1941 г. — 62,1 %, 1942 г. — 64,1 %, 1943 г. — 50,9 %, 1944 г. — 57,8 %.³⁷

Среди прибывающих в область на протяжении всей войны преобладали женщины, показатели колебались от 53 до 59 % в разные годы, что обусловлено, прежде всего, эвакуационными процессами.³⁸

В 1941–1942 гг. миграции больше совершали мужчины, а с 1943 г. и до конца войны миграционная активность женщин преобладала в среднем в 1,5–2 раза. Мужчины чаще всего прибывали в города с предприятиями, а женщины и дети — в сельскую местность.

Основную группу пополнения населения области в 1939–1945 гг. составляли трудоспособные в возрасте от 16 до 59 лет (70–80 %) и нетрудоспособные от 0 до 15 лет (15–20 %).³⁹ Количество прибывающих в Кировскую область детей в 1941 г. увеличилось в 2,8 раза, а лиц трудоспособного возраста в 1,5 раза. Среди последних количество женщин возросло в 2 раза. Молодежь в возрасте 16–24 лет преобладала как по прибытию, так и по выбытию.

Покидали Кировскую область лица трудоспособного возраста: основу составляли мужчины, отправленные на фронт

³⁶ См.: Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 158, 159.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 465. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12об.; Д. 1227. Л. 7–7об.; Д. 1275. Л. 4–4об.

³⁸ Там же. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12об.; Д. 1227. Л. 7–7об.; Д. 1275. Л. 4–4об.; Д. 1679. Л. 7–7об.

³⁹ Там же. Д. 465. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12об.; Д. 1227. Л. 7–7об.; Д. 1275. Л. 4–4об.; Д. 679. Л. 7–7об.

(в среднем 55–60 %).⁴⁰ В 1944–1945 гг. количество выбывающих мужчин по сравнению с 1939 г. сократилось в 2 раза.

Доля нетрудоспособных среди уезжающих в первые годы войны значительно снизилась (5–7 %), с 1943 г. увеличение последовало в результате организованной реэвакуации детских учреждений (10–14 %). Сходные тенденции характерны для миграционной подвижности женщин. В 1944 г. наблюдался рост числа выбывающих женщин разных возрастов.

Таким образом, резкий скачок миграционного движения, связанный с началом войны, к 1943 г. сменился постепенным сокращением объемов перемещений населения. В 1941–1945 гг. миграционные процессы осуществлялись по двум основным направлениям: по вертикали, увеличивая интенсивность обмена населением между регионами страны и Кировской областью, а также формируя нехарактерные ранее миграционные потоки, и по горизонтали — охватывая все большее количество районов области.

Миграционные процессы частично компенсировали (за счет положительного механического прироста) численность населения Кировской области, но не повлияли на общую тенденцию его сокращения. Активные внутренние миграции на протяжении всей войны по типу «село — город» являлись главным фактором роста доли городского и снижения доли сельского населения.

Чернышева Наталья Викторовна — к.и.н., доцент, факультет истории, политических наук и культурологии, Вятский государственный университет (г. Киров)

E-mail: *natiche84@mail.ru*

Natalia V. Chernysheva — Candidate of Historical Sciences, Vyatka State University (Russia, Kirov)

MIGRATION OF THE KIROV REGION POPULATION IN THE PREWAR PERIOD AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyzes the migration of the Kirov region population in the prewar period and during the Great Patriotic War. The author defines the factors and causes of these migrations, characterizes their types – voluntary-forced (military and labor mobilization, evacuation, re-evacuation), forced (transfer of prisoners and prisoners of

⁴⁰ Там же. Д. 465. Л. 14; Д. 863. Л. 12–12об.; Д. 1227. Л. 7–7об.; Д. 1275. Л. 4–4об.

war), planned movements of population (agricultural resettlement), spontaneous labor migration – and indicates their influence on the demographic situation in the region. Based on statistical data, the researcher presents the quantitative and qualitative indicators that enables us to determine the volume of migrations, composition, the types and directions of territorial population movements. A conclusion is made that prewar decline in migrations was replaced with a sharp jump, caused by the outbreak of the war and only by 1943 there was a gradual reduction in the volume moved populations. During the Great Patriotic War uncharacteristic for the region migratory flows were formed, internal movements (mainly of the «village-city» type) increased. Migrations were a major cause of changes in the demographic situation in the region (migration processes partially balanced the Kirov region population, but did not affect its general reducing trend).

Keywords: *migration, composition of migrants, territorial population movements, prewar years, the Great Patriotic War, Kirov region*

Список литературы

Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.

Исупов В. А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 12–17.

Козлов П. Е. Сотворение Победы. Киров, 1995. (Книга памяти; т. 16).

Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67–82.

Кругликов В. В. Миграционное движение населения Свердловской области в годы Великой Отечественной войны // Историческая демография: межвузовский сборник статей. М.; Сыктывкар, 2007. С. 148–151.

Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1998.

Н. Н. Аблажей

**СОВЕТСКАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЛАСТИ РЕЭМИГРАЦИИ: ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА**

УДК 94(470)“1946/1950”:314.74

Статья посвящена послевоенной политике СССР в области реэмиграции. После Второй мировой войны Советским Союзом в ходе проведения репатриации, в результате которой в страну вернулись 5 млн советских граждан, была реализована и программа реэмиграции. Она рассматривается с точки зрения анализа государственной стратегии и национальных приоритетов принимающих регионов. За 1945–1949 гг. в СССР добровольно въехало более 100 тыс. бывших эмигрантов, этнических беженцев и их потомков. Реэмиграция реализовывалась с согласия союзного правительства властями РСФСР, АрмССР, УССР и БССР в формате национальных программ возвращения. В статье приводится оценка общесоюзной и республиканской политики в области реэмиграции, определяются основные миграционные тренды, приоритеты и объемы возвратных потоков. На материалах Управления по делам репатриации при СНК/СМ СССР, исполнительной власти республиканского и регионального уровней анализируются подходы к реализации программ возвращения, оцениваются мероприятия по приему, размещению и трудоустройству реэмигрантов, дается оценка эффективности использования государством привлеченных из-за границы человеческих ресурсов.

Ключевые слова: *репатриация, реэмиграция, этническая миграция, адаптация, плановое расселение, трудоустройство*

Послевоенная репатриация, инициированная Ялтинскими договоренностями (февраль 1945 г.) между СССР и союзниками по антигитлеровской коалиции, стала одной из наиболее масштабных акций по перемещению населения в XX в. Процесс возвращения людей на места постоянного проживания начался еще в годы войны. Послевоенная репатриация сочетала в себе элементы добровольной, вынужденной и принудительной миграции. Всего за годы войны было взято в плен, угнано, выехало на работы с территории СССР более 10,5 млн человек. За 1944–1951 гг. было репатриировано из-за границы 4,3 млн человек,

более 1,7 млн человек перемещено внутри страны. Механизм репатриации в СССР окончательно сложился в мае 1945 г., когда были достигнуты окончательные договоренности с союзниками и правительствами ряда европейских стран о репатриации советских граждан из западных зон оккупации Европы и других стран, где имели место военные действия. Основная работа советских органов репатриации по возвращению перемещенного населения из числа советских граждан была проведена в кратчайшие сроки, фактически в течение 1945–1946 гг.

Головной структурой в СССР, отвечавшей за репатриацию, было Управление уполномоченного СНК (позднее — Совета министров) СССР по делам репатриации, учрежденное в октябре 1944 г. и действовавшее до марта 1953 г. под руководством генерала Ф. И. Голикова. На заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы была развернута и эффективно действовала целая система специальных служб, нацеленная на нужды репатриации: в структуре Управления уполномоченного (зарубежные миссии, отделы, группы), спецорганов (СМЕРШ, НКВД), армии (в рамках фронтов и военных округов), дипломатических служб (посольств, консульств), отделов репатриации и переселения при правительствах затронутых оккупацией союзных республик.

В данной статье мы не сможем затронуть все аспекты реэмиграции. Вне поля зрения останутся принудительные перемещения эмигрантов, осуществленные в ходе спецопераций СМЕРШ, или эмигрантов, переданных союзниками как участники национальных формирований; депортации представителей некоторых этнических групп с территорий, отошедших к СССР по итогам войны или оказавшихся в советской зоне контроля, а также перемещения лиц из числа апатридов, оспаривавших советское гражданство. В фокусе нашего внимания — послевоенная политика СССР в области реэмиграции, нацеленная на добровольное возвращение эмигрантов разных волн и их потомков.

Реэмиграция рассматривалась как элемент репатриационной политики и была призвана способствовать притоку в страну трудовых ресурсов. За счет реэмигрантов государство пыталось хотя бы частично компенсировать прямые потери гражданского населения (угнанных и не вернувшихся). Однако репатриационный

потенциал диаспор в целом не рассматривался советским государством как главный ресурс послевоенной реэмиграции. Ставка была сделана преимущественно на возвращение просоветски настроенного населения из зон оккупации союзников или с территорий, откуда выводились регулярные советские войска: в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. Власти также преследовали цель не допустить создания после войны так называемой «второй эмиграции» из числа невозвращенцев.

По данным органов репатриации, в 1945–1951 гг. приняли советское гражданство и прибыли на территорию СССР 431 418 человек, не являвшихся на начало Второй мировой войны советскими гражданами.¹ Примерно четверть от въехавших составили добровольно вернувшиеся в страну бывшие эмигранты и их потомки. Категория «эмигранты и их потомки» априори выделялась репатриационными службами как особая категория перемещенных лиц, но жестких критериев для нее предложено не было. В это число включались этнические и религиозные переселенцы разных волн, этнические беженцы и эмигранты, выехавшие в Новый Свет в последней четверти XIX — начале XX в., лица, покинувшие страну в годы революции и гражданской войны. Кроме того, в категорию реэмигрантов включали также трудовых и нелегальных мигрантов, покинувших родину после 1922 г., т. е. после образования СССР. Таким образом, эмигранты и их потомки представляли собой особую категорию репатриантов, в основу выделения которой был положен преимущественно этнический принцип.

После войны реэмигрантов приняли только четыре советских республики: РСФСР, Армения, Украина и Белоруссия. В силу того, что Москва отдавала реэмиграционные программы на откуп властям принимающих республик, за них отвечали республиканские отделы репатриации и/или переселения или особые структуры (комитеты по приему), хотя, безусловно, все происходило с санкции и под строгим контролем Центра. Республиканское управление уполномоченного СНК/СМ СССР несло ответственность за вывоз реэмигрантов только в том случае,

¹ См.: Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Тр. Ин-та российской истории. М., 2013. Вып. 11. С. 266.

если союзное правительство на него эту миссию возлагало. Республики были заинтересованы в проведении реэмиграции уже на том основании, что поступавший контингент расселялся на ее территории исходя из местных нужд. Несмотря на настойчивые просьбы руководств прибалтийских республик, право на реализацию программ реэмиграции они так и не получили, поскольку в условиях сложно проходившей репатриации граждан прибалтийских государств и массового невозвращения местная власть стремилась максимально аккумулировать репатриационный поток и направить его исключительно на этническую родину. В качестве компенсации союзным правительством было принято постановление № 843-342сс от 13 апреля 1946 г. о возвращении на родину репатриированных граждан Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, согласно которому все репатриированные граждане стран Прибалтики из числа спецконтингента формально подлежали возврату на их территорию. Возвращение этнических беженцев в Молдавию проводилось на тех же основаниях.

Реэмиграция, как и репатриация в целом, была дорогостоящей кампанией. Советские республики могли рассчитывать либо на деньги Москвы, либо на какие-то иные источники. Реэмиграция была только наполовину непосредственно или косвенно (за счет организационных возможностей — обычно вывод армии) профинансирована Москвой. Только у одной республики, Армении, оказались дополнительные финансовые источники в виде средств диаспоры: на переселение в Советский Союз, а точнее — в западную (турецкую) Армению — было собрано 1,5 млн американских долларов. Основные средства были собраны в Америке, Канаде и странах Южной Америки. Значительные средства были потрачены на аренду пароходов, организационные мероприятия и гуманитарную помощь Армении.

Реэмиграции предшествовала советизация, явившаяся составной частью послевоенной политики СССР по сокращению численности эмиграции и дальнейшей репатриации на родину советского и просоветского населения. Решения о восстановлении гражданства в отношении лиц, постоянно проживающих за границей и намеченных к репатриации, принимались Политбюро ЦК ВКП(б). Именно Политбюро рассматривало вопросы восстановления

в гражданстве и одобряло тексты соответствующих указов Президиума Верховного Совета СССР. В ряде случаев этот вопрос несколько раз специально выносился на Политбюро, а в некоторых случаях решение, одобренное Политбюро, тиражировалось как типовое. Так, например, 24 октября и 10 ноября 1945 г. Политбюро рассматривало процедуру принятия в советское гражданство подданных бывшей Российской империи, проживающих в Китае. 29 октября 1945 г. на заседании Политбюро был одобрен указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве Союза ССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии (северо-восток Китая). 10 ноября было принято решение в восстановлении в советском гражданстве лиц, проживающих в городах Шанхае и Тяньзине, и 12 ноября 1945 г. Верховный совет СССР утвердил соответствующий указ. В самом начале 1946 г. Политбюро решило распространить его действие на лиц, проживающих на территории Синьцзяна (северо-запад Китая), и указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которым лицам, проживающим на территории Синьцзяна, предоставлялось право восстановления советского гражданства, был принят уже 20 января 1946 г. В других случаях механизм принятия решения не был многоступенчатым, решение просто транслировалось. Так, 14 июня 1946 г. Президиум Верховного Совета СССР принял серию однотипных указов «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство...» в отношении лиц, проживающих, соответственно, на территории Франции, Болгарии, Югославии. 5 ноября 1946 г. аналогичный указ был принят в отношении лиц, проживающих на территории Чехословакии.

Порядок рассмотрения ходатайства о восстановлении и пролонгации советского гражданства оговаривала соответствующая инструкция к указу ПВС. Процедура предполагала подачу заявления на гражданство и его регистрацию в советском консульстве, далее документы рассматривались специальными выездными комиссиями или отделами по восстановлению гражданства, работавшими при советских дипломатических представительствах.

Проект, включающий как положительный, так и отрицательный вердикт, направлялся в Верховный Совет СССР, который и принимал окончательное решение (Верховные советы союзных республик право предоставления гражданства получили в 1950-е гг.). В случае предоставления или восстановления гражданства заявителю выдавался советский заграничный паспорт. Но самой распространенной оказалась практика «упрощенного въезда», когда возвращение в страну осуществлялось по спискам дипломатических учреждений. Значительная масса реэмигрантов 1945–1946 гг. также въезжала в страну вместе с выводимыми советскими войсками и тоже в упрощенном порядке. Только после пересечения границы перемещенное население переходило в категорию «советское». И тот и другой варианты въезда в дальнейшем предполагали прохождение процедуры паспортизации.

Во второй половине 1940-х гг. НКВД/МИД СССР и соответствующие министерства республик, осуществлявших реэмиграцию, провели большую работу по советизации белой эмиграции и этнических репатриантов. Стандартный срок кампании обозначался в год, но обычно продлевался; в ряде стран — вплоть до 1949 г. Итоги советизации оценить довольно сложно, поскольку они трактовались с опорой не только на формальные (фактические) показатели, но зачастую интерпретировались исходя из политических соображений. Так, по данным Дальневосточного отдела МИД СССР, за вторую половину 1940-х гг. в Китае были обеспечены документами советского образца порядка 140 тыс. эмигрантов, хотя гражданство получили только треть. Несмотря на значительные масштабы советизации, вне поля зрения советских дипломатических служб осталась значительная часть выходцев из Российской империи и СССР, осевших во многих странах мира. Необходимо учитывать и тот факт, что статистика формально «советизированных» лиц, в том числе и «готовых к выезду», сильно отличалась от фактического количества въехавших в СССР.

Въезд реэмигрантов в СССР после войны санкционировали около десятка постановлений союзного правительства. Вопросы приема, размещения, трудового и хозяйственного устройства на принимающей территории регулировались решениями республиканских

правительств, которые, в свою очередь, делегировали полномочия отделам (комитетам) по репатриации, а также районным и городским властям. К реализации программы реэмиграции все четыре республики — РСФСР, АрмССР, УССР и БССР — приступили в 1946 г. и практически одновременно ее «свернули» в 1948 г.

Остановимся подробнее на национальных программах и специфике их реализации в каждой из республик. Реэмиграция в РСФСР имела четко выраженные восточное и западное направления, при этом первое стало доминирующим. Репатриация советских граждан из Китая в СССР была проведена в 1947 г. в соответствии с постановлениями Совета министров СССР № 2077-544 с от 17 июня 1947 г. и Совета министров РСФСР № 490-14 с от 4 июля 1947 г.² Указанными постановлениями был разрешен въезд в СССР 3 000 семьям советских граждан и 150 детям-сиротам, проживающим в Пекине, Тяньцзине и Шанхае. Репатриация из основных регионов сосредоточения эмигрантов и этнических беженцев — Маньчжурии и Синьцзяна — была отложена, что было продиктовано рядом обстоятельств, среди которых следует назвать, во-первых, желание сохранить влияние в этих регионах Китая, чему, безусловно, способствовало наличие значительного числа просоветского населения и, во-вторых, сложность организации в короткий срок масштабного переселения русскоязычного населения, преимущественно из числа, с одной стороны, послевоенных эмигрантов, с другой — казахов, откочевавших на китайскую территорию в период Среднеазиатского восстания 1916 г. и голода начала 1930-х гг. Отказ от проведения плановой репатриации с этих территорий привел к нелегальной возвратной миграции, что создало проблему легализации перебежчиков. Массовая репатриация была проведена много позже, в 1954–1959 гг. и начале 1960-х гг. В РСФСР и Казахстан тогда прибыло порядка 100 тыс. русскоязычных переселенцев и 250 тыс. казахов и уйгур.

В 1947 г. основная волна репатриации из Пекина, Тяньцзина и Шанхая заняла несколько месяцев. В июле 1947 г. были проведены подготовительные мероприятия, в августе–октябре осу-

² См.: Аблажей Н. Н. Советская реэмиграционная политика в 1940–1950 гг. (на материалах Урало-Сибирского региона) // Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2004. С. 167–221; Она же. С Востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.

ществлены основные перевозки. В период с сентября по декабрь репатриантов доставили в места постоянного проживания на советской территории. Перевозки осуществлялись морским транспортом из Шанхая в порт Находку, и далее — по железной дороге. Филтрацию реэмигрантов проводили в лагере № 380 ГУПВИ в порту Находка, где содержались японские военнопленные. Согласно данным Управления по делам репатриации, к 1 декабря 1947 г. из Китая было репатрировано 5 572 человек. Эти данные расходятся с информацией МИД СССР: по одним источникам, количество выехавших составило 2 675 семей, или 5 590 человек; по другим — 2 872 семей, или 6 058 человек. В соответствии с едиными алфавитными списками, их оказалось 6 014 человек. Согласно данным МВД СССР, на начало июня 1948 г. из Китая прибыло 6 027 человек.³ РСФСР приняла также русских эмигрантов первой волны из Франции и Чехословацкой республики, кроме того — потомков переселенцев из числа старообрядцев из Болгарии и переселенцев из Румынии, эмигрировавших сюда в период русско-турецких войн.

В РСФСР вопросами репатриации занималось Переселенческое управление при Совете министров, имевшее специальные отделы по реэвакуации и репатриации советских граждан, действовавшие до 1950 г. В 1947 г. при исполнительных органах власти автономных республик и областей, куда планировалось поселить репатриантов из Китая, были воссозданы переселенческие управления и отделы, действовавшие в годы войны. Репатрианты приезжали преимущественно на территорию Сибири и Урала, при этом приоритет получили уральские регионы. Статистика начала 1948 г. дает следующее распределение репатриантов, прибывших из Китая: 1 216 семей (2 505 чел.) были расселены в Свердловской области, 231 семья (490 чел.) — в Молотовской, 272 семьи (549 чел.) — в Кемеровской, 187 семей (404 чел.) — в Челябинской, 66 семей (135 чел.) — в Омской, 63 семьи (118 чел.) — в Чкаловской, 32 семьи (78 чел.) — в Тюменской обл., 92 семьи (213 чел.) — в Башкирской АССР и 98 семей

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 49а. Д. 16. Л. 37; Ф. А-327. Оп. 1. Д. 36. Л. 143; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 5; ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 742; Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 4001. Л. 6.

(214 чел.) — в Татарской АССР.⁴ К июню 1948 г. в Свердловской обл. было размещено около 4 тыс. человек, в Кемеровской — 600, в Челябинской — 450, в Молотовской — 410 человек. Остальные были распределены по другим краям и областям РСФСР.⁵

Плановая экономика позволяла обеспечить распределение и занятость. Запросы только трех министерств (тяжелой индустрии, цветной металлургии и строительных материалов) позволяли обеспечить работой около 30 тыс. реэмигрантов из Китая (что в 10 раз превышало численность прибывших). Согласно решению правительства, въезд на территорию СССР предусматривался в первую очередь для рабочей молодежи, квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. МИДу были даны четкие указания, что репатриации подлежат прежде всего те, кого можно использовать в народном хозяйстве, это главным образом молодежь. Согласно докладной записке, подготовленной Переселенческим управлением РСФСР, прибывшие на конец октября 1947 г. переселенцы — 2 091 семья (4 255 чел.), были распределены в основном по следующим министерствам: цветной металлургии — 544 семьи (910 чел.), строительства предприятий тяжелой индустрии — 222 семьи (464 чел.), тяжелого машиностроения — 43 семьи (100 чел.).⁶ По данным того же Управления, в 1949 г. 3 169 человек были определены на работу в систему союзных и республиканских министерств, 1 098 человек работали в металлургической промышленности, 1 тыс. — в системе предприятий Министерства тяжелой индустрии, 566 — на предприятиях Министерства тяжелого машиностроения, 236 — в структуре Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР, 61 — в здравоохранении, 56 человек — в системе Министерства речного флота.⁷ Не следует забывать, что одной из целей, которые преследовала послевоенная репатриация из Китая, было дополнительное привлечение пусть небольших, но высококвалифицированных трудовых ресурсов для экономики и социальной сферы Урала и Сибири.

⁴ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 36. Л. 143.

⁵ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 49 а. Д. 16. Л. 51; Ф. А-327. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–4.

⁶ Там же. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 21. Л. 83.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

Как уже говорилось выше, помимо Китая приток в СССР русских эмигрантов послереволюционной волны обеспечивался за счет Франции и Чехословакии. Въезд из Франции регламентировали постановления № 1919-809 с от 29 августа 1946 г., № 2747-866 с от 2 августа 1947 г., из ЧСР — № 1743-692 с от 28 мая 1948 г. В 1946 г. количество лиц, вернувшихся из Франции, было небольшим — всего 22 семьи, в 1947 г. вернулось 166 семей. Их вывозили из Марселя морским транспортом. Реэмигрантов 1947 г. распределили в 40 регионах РСФСР, рекордсменами по приему стали Сталинградская (25 семей), Рязанская (25 семей) и Ростовская области (16 семей). Из них 6 семей выехало на постоянное жительство в Украину, а две — в Казахстан.⁸ Из ЧСР въехал всего 141 человек, однако данных об их размещении пока не выявлено.

Что касается этнических русских из числа переселенцев XIX в. и потомков переселенцев XVIII в., то возможность въезда в страну и расселение в том числе и на территории РСФСР для них обеспечили постановления правительства СССР № 1923-811 с от 29 августа 1946 г. (Болгария) и № 2295-639 с от 1 июля 1947 г. (Румыния). Решения союзных властей не всегда относились к одной республике или одной этнической группе, поэтому в ряде случаев довольно сложно судить о распределении потоков между РСФСР, УССР и БССР.

Первая партия реэмигрантов из числа этнических русских прибыла в РСФСР из Румынии в апреле 1945 г. Вопрос о возвращении так называемых «русских бессарабцев» — под таковыми понимались старообрядцы (липоване) — возник еще в 1944 г. В эту категорию попали не все липоване, а только часть жителей поселения Нэводарь Констанского уезда Румынии. По официальной версии советской стороны, около 200 семей (821 чел.) после обращения к правительству СССР были переселены в ноябре 1944 г. и апреле 1945 г. в УССР и РСФСР.⁹ Переселенцы 1944 г. попали в УССР (Измайльская область), а переселенцы 1945 г. — в РСФСР (Ростовская область). Известно, что в сентябре 1945 г. 166 семей были переселены из Ростовской в Измайльскую

⁸ Там же. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 279. Л. 117–138.

⁹ Там же. Д. 410. Л. 434.

область, что было сделано, якобы, после обращения переселенцев к Сталину.¹⁰ Таким образом, на территории Украины оказалось 267 семейств (в т. ч. 166 русских) из Румынии. В качестве места жительства им были обозначены три села – Долиновка, Примыха, Семеновка Измаильской области УССР. Эта история имела продолжение: в августе 1946 г. главы 166 семей попросили разрешения на возвращение в Румынию. Согласно версии переселенцев, изложенной в коллективном обращении в посольство Румынии в Москве, они были «подняты» с семьями и со всем движимым имуществом (скотом, сельскохозяйственными орудиями и рыболовными снастями), под надзором войск переправлены в СССР, что скорее напоминало депортацию. Чтобы урегулировать ситуацию, в ноябре 1946 г. МИД СССР рекомендовал властям Украины срочно урегулировать гражданский статус перемещенного населения, кроме того переселенцам была оказана экстренная гуманитарная помощь.

Резмиграция из Румынии продолжилась в следующем году; постановление Совета министров СССР № 2295-639 с от 1 июля 1947 г. предусматривало въезд порядка 6 тыс. граждан русской и украинской национальности. Контингент вновь предназначался двум республикам (УССР и РСФСР), повторное переселение не допускалось. Россия должна была принять 665 семей (2 600 чел.) на территории Астраханской области (1 300 чел.) и Краснодарского края (1 300 чел.).¹¹

Оценить количество резмигрантов по РСФСР позволяют данные Отдела по репатриации и эвакуации советских граждан Переселенческого управления при Совете министров РСФСР за 1949 г., согласно которым всего прибыло 10 541 человек, в т. ч. въехавших в 1947 г. из Китая — 5 960 чел.; из Франции — 1 317 чел., из которых в 1946 г. въехал 271 чел., в 1947 г. — 936, в 1948 г. — 87, в 1949 г. — 23 чел.; из Румынии — 3 175 чел.; въехавших в 1948 г. из ЧСР — 89 чел.¹²

¹⁰ Там же. Д. 282. Л. 331.

¹¹ Там же. Д. 409. Л. 210.

¹² Там же. Ф. А-327. Оп. 3. Д. 5с. Л. 1, 3–4; Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 6723. Л. 16; Д. 4001. Л. 4–6.

Несмотря на существование значительной украинской диаспоры, образовавшейся в ходе переселений во второй половине XIX — начале XX в. на Северо-Американский континент и в период между мировыми войнами — в Европу, после Второй мировой войны массовой реэмиграции на Украину не произошло. Послевоенная реэмиграция затронула только Францию, Болгарию и Румынию и составила суммарно 10 250 человек.¹³

Самый массовый поток реэмигрантов дала Болгария. По постановлению № 1923-811 с, из Болгарии на Украину в 1946 г. прибыло 1 732 семей, или около 5 тыс. человек. Однако не все прибывшие были украинцами, примерно треть из них была русскими староверами («некрасовцами»). В сентябре 1945 г. часть жителей русских сел Татарица и Казашко (близ г. Варны) обратились с индивидуальными и коллективными прошениями о репатриации в СССР. Несмотря на то, что села были старожильческими, молодежь участвовала в военных действиях на стороне Красной армии. Болгарское правительство выезд разрешило, но «некрасовцы» смогли выехать в СССР только во второй половине 1946 г., после принятия постановления союзного правительства № 1923-811 с от 29 августа 1946 г. Вывоз этого населения (336 семей, 1 309 человек) как «крестьян русского происхождения» с имуществом и скотом был осуществлен попутными морскими транспортами, курсирующими между Варной и Одессой. Расселение и трудоустройство переселенцев, согласно постановлению союзного правительства, входило в компетенцию Совета министров Украины. Переселенцев разместили в Сталинской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Тернопольской, Волынской и Ровенской областях. Судить о расселении украинского населения пока не представляется возможным.

Очередные реэмигранты из Болгарии прибыли в Украину в 1947 г. Постановление Совета министров СССР № 2295-639 с от 1 июля 1947 г. оговаривало их одновременный въезд в РСФСР и УССР, при этом распределение контингента между республиками должно было осуществляться на основании этнической принадлежности въезжающих. Украина должна была принять 994 семьи, или 3 400 человек. В качестве районов вселения планировались

¹³ Там же. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 527. Л. 105–128.

Херсонская (110 чел.), Запорожская (780 чел.), Черновицкая (344 чел.) и Одесская области (360 чел.). Новая волна реэмиграции из Болгарии пришлась уже на середину 1950-х гг., переселенцев вновь приняли Россия и Украина.

Второй по численности прибывших в Украину стала волна из Франции. Основной поток украинцев шел в республику согласно постановлениям Совмина СССР № 1919-809 с от 29 августа 1946 г., речь шла преимущественно о промышленных рабочих из числа перемещенных в годы войны жителей Западной Украины. Что касается реэмигрантов, то они въезжали по постановлению союзного правительства № 1245-508 с от 14 июня 1946 г. В УССР из Франции в 1946–1947 гг. прибыло 4 338 человек. Встреча партии реэмигрантов численностью в 2 160 человек, прибывших 3 декабря 1946 г. в Одессу на пароходе «Россия», была плохо организована и вызвала массу нареканий.¹⁴ Выезд переселенцев из Румынии обеспечило постановлению № 2295-639 с от 1 июня 1947 г. Известно, что в Украину тогда прибыло 677 семей крестьян русской и украинской национальностей.

Реэмиграция в Белоруссию стала в значительной степени следствием реэмиграционной программы Украины. Право въезда в республику в упрощенном порядке предоставлялось лицам белорусской национальности, проживавшим во Франции и признавшим себя гражданами СССР, что следовало из Постановления № 1246-508 с от 14 июня 1946 г. Определить точное количество прибывших в республику сложно. Известно, что в рамках данного решения в СССР прибыло 1 420 русских и 5 471 лицо украинского и белорусского происхождения.¹⁵ По данным советского посольства в Париже, на сентябрь 1946 г. к отправке в СССР было отобрано 867 белоруса.¹⁶ Белоруссия ожидала 10 тыс. человек, но в итоге приняла лишь треть от этого числа.

Белоруссия, как и Украина, возлагала большие надежды на реэмиграцию из Франции. В годы войны для работы на угольных копях в Дуэ, расположенных на севере Франции, добровольно

¹⁴ См.: Уреу Д. Одесский транзит 1946 года (репатриация советских граждан из Франции). URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/2115/1> (дата обращения: 12.05.2016).

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4001. Л. 5–6; Д. 672. Л. 14; Ф. 9526. Оп. 4. Д. 62. Л. 242.

¹⁶ Там же. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 280. Л. 234.

выехало около 90 тыс. человек.¹⁷ Власти попытались вернуть «эмигрантов-шахтеров» в рамках кампании по реэмиграции лиц украинской и белорусской национальностей. Согласно отчетам НКВД СССР, в течение лета 1945 г. НКВД и Управление по делам репатриации склонялись к предоставлению этой категории репатриантов разрешения на въезд в СССР, эту цель преследовали как массовые обращения в советское консульство в Париже, так и обращения в Президиум ВС СССР. К работе по возвращению подключилось и НКГБ СССР, которое настаивало на том, что данный контингент нужно срочно вывозить в СССР, т. к. используя «затяжку в оформлении въездных виз, иностранные разведки начали вербовать агентуру для засылки в СССР». Консульство предлагало использовать для выдачи документов на въезд не только дипломатические службы, но и аппарат миссии по репатриации. В сентябре 1945 г. все было готово к репатриации, но решения из Москвы не последовало. 17 октября 1945 г. НКВД непосредственно обратился в Верховный Совет за разъяснениями. Планам, однако, не суждено было сбыться: и хотя указ Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении в гражданстве СССР» проживающих на территории Франции был принят 14 июня 1946 г., вернуть удалось лишь небольшую часть шахтеров, трудоустроенных на шахтах Донбасса.

Документы ведомства Голикова наглядно показывают, что реэмиграция из Франции, Румынии и Китая «крестьян русского происхождения», «бывших русских эмигрантов», а также украинцев и белорусов, проводимая по постановлениям правительства, должна была продолжиться и в 1948 г. Из Китая планировалось вывезти около 1,5 тыс., из Франции — около 12 тыс., а из Румынии — более 21,5 тыс. человек.¹⁸

Значительных успехов в плане реэмиграции удалось достичь Армении.¹⁹ 4 ноября 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) положительно решило вопрос о въезде в СССР зарубежных армян — бывших беженцев из Западной Армении, покинувших родину из-за

¹⁷ Там же. Д. 74. Л. 68.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 489. Л. 87.

¹⁹ См.: Урсу Д. Одесский транзит 1946 года (репатриация советских граждан из Франции); Алексанян А., Туманян М. Страницы из истории репатриации армян (1946–1948 гг.) // Вестн. архивов Армении. 1963. № 2 (5). С. 61–80 (на арм. и рус. яз.).

турецкого геноцида, а также их потомков. Москва предложила диаспоре следующий вариант решения «армянского вопроса»: возвращение стране полумиллиона человек при условии возвращения Турцией западных армянских территорий и самофинансирования репатриации. Подобное решение вызвало широкий резонанс в армянской диаспоре и обеспечило массовое переселение. Число вероятных переселенцев, определенное в полмиллиона человек, составляло четверть всей диаспоры. Согласно отчетам дипломатических служб, на «немедленную» реэмиграцию были настроены порядка 300–450 тыс. армян, проживавших в десяти странах мира.

Решение СНК СССР № 2947 «О мероприятиях по возвращению армян из-за границы в Советскую Армению» от 21 ноября 1946 г. было опубликовано в открытой печати и приурочено к 25-летию установления советской власти в Армении. Союзным правительством было принято также несколько дополнительных решений, в основном касавшихся репатриантов 1947 г. Основной объем работы был проведен властями республики. Для содействия переселению и интеграции мигрантов в декабре 1945 г. при СНК Армении был создан специальный Комитет по приему и устройству зарубежных армян, который эффективно функционировал на протяжении всей репатриации. За 1945–1949 гг. правительство Армении приняло более 150 постановлений и распоряжений по данному вопросу.

Первая волна реэмигрантов прибыла в Армению из Ирана в ходе вывода оттуда советской армии летом 1946 г. Остальные реэмигранты прибыли в республику десятью партиями, образно называвшимися «караванами». Прием прибывших сухопутным способом осуществлялся через Джульфу (Азербайджан), а морскими транспортами — через Батуми (Грузия). Первый караван прибыл из Бейрута в Батуми в июле 1946 г., оттуда репатриантов перевезли по железной дороге в Армению. Обширная документация позволяет судить о масштабах реэмиграции. В 1946 г. прибыло 50 918 (по другим данным — 50 945) репатриантов: из Ирана — 20 597 человек, из Сирии и Ливана — 19 253, из Греции — 4 974, из Болгарии — 4 383, из Румынии — 1 738 человек.²⁰

²⁰ НАРА. Ф. 362. Оп. 1. Д. 14. Д. 27.

Резмигрантов приняли 32 города и района республики. Почти половина прибывших осталась в городах. В последующие годы структура расселения не изменилась. В 1947 г. число стран, откуда прибыли зарубежные армяне, увеличилось (Сирия, Ливан, Ирак, Греция, Франция, Египет, Палестина, Соединенные Штаты), но количество иммигрантов в сравнении с предшествующим годом сократилось приблизительно на 15 тыс. человек и вместо ожидаемых 60 тыс. в Армению въехало 35 422 человек. В 1948 г. реэмиграция шла только из Румынии и Египта, а число въехавших составило 3 092 человек. Последняя партия (162 чел.) прибыла в 1949 г. из США.

Программа возвращения зарубежных армян была свернута по политическим и экономическим причинам центральным советским руководством вопреки мнению руководства Советской Армении. Формальным поводом для ее прекращения стал пожар на теплоходе «Победа», который доставлял партию репатриантов из Америки. Пожар произошел уже в Одессе, после выгрузки армян, но был истолкован как «диверсия». Вопрос обсуждался на Политбюро 13 сентября 1949 г., и в принятой резолюции значилось «безусловно и немедленно воспретить прием армянских переселенцев в Армению, откуда бы переселенцы ни направлялись».²¹ Что касается объективных причин прекращения репатриации, то среди них следует назвать прежде всего то обстоятельство, что массовая репатриация, проведенная преимущественно в 1946–1947 гг., привела к частичному перенаселению густонаселенной республики и обострила продовольственную ситуацию, что обусловило обнищание значительной массы переселенцев и резкое усиление в их среде антисоветских и реиммиграционных настроений. Своим решением Политбюро фактически поставило точку на всех реэмиграционных программах.

Итоговые цифры по реэмиграции в СССР нашли отражение в отчете министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, поданном в правительство 3 июня 1948 г. Общее количество прибывших составило 106 835 человек; они распределялись следующим образом: зарубежные армяне из 12 стран мира (86 346 чел.), «крестьяне русского происхождения» из Румынии (6 121 чел.) и Болгарии

²¹ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5. Л. 89.

(1 310 чел.), украинцы и белорусы из Франции (5 463 чел.), а также бывшие российские эмигранты из Китая (6 027 чел.), Франции (1 500 чел.) и Чехословакии (129 чел.).²²

Судя по сводным данным, самой масштабной стала реэмиграция в Советскую Армению. Она позволила республике почти на треть компенсировать прямые людские потери, понесенные в годы войны, увеличив на 10 % численность титульного населения. Для России и Украины привлеченный из-за границы в рамках реэмиграции ресурс оказался в 10 раз меньше, чем у Армении. Еще более скромных успехов удалось добиться самой пострадавшей от войны республике — Белоруссии.

В отчете Круглова достаточно детально освещалось расселение реэмигрантов (за исключением зарубежных армян). Вопросу о расселении было уделено повышенное внимание в связи с тем, что значительных масштабов достигла вторичная миграция в другие регионы, а также нелегальная миграция за пределы страны. Несмотря на ограничения перемещения, во всех республиках наблюдался выезд реэмигрантов за пределы территорий первоначального вселения. Переселенческие отделы через районные и городские исполкомы, а также отделы кадров предприятий разъясняли репатриантам, что они не должны самостоятельно менять места постоянного проживания. Постановлением Совета министров СССР от 20 июня 1948 г. «О порядке расселения граждан, прибывших из-за границы» переселенческим отделам были даны на этот счет особые указания. МВД настояло на том, чтобы запретить размещение репатриантов в Москве и Московской области, в Ленинграде и его пригородной зоне, в столицах союзных республик, в курортных местностях на юге, а также в пограничной полосе и запретных (режимных) областях СССР. Проживание на этих территориях было возможно при условии ходатайств отраслевых министерств, заинтересованных в использовании репатриантов на производстве, но только после согласования с МВД и МГБ. Однако даже принятие специального постановления не смогло ограничить вторичную миграцию, направленную преимущественно в крупные города европейской и южной частей страны. Уезжавшим с предписанных мест

²² ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 3. Д. 5с. Л. 1, 3, 4; Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 6723. Л. 16; Д. 4001. Л. 4–6.

жительства репатриантам не мешало и то, что зачастую они не имели на новом месте жилплощади, прописки, работы и, таким образом, попадали в гораздо более тяжелые материально-бытовые условия. Некоторые уезжали самовольно, другие — с санкции переселенческих отделов.

Принятое решение шло вразрез с практикой расселения иммигрантов на территории Армении. Рассчитывая на скорое решение территориального вопроса с Турцией, власти Армении расселили 32,5 тыс. репатриантов (из 50,7 тыс., прибывших в июле–октябре 1946 г. из Ирана, Сирии, Ливана, Болгарии, Румынии и Греции) в пограничной с Турцией долине р. Аракс.²³ Напомним, что значительные территории Армении, да и сама столица Ереван, находились в непосредственной близости к государственной границе. Статус пограничных имели 11 (почти треть) районов республики и город Ленинакан. Но нереализованные ожидания на возвращение в Западную (турецкую) Армению и стремительное обнищание переселенцев резко снизили уровень патриотизма и «восторга» от советских реалий, что проявилось в росте антисоветских и реиммиграционных настроений. В 1947–1949 гг. в Армянской СССР была проведена кампания по переселению реиммиграционно настроенных армян, прибывших из зарубежных стран, из пограничных в глубинные районы республики», подававшаяся как превентивная мера, призванная поставить заслон нелегальной эмиграции из Армении. Отселение от границы стало прологом к депортации 1949 г., которой подверглись 1,5 тыс. реэмигрантов.²⁴

Приоритеты миграционной политики напрямую отразились на выборе инструментов интеграции реэмигрантов в послевоенное советское общество. С одной стороны, государство оказывало значительную поддержку переселенцам: они имели право на получение ссуд на хозяйственное обзаведение и индивидуальное строительство с льготными условиями погашения (5 и 10 лет). Иммигрантов, размещенных в сельских местностях, освободили от уплаты сельскохозяйственного налога, страховых платежей, обязательных поставок сельхозпродуктов государству, всех денежных налогов

²³ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 169. Л. 72.

²⁴ См.: Аблажей Н. Н. Армяне-репатрианты как целевая группа террора в послевоенном СССР // Поздний сталинизм. Советское государство и общество в послевоенный период. 1945–1953 гг.: материалы междунар. конф. по истории сталинизма. М., 2015. С. 660–668.

(на один год полностью и на 25 % на два последующих года), а также от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан сроком на два года со дня прибытия. Колхозы, принявшие в свой состав реэмигрантов, на два года освобождались от уплаты подоходного налога по числу принятых хозяйств. Местным властям рекомендовали выдавать денежное пособие остро нуждающимся семьям переселенцев. Переселенческие отделы были обязаны ежемесячно отслеживать изменения в численности реэмигрантов, их перемещениях, трудоустройстве, жилищных и бытовых условиях. С другой стороны, нерациональная организация и низкий уровень производства, плохие условия труда, неразвитость социально ориентированных отраслей экономики, послевоенные трудности (голод, денежная реформа), вкупе с незнанием «советских реалий» и неумением (а зачастую и нежеланием) жить «по-советски» негативно сказывались на жизни новых советских граждан.

Реэмигранты стали не только объектом помощи, но и политических репрессий. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что репрессиям подверглись около 4 % репатриантов. Репрессии носили преимущественно превентивный и выборочный характер — это должно было способствовать «ускоренному» формированию у основной массы репатриантов советской идентичности, быстрой и полной интеграции в советский социум. Вместе с тем репрессии существенно подорвали среди репатриантов веру в правильность сделанного ими выбора вернуться в СССР.

Аблажей Наталья Николаевна — д.и.н., доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет; с.н.с, Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)

E-mail: ablazhey@academ.org

Natalya N. Ablazhey — Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University; Institute of History Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

SOVIET RE-EMIGRATION POLITICS AFTER WORLD WAR 2: PRACTICES AND APPROACHES

The paper is devoted to the Soviet re-emigration policy after the Second World War. In this period when about five million people were returned to the Soviet Union as a consequence of the WW 2 the So-

viet Union implemented a wide-scale re-emigration programme. For 1945–1949 more than 100 000 former emigrants, ethnic refugees and their descendants voluntary came to the USSR. Re-emigration is analysed in the context of the state strategy and priorities of the accommodating territories. It was implemented on the basis of agreements between the federal authorities with the governments of Russian, Armenian, Ukrainian and Belorussian Soviet Socialist Republics in a form of the republican re-emigration programmes. An assessment of federal and republican politics in the sphere of re-emigration is provided. The paper also touches upon major trends in the area of migration and migration priorities and scales. The approaches to implementation of the re-emigration programmes and practices of relocation, accommodation and employment of re-emigrants, as well as evaluation of the efficacy of use of the new labour resources are provided in the paper based on the data of the USSR Repatriation Department of the Council of the People's Commissars / Council of Ministers, and executive powers of the republican and regional levels.

Keywords: repatriation, re-emigration, ethnic migration, adaptation, planned resettlement, employment

Список литературы

Аблажей Н. Н. Советская реэмиграционная политика в 1940–1950 гг. (на материалах Урало-Сибирского региона) // Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе. Новосибирск, 2004. С. 167–221.

Аблажей Н. Н. С Востока на восток: российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.

Аблажей Н. Н. Армяне-репатрианты как целевая группа террора в послевоенном СССР // Поздний сталинизм. Советское государство и общество в послевоенный период. 1945–1953 гг.: материалы междунар. конф. по истории сталинизма (3–5 октября 2015 г., г. Тверь). М., 2015. С. 660–668.

Алексанян А., Туманян М. Страницы из истории репатриации армян (1946–1948 гг.) // Вестник архивов Армении. 1963. № 2 (5). С. 61–80 (на арм. и рус. яз.).

Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории. М., 2013. Вып. 11. С. 244–284.

Урсу Д. Одесский транзит 1946 года (репатриация советских граждан из Франции). 2009. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/bitstream/123456789/2115/1> (дата обращения: 12.05.2016).

Н. А. Араловец

**МИГРАЦИИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ
В ГОРОДАХ РСФСР, КОНЕЦ 1950-х гг.**

УДК 94(470)''1950'':314.7

На основе архивных и опубликованных данных в статье исследуется влияние миграций на количество межэтнических браков в городах РСФСР в конце 1950-х гг. Рассматриваются специфика происходивших в эти годы миграций российского населения, их численность, состав, основные направления миграционного движения, влияние на этнический состав городов РСФСР. В совокупности с другими факторами миграции населения оказывали влияние на этнически смешанный состав российского населения, в том числе городского. Отмечается, что в конце 1950-х гг. механическое движение характеризовалось численным увеличением в индустриально развитых городах РСФСР прибывшего и уменьшением выбывшего населения. В российские города приезжали преимущественно мужчины и женщины молодого трудоспособного возраста на учебу и работу. Полиэтнический состав городского населения при численном преобладании русских, миграции в города мужчин и женщин активных брачных и репродуктивных возрастов, повышении уровня образования, распространении (особенно в инонациональной среде) русского языка, снижении роли национальных мотивов при вступлении в брак и создании семьи способствовали численному увеличению межэтнических браков. Вместе с тем подчеркивается, что в российских городах доминировали однонациональные брачные союзы. На основании статистики разводов делается вывод, что однонациональные браки были стабильнее, чем межэтнические. Неустойчивость межэтнических браков определялась разницей в этнической культуре супругов, что выражалось в разных взглядах на быт, брачно-семейные отношения, воспитание детей, взаимоотношение со старшими поколениями, друзьями, коллегами, соседями и т. д. Брачные союзы, заключенные между представителями близких этнических культур, были устойчивее, чем между представителями далеких этнических культур. Более устойчивыми межэтническими браками были брачные союзы с русскими. Изменение миграционной подвижности населения в последующие годы обусловило снижение прироста доли межэтнических браков и этнически смешанных семей.

Ключевые слова: *миграции, городское население РСФСР, численность, состав, этносы, межэтнические браки, этнически смешанные семьи, разводы, образование, занятие*

1950-е гг. в СССР характеризовались дальнейшим распространением межэтнических брачных союзов. Одним из факторов развития этого явления были миграции населения, особенно — активные переселения в города. Исследователи отмечали, что в 1939–1958 гг. в СССР миграции обеспечивали 80 % прироста городского населения. К этому показателю приближалось большинство районов европейской части РСФСР. В Сибири, на Урале, на юге Дальнего Востока доля миграции в приросте городского населения была ниже: 70 %. В то же время полностью за счет миграции увеличилось городское население Сахалина, Магадана, Камчатки. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. зафиксировали значительное преобладание городского населения в Мурманской — 92 %, Магаданской — 81 %, Кемеровской — 77 %, Свердловской — 76 %, Челябинской — 76 %, Сахалинской областях — 75 %, в Хабаровском крае — 74 %.¹

Наиболее высокий уровень миграционного прироста городского населения (выше 80 %) был в Центральном и Северо-Западном регионах СССР, Эстонии, Латвии, на Юго-Востоке Украины (Донбасс). Это явление также фиксировалось также в других районах Украины и в Белоруссии. В то же время уровень миграционного прироста городского населения понижался в Казахстане (кроме Целинного края и Карагандинской области, где этот прирост был довольно высок), Киргизии, Таджикистане, Армении и особенно — в Грузии. Следует отметить, что население городов Азербайджана, Узбекистана, Туркмении увеличивалось за счет естественного прироста.²

В конце 1950-х гг. в РСФСР механическое движение населения характеризовалось численным увеличением в городах прибывших и уменьшением выбывших. Так, из итоговых данных годовой разработки отрывных талонов адресных листков видно, что по сравнению с 1958 г. число прибывших в города в 1959 г. повысилось на 22,3 тыс. человек, а число выбывших снизилось

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 25, 27, 29.

² См.: Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 41, 42.

на 34,0 тыс. человек. Это явление обусловило тот факт, что 1959 г. стал на фоне предыдущих лет годом значительного увеличения механического прироста населения в российских городах: за 1958 г. по сравнению с 1957 г. прирост был на 2,3 тыс. человек (0,3 %), за 1959 г. по сравнению с 1958 г. — на 362,3 тыс. человек (53,6 %).

Повышение в городах РСФСР механического прироста населения было связано главным образом с прибытием сельских жителей на работу в промышленность, строительство и т. д.: в 1959 г. прирост городского населения за счет села составлял 99,6 %. Механический прирост численности жителей городов осуществлялся также и за счет демобилизации из армии. Закономерно, что в 1959 г. самый большой механический прирост населения отмечался (в тыс. чел.) в Кемеровской области — 52,5, Краснодарском крае — 45,3, Московской — 45,1, Ростовской областях — 43,3, в Ленинграде — 36,8, в Москве — 29,5. Ниже механический прирост населения был отмечен в Поволжье, Сибири, на Урале (в тыс. чел.): Иркутская — 34,1, Куйбышевская области — 33,4, Алтайский — 29,6, Красноярский края — 28,9, Горьковская — 27,8, Свердловская — 27,5, Челябинская — 25,7, Саранская области — 25,1. Понижение механического прироста населения фиксировалось (в тыс. чел.) в Новосибирской области — 19,6, в Приморском крае — 17,1, в Башкирской АССР — 16,7, в Пермской области — 16,1.

В 1959 г. среди прибывшего в города населения численно преобладали прибывшие из других городов; вместе с тем наблюдалось увеличение притока населения из сел и сокращение — из городов. Так, в 1958 г. прибывшее население в города из других городов составляло 48,1 % от общего числа прибывших, а в 1959 г. — 47,8 %. Прибывшее население в города из сел соответственно — 39,5 и 40,2 %.

В то же время число выбывших из городов и переехавших в села уменьшалось. В 1958 г. выбывших в другие города было 59,3 % от общего числа выбывших, в 1959 г. — 62,3 %; выбывших в села соответственно — 27,4 и 26,1 %.

Приезжали в РСФСР в основном из Украины, Белоруссии и Казахстана. В 1958 г. удельный вес прибывших в РСФСР жителей

из Украины составлял 4,5 %, из Белоруссии — 1,0 %, из Казахстана — 2,4 %. В 1959 г. эти показатели были соответственно — 4,6; 1,2 и 2,7 %. Однако повышение механического прироста в РСФСР давала Белоруссия: если в 1958 г. он составлял 0,3 %, то в 1959 г. уже 1,8 %.

Главным образом в города РСФСР приезжали трудоспособные лица — как мужчины, так и женщины, однако численно преобладали мужчины. В 1959 г. в российские города прибыло мужчин в трудоспособном возрасте — 87,8 % от общего числа прибывших мужчин, женщин — 80,1 % от общего числа прибывших женщин. Важно отметить, что самый высокий процент среди прибывших составляли мужчины и женщины 20–24 лет, т. е. в активном брачном и репродуктивном возрасте. Удельный вес мужчин в этом возрасте был 33,3 %, женщин — 26,4 %.³ Это явление способствовало распространению в российских городах межэтнических браков.

В совокупности с другими факторами миграция населения оказывала влияние на этнически смешанный состав населения РСФСР.

Состав населения РСФСР был полиэтническим. В 1959 г. в РСФСР проживали русские, татары, украинцы, чуваша, мордовцы, башкиры, белорусы, немцы, удмурты, марийцы, авары, евреи, армяне, буряты, осетины, кабардинцы, даргинцы, азербайджанцы, кумыки, лезгины, тувинцы, молдаване, цыгане, грузины, адыгейцы, корейцы и другие этносы. Ведущим этносом в РСФСР были русские, в то же время численно выделялись татары, украинцы, чуваша, мордовцы, башкиры, евреи, белорусы, немцы, армяне и др. В городах РСФСР русское население также доминировало. Данные переписи населения 1959 г. свидетельствуют, что русские численно преобладали в городах практически всех регионов РСФСР. Они составляли подавляющее большинство населения городов Ленинградской — 92,7 %, Московской — 93,5 %, Смоленской — 94,4 %, Горьковской — 94,7 %, Новгородской — 95,6 %, Рязанской — 96,6 %, Владимирской — 96,7 %, Ярославской — 96,7 %, Костромской областей — 97,0 % и др.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 898. Л. 2–2об.; Д. 900. Л. 1–7.

Значительное число русских было в автономных республиках РСФСР, среди них (в % от численности городского населения соответствующей республики): Северо-Осетинская АССР — 55,4 %, Чувашская — 56,9 %, Калмыцкая — 60,2 %, Татарская — 61,6 %, Башкирская — 63,9 %, Кабардино-Балкарская — 69,4 %, Якутская — 72,8 %, Удмуртская — 74,2 %, Марийская — 75,8 %, Чечено-Ингушская — 77,5 %, Мордовская АССР — 82,2 % и др.⁴ Кроме того в российских городах проживало немало украинцев, татар, евреев, белорусов, немцев, мордовцев, чувашей, армян и представителей других этносов (см. табл. 1).

Приведенные данные свидетельствовали о значительном численном преобладании в российских городах русских, украинцев, татар. Меньше было немцев, мордовцев, чувашей, башкир, армян, народностей Дагестана, удмуртов, коми и коми-пермяков

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР ПО НАИБОЛЕЕ
РАСПРОСТРАНЕННЫМ ЭТНОСАМ В 1959 Г., * %

Этносы	РСФСР	Городское население
Русские	83,3	87,2
Татары	3,5	2,8
Украинцы	2,9	3,3
Чуваши	1,2	0,4
Мордва	1,0	0,5
Башкиры	0,8	0,3
Евреи	0,7	1,3
Белорусы	0,7	0,9
Немцы	0,7	0,6
Народности Дагестана	0,7	0,2
Удмурты	0,5	0,2
Коми и коми-пермяки	0,4	0,2
Осетины	0,2	0,1
Армяне	0,2	0,3
Поляки	0,1	0,1
Прочие этносы	3,1	1,6
Все население	100,0	100,0

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 300.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 338–364 (подсчеты автора).

и др. Наиболее малочисленными этносам были тувинцы, карачаевцы, ингуши, алтайцы, балкарцы, черкесы, абазины, вепсы, шорцы, туркмены.

С 1939 по 1959 г., т. е. за 20 лет межпереписного периода, в российских городах увеличилось число русских в 1,7 раз, татар — в 1,9 раз, украинцев в — 1,8 раз. Заметно увеличилось число белорусов — в 2,5 раза. Вместе с тем отмечалось уменьшение численности евреев: в 1959 г. по отношению к 1939 г. евреи составляли 97,2 %.⁵

Этнически смешанным был состав столичных городов — Москвы и Ленинграда. Из данных переписи населения 1959 г. видно доминирование в этническом составе Москвы русских, численное преобладание евреев и украинцев. В то же время численность белорусов, татар, армян, мордовцев, поляков и в особенности грузин, чувашей, латышей, литовцев и эстонцев была заметно меньше (см. табл. 2).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА
ПО ЭТНОСАМ В 1959 Г.,* %

Этносы	Москва	Ленинград
русские	88,6	88,4
евреи	4,7	5,6
украинцы	2,3	2,0
татары	1,6	0,8
белорусы	0,7	1,4
армяне	0,4	0,2
мордва	0,3	нет
поляки	0,2	0,4
грузины	0,1	нет
чувашаи	0,1	нет
латыши	0,1	0,1
литовцы	0,0	0,1
эстонцы	0,0	0,2
финны	нет	0,1
прочие этносы	0,9	0,7
Все население	100,0	100,0

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 312, 316.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги: Россия. СПб., 1999. С. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. С. 304–307 (подсчеты автора).

Анализ переписей населения 1926, 1939 и 1959 гг. свидетельствовал о повышении в Москве удельного веса русских (с 87,5 % в 1926 г. до 88,6 % в 1959 г.), украинцев (соответственно — с 0,8 до 2,3 %), татар (с 0,8 до 1,5 %), белорусов (с 0,2 до 0,7 %). Однако сократилась доля евреев (с 6,5 до 4,7 %), поляков (с 0,8 до 0,2 %) и латышей (с 0,5 до 0,1 %). Удельный вес армян оставался стабильным — 0,3 %. Доля немцев в 1926 г. составляла 0,4 %, в 1939 г. она снизилась до 0,2 %. В 1959 г. в составе населения столицы немцы не фиксировались, это было связано с принудительным переселением немцев в годы Великой Отечественной войны.

В Ленинграде, как и в Москве, доминировали русские. Численно меньше было евреев, украинцев, белорусов и татар. Наиболее низкой была численность поляков, эстонцев, армян, латышей, финнов, литовцев и прочих этносов.

Исследователи отмечали, что межэтнические браки заключались главным образом в трех зонах: зоне этнических границ, зоне крупных городов, новостроек и целинных земель и зоне проживания малочисленных этнических групп среди компактного проживания определенного этноса.⁶

Совместные учеба и работа, общие интересы и повседневные заботы сближали мужчин и женщин разных этносов, в том числе приезжавших в крупные индустриальные российские города из сельской местности, провинциальных городов РСФСР, а также из автономных и союзных республик. Основополагающим фактором в сближении этносов было широкое распространение в интонациональной среде русского языка. Данные переписи населения 1959 г. показали, что у многих этносов в российских городах родным языком был язык их этноса. Русское население своим родным языком считало в основном русский язык (99,9 % от численности русских). Для многочисленных народностей Дагестана родным языком был тот или иной язык этих народов: кумыкский, аварский, даргинский и др. Чеченцы считали родным чеченский язык (96,5 %), кабардинцы — кабардинский (92,5 %), тувинцы — тувинский (95,5 %), ингуши — ингушский (93,2 %), балкарцы — балкарский (94,2 %) и т. д.

⁶ См.: Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977. С. 468.

Однако длительное проживание этносов в России и тесное общение с русским населением способствовало широкому распространению в инонациональной среде русского языка. Для многих этносов русский язык стал их родным языком. Большинство украинцев (56,0 %) считало родным русский язык. Он был родным для евреев (86,3 %), поляков (77,7 %), греков (67,0 %), белорусов (62,7 %), вепсов (65,9 %), болгар (52,0 %) и др. В городах РСФСР русский язык считали родным также и другие этносы (см. табл. 3).

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР
ПО ОТДЕЛЬНЫМ ЭТНОСАМ И РОДНОМУ ЯЗЫКУ В 1959 г*, %

Этносы	Считают родным языком русский
Мордва	46,8
Финны	42,7
Немцы	39,3
Алтайцы	39,2
Молдаване	37,6
Цыгане	32,9
Хакасы	30,7
Грузины	28,9
Чуваши	27,2
Черкесы	26,9
Игорцы	25,2
Китайцы	21,7
Корейцы	19,1
Туркмены	15,8
Азербайджанцы	13,6
Узбеки	13,4
Калмыки	13,3
Адыгейцы	12,4
Абазины	9,9
Башкиры	8,4
Карачаевцы	4,3

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. С. 304–306.

Этнически смешанный состав российских городов, широкое распространение русского языка в инонациональной среде влияли на численное увеличение межэтнических браков. Присутствие в городах приехавших на учебу и работу мужчин и женщин молодого, репродуктивного возраста и различной этничности являлось дополнительным фактором распространения межэтнических браков. Тем не менее в городах РСФСР доминировали однонациональные браки.

Миграции населения оказывали влияние на изменение мотивов вступления в брак. Проведенные исследования показали снижение роли национальных мотивов при вступлении в брак и создании семьи. Это явление было связано в том числе с развитием этнокультурных процессов в СССР и РСФСР. Заметную роль в этих процессах играла адаптация инонационального населения к культуре коренного населения. Исследователи отмечали, что инонациональное население воспринимает традиции, культуру, нормы поведения, а также репродуктивное поведение коренных жителей. Наиболее популярны межэтнические браки были у русского населения, проживавшего в инонациональных условиях. Вместе с тем особенности этнокультуры, психологии, быта коренного населения оказывали разное влияние на межэтнические браки.

В мотивации вступления в брак преобладали современные ценности: свободный, добровольный выбор, основанный на морально-психологической близости будущих супругов, уменьшение влияния воли родителей и родственников, запретов, сокращение религиозной обособленности этносов. Такая мотивация способствовала увеличению числа межэтнических браков. Вместе с тем межэтнические браки способствовали развитию современных брачно-семейных отношений.⁷

Наиболее широкое распространение межэтнических браков наблюдалось среди населения промышленно развитых городов с высоким уровнем образования и профессиональной подготовки. Высокий образовательный уровень (среди имевших занятие) в 1950-е гг. в российских городах имели многие этносы: на

⁷ См.: Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 144–150; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987. С. 48, 49, 51, 89, 93.

1 тыс. населения высшее и среднее (включая неполное среднее) образование в 1959 г. у русских имели 551 человек, украинцев — 562, белорусов — 517, чувашей — 601, осетин — 681, евреев — 877. Высокий уровень образования в это время был у женщин: соответственно у русских — 587 человек, украинок — 595, белорусок — 548, осетинок — 763, евреек — 901.

За межпереписной период с 1939 по 1959 г. у многочисленных этносов РСФСР снизилось число занятых ручным трудом и повысилась численность высококвалифицированных кадров. Число инженерно-технических работников, например, среди балкарцев выросло в 3,3 раза, среди башкир — в 3,7, бурят — в 3,3, кабардинцев — в 5,9, аварцев — в 2,8, татар — в 3,9, якутов — в 5,4 раза. Численность врачей в составе данных этносов увеличилась соответственно в 7; 7,6; 6,8; 5,1; 8,2; 5,5 и 2,9 раз. Все это способствовало распространению в российских городах национально смешанных браков.⁸

Вместе с тем представители этносов, близких по культуре, вступали в браки между собой чаще, нежели представители этносов, значительно разнящихся по своей культуре. В Чувашской АССР межэтнические браки в основном были распространены между русскими и чувашами, в 1949–1967 гг. они составляли от 13 до 30 %. Кроме того межэтнические браки регистрировались между чувашами и мордовками. Выборочный анализ регистрационных карточек за 1960 г. в Ленинграде показал, что межэтнические браки составляли 17,5 % от общего числа заключенных брачных союзов. В ленинградском Дворце бракосочетаний из 500 браков 82 (16,4 %) были межэтническими. Наибольшее распространение получили браки между русскими и украинцами, русскими и белорусами, русскими и евреями. В 1963 г. на Северном Кавказе у черкесов преобладали браки с представителями кавказских этносов (в основном с абазинами), у адыгейцев и осетин — с русскими и украинскими женщинами, карачаевцы вступали в браки и с представителями и кавказских этносов, и с русскими и украинскими женщинами. В межэтнические браки черкешенки, карачаевки, осетинки вступали преимущественно

⁸ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. С. 418–420.

с представителями кавказских этносов.⁹ В целом женщины реже мужчин вступали в межэтнические браки.

Данные переписи населения 1959 г. свидетельствовали о том, что черкесы, карачаевцы и осетины имели в целом высокий уровень брачности. Высокие показатели брачности были также у чеченцев, калмыков, кумыков, удмуртов и др. (см. табл. 4).

Таблица 4

Число состоявших в браке в РСФСР
по отдельным национальностям*

На 1 000 человек данного пола и возраста состоит в браке:		
	всего в возрасте 16 лет и старше:	
	мужчины	женщины
Все население	692	505
Русские	694	505
Украинцы	723	589
Белорусы	678	587
Башкиры	696	472
Евреи	758	511
Чеченцы	740	627
Калмыки	700	544
Карелы	721	442
Марийцы	698	391
Мордва	716	445
Кумыки	711	575
Удмурты	703	402

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. С. 414.

В условиях послевоенной диспропорции полов уровень брачности у мужчин был заметно выше, чем у женщин. Значительное преобладание числа состоявших в браке мужчин над женщинами отмечалось в сельской местности. Данные переписи населения 1959 г. зафиксировали численное преобладание в РСФСР женщин, особенно в средних и пожилых возрастах (в возрастных же группах 0–9 лет, 10–19, 20–24 лет

⁹ См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 472; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. С. 60, 63, 64; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М., 1964. С. 178–180, 183.

отмечалось близкое численное соотношение мужчин и женщин). На 1 тыс. человек населения в РСФСР мужчин было — 446, женщин — 554; в городах соответственно — 449 и 551, в селах — 443 и 557. На 1 тыс. человек населения в РСФСР состояло в браке мужчин — 692, женщин — 505; в городах соответственно — 687 и 520, в селах — 698 и 488. Количественное доминирование женатых мужчин над замужними женщинами было характерно практически для всех этносов в РСФСР, однако особенно остро оно проявлялось у башкир, карелов, марийцев, удмуртов и др.

Исследование межэтнических браков показало, что наиболее высокий удельный их вес отмечался в городах союзных республик, особенно в Украинской и Молдавской ССР. Так, в городах Латвийской ССР такие браки составляли 21,3 %, Белорусской — 23,7 %, Украинской — 26,3 %, Молдавской — 26,9 %; в селах этих республик соответственно — 9,2; 5,6; 5,8 и 9,4 %.¹⁰

Увеличивалось число межэтнических браков и в автономных республиках РСФСР. В период с 1949 по 1967 г. в Чувашской АССР межэтнические браки составляли от 20 до 50 %. В 1963 г. в Дагестанской АССР межэтнических браков было 10,5 % от общего числа браков, в городах и рабочих поселках — 20,2 %, в селах — 5,4 %.¹¹

Распространение межэтнических браков способствовало созданию этнически смешанных семей. В 1959 г. в СССР их доля составляла 10,2 % (в 1970 г. — уже 14 %). Наиболее высокая доля таких семей отмечалась в Латвийской, Казахской, Украинской ССР: в 1959 г. — от 14 до 15 % (а в 1970 г. уже от 18 до 21 %).

Этнически смешанные семьи численно преобладали в городах, нежели в сельской местности. В 1959 г. удельный вес таких семей по всем городам СССР составлял 15,1 % (в 1970 г. — 17 %), а в селах — 5,8 %. Аналогичное явление было характерно для городов РСФСР: здесь доля этнически смешанных семей была 10,8 %, а селах — 5,6 %. Однако в российских городах удельный вес этнически смешанных семей был ниже, чем по СССР в целом.¹²

¹⁰ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: РСФСР. С. 98, 414, 415.

¹¹ См.: Современные этнические процессы в СССР. С. 479.

¹² См.: Исупов А. А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). М., 1964. С. 38; Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986. С. 80; Современные этнические процессы в СССР. С. 466, 467; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР... С. 178–180, 183.

Исследования этнографов свидетельствовали о том, что у детей из этнически смешанных семей активнее, чем в этнически однородных семьях, расширяются представления о культуре, традициях и обычаях разных этносов. Знакомство детей с разными этнокультурами способствует изменению их этнического самосознания.¹³

В 1950-е гг. брачно-семейные отношения утрачивали стабильность, особенно в городах. Однако в конце 1950-х гг. отмечалось их укрепление. В 1959 г. на 1 тыс. браков приходилось разводов: по РСФСР — 11,3; в городах — 16,3 (по СССР — 15,2); в селах — 4,5.¹⁴ Это явление было характерно и для межэтнических браков. В эти годы расторжение брака было обусловлено разнообразными социальными, морально-психологическими, демографическими и другими факторами. Изучение разводов показало, что однонациональные браки распадались реже, чем межэтнические. Неустойчивость межэтнических брачных союзов определялась прежде всего разницей в этнических культурах супругов, что в повседневной жизни семьи выражалось в разных взглядах на быт, брачно-семейные отношения, воспитание детей, взаимоотношение со старшими поколениями, друзьями, коллегами, соседями и т. д. Исследователи отмечали устойчивость межэтнических браков между представителями коренного этноса и русскими. Брачные союзы, заключенные между представителями этнических близких культур, были устойчивее, нежели между представителями более дальних этнических культур.¹⁵

В последующие годы доля этнически смешанных семей росла как в городах, так и в селах СССР. В городах СССР в 1959 г. она составляла 15,1 %, в 1970 г. — 17,5 %, в 1979 г. — 18,1 %; в селах соответственно — 5,8; 7,9 и 9,2 %. По СССР соответственно — 10,2; 13,5; 14,9 %. Таким образом, за период с 1959 по 1979 г. доля межэтнических браков в СССР в целом увеличилась на 4,7 %, в городах — на 3,0 %, в селах — на 3,4 %.

Однако в условиях последующего изменения миграционной подвижности населения СССР наблюдалось заметное снижение

¹³ См.: Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. С. 130, 131.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 813. Л. 1–1 об., 4–4 об.; Д. 815. Л. 13 (подсчеты автора).

¹⁵ См.: Араловец Н. А. Городская семья в России... С. 206–212; Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. С. 105, 110, 111, 113.

прироста доли этнически смешанных браков и семей. Так, если в 1959–1970 гг. средний прирост доли этнически смешанных семей в Европейской части СССР, включая РСФСР, составлял 4,2 %, в Закавказье — 0,7 %, в Средней Азии и Казахстане — 3,9 %, то уже в 1970–1979 гг. их доля снизилась во всех регионах СССР (особенно в Средней Азии и Казахстане) и составила соответственно — 2,5; 0,2 и 0,1 %.

Таким образом, в 1950-е гг. в условиях полиэтнического состава населения РСФСР, повышения образовательного уровня, особенно среди городского населения, распространения русского языка в инонациональной среде и т. д. снижалась роль национальных мотивов при вступлении в брак, распространялись современные брачно-семейные ценности. Все это способствовало сокращению численности однонациональных и увеличению межэтнических брачных союзов (преимущественно в городах). Такие браки чаще встречались у мужчин и реже — у женщин. Однако в российских городах, несмотря на рост числа межэтнических браков, количественно доминировали все же однонациональные браки. Распространение межэтнических браков определялось миграционной подвижностью населения, тенденцией к переезду в крупные индустриально развитые города РСФСР. Изменение миграционной подвижности населения в последующие годы вызвало снижение прироста доли межнациональных браков и этнически смешанных семей.

Араловец Наталья Аркадьевна — д.и.н., в.н.с. Центра истории территории и населения России, Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: aralovetz@yandex.ru

Natalia A. Aralovets — Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

MIGRATION AND INTER-ETHNIC MARRIAGES IN THE CITIES OF THE RSFSR, THE END OF THE 1950^s

The article based on archival and published data, we study the impact of migration on interethnic marriages in the cities of the RSFSR at the end of the 1950s. Discusses the features of migrations of the Russian population, their size, composition, the main directions of migration movements, the impact on the ethnic composition of the cities of the RSFSR. Migration in conjunction with other factors influenced the

ethnically mixed composition of the Russian population, including the city. It is noted that in the late 1950s the mechanical movement was characterized by a numerical increase in the industrialized cities of the Russian Federation arrived and reduction of the retired population. In the Russian city came men and women most young working age mainly on studies and work. The multi-ethnic composition of the urban population in the numerical predominance of Russian migration to the cities men and women are most active in mating and reproductive ages, rising levels of education, proliferation, particularly in a national environment of the Russian language, the downgrading of the role of national motives in marriage and starting a family contributed to the numerical increase in inter-ethnic marriages. However, emphasizes the dominance in the Russian cities of monoethnic marriages. The author shows that one-nation marriages were more stable than inter-ethnic. The instability of mixed marriages was determined in the different ethnic cultures of the spouses, which was reflected in different views on life, on marriage and family relations, raising children, relationship with older generations, friends, colleagues, neighbors, etc. marriages concluded between the close ethnic cultures was more stable than with the representatives of different ethnic cultures. Sustainable inter-ethnic marriages were marriages with the Russians. A significant factor for the stability of interethnic marriages was the proximity of ethnic cultures. The change in the migration mobility of population in subsequent years influenced the decrease of the increase in the proportion of mixed marriages and ethnically-mixed families.

Keywords: migration, the urban population of the RSFSR, the size, composition, ethnic groups, interethnic marriages, ethnically-mixed families, divorces, education, occupation

Список литературы

- Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009.
Волков А. Г. Семья — объект демографии. М., 1986.
Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги: Россия. СПб., 1999.
Исупов А. А. Национальный состав населения СССР (по итогам переписи 1959 г.). М., 1964.
Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963.
Население СССР за 70 лет. М., 1988.
Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977.
Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.
Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М., 1964.

О. Р. Хасянов

**ЭВОЛЮЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В
ПОСЛЕВОЕННОЙ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ
(на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей)¹**

УДК 94(470.42/43)“1945/1953”:314.7

В статье на основе широкого круга привлеченных архивных источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, реконструируется процесс изменения численности колхозного крестьянства Куйбышевской и Ульяновской областей в послевоенное восьмилетие. Архивные данные о численности населения колхозной деревни позволяют автору выявить противоречивые тенденции в демографических процессах. Так, с одной стороны, происходил постепенный рост численности населения, проживавшего в сельских районах, но с другой — шло постепенное уменьшение численности колхозного крестьянства. В частности, автор приводит сведения о количестве крестьянских дворов, численность которых, как и самих колхозников, в исследуемое время сокращалась. Проблему сокращения колхозного населения автор видит не только в высокой смертности и безвозвратных людских потерях, понесенных советским обществом в годы Великой Отечественной войны, но и в высокой миграционной активности сельского населения. Автором установлено, что в результате призыва в армию в военные годы значительно сократилось число сельских мужчин молодого возраста, особенно 1919–1926 гг. рождения. Автор полагает, что резкая диспропорция в соотношении полов в колхозной деревне вынуждала женщин наиболее активно покидать село в поисках реализации гендерных ролей. Наибольшую активность в миграционном процессе проявляли сельские граждане в возрасте до 39 лет. Компенсационная волна рождаемости, которая в селах Куйбышевской и Ульяновской областей в послевоенное время так и не достигла высоких значений, не могла покрыть издержки механической миграции трудоспособного населения. Количественное сокращение колхозного населения сопровождалось увеличением среднего возраста колхозников. Происходящие изменения в демографической структуре уже в первые послевоенные годы свидетельствовали о начавшемся в колхозной деревне демографическом переходе.

¹ Исследование осуществлено в рамках Гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых кандидатов наук Грант МК-1598.2017.6 и гранта РФФИ № 17-11-73001»

Ключевые слова: *крестьянство, колхозная деревня, последствия войны, демография, численность населения, миграция*

XX век в истории российского государства оказался богатым на масштабные социально-политические трансформации. Вихрь революционных событий и войн, трансформация государственно-политической структуры, модернизационные сдвиги коренным образом изменили социальную и половозрастную структуру российского общества. Немаловажным фактором трансформации демографической картины российского общества, кризисное состояние которого мы наблюдаем в настоящем, стали внутри- и внешнеполитические события конца 40-х — начала 50-х гг. XX в.: это, в частности, — советский аграрный проект, реализованный в форме насильственной коллективизации и раскрестьянивания, и Великая Отечественная война, подорвавшая демографический потенциал российского общества.

Великая Отечественная война стала рубежной чертой как в истории советского государства, так и в истории всего российского общества. Колоссальные людские и материальные потери, понесенные советским (российским) народом в результате вражеской агрессии, отразились на ментальности и ценностных установках общества. Победа в столь кровопролитной войне не принесла облегчения жизненных условий населения, а лишь упрочила позиции советской бюрократической системы, особенно в сельской местности. В предвоенные годы в советской деревне нарастала оппозиция режиму, ширилось протестное движение, вызванное неприятием крестьянами трудовых практик в коллективизированном общественном хозяйстве. По утверждению многих западноевропейских и англо-американских исследователей, в предвоенные годы, когда советское правительство в своем пропагандистском дискурсе активно использовало образы врага внешнего и внутреннего, крестьянство демонстрировало коллаборационистские настроения. Крестьяне желали советскому правительству поражения в будущей войне, полагая, что это поспособствует смене политического режима и реализуется вековая крестьянская мечта — земля будет принадлежать тому, кто ее обрабатывает. Но в годы войны советское крестьянство, как и большинство населения страны, проявило совершенно иные общественные настроения — готовность

сражаться до последнего и, несмотря на лишения, смерть близких, возможную гибель, не сдавать родную землю врагу.

Как известно, советский аграрный проект, реализация которого началась в первой половине 1930-х гг. в форме насильственной коллективизации, привел к голоду на обширных территориях СССР. Голод вызвал рост смертности, особенно детской. Таким образом, голод, который в XX в. был уже не первым, привел к сокращению численности сельского населения, прежде всего детского и подросткового возрастов. К началу Великой Отечественной войны колхозная деревня все еще ощущала на себе последствия голода, которые выражались не только в сохранении высокой смертности, но и в активной миграции населения трудоспособного возраста из села в город.

На протяжении всей истории российской государственности именно крестьянство являлось тягловым сословием, которое не только несло на себе налоговую нагрузку, но и поставляло солдат в действующую армию. Конечно, в традиционном обществе, когда основная масса населения проживала в деревне и была занята в сельском хозяйстве, иных социальных категорий и не было, но начавшийся процесс индустриального строительства, сопровождавшийся активной миграцией населения, привел к изменению численного соотношения людских ресурсов, занятых в агропромышленном и индустриальном производстве. Несмотря на постоянный рост городского населения в 1930-е гг., основные людские потери в Великой Отечественной войне пришлись на долю сельских жителей, в частности на колхозное крестьянство. Как отмечает О. М. Вербицкая, в отличие от рабочих промышленных предприятий, колхозники, включая высших должностных лиц сельскохозяйственных артелей, не имели права на бронь и подлежали призыву в действующую армию.² Безвозвратные потери сельского населения Куйбышевской области за годы войны составили 121 029 человек,³ Ульяновской — 110 736 человек,⁴ что

² См.: Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992.

³ Бушуева О. Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. Самара, 2012. С. 86.

⁴ История советского крестьянства. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х гг. М., 1988. С. 8. (Социалистическое строительство в СССР; т. 4).

явилось существенным фактором в деформации половозрастной и демографической структуры сельского социума региона. По подсчетам О. М. Вербицкой, к началу мирного периода численность сельского населения страны в сравнении с довоенным 1940 г. сократилась на 11,4 млн человек. Подавляющая часть этой убыли пришлось на колхозы Российской Федерации, где население сократилось на 8,2 млн человек (18,3 %).⁵

Последствием войны является сокращение количества колхозных дворов не только в оккупационных зонах, но и в тыловых областях. Только в Куйбышевской области к концу войны количество крестьянских дворов уменьшилось в два раза.⁶ В крестьянских семьях трудоспособными оставались в основном женщины, к тому же вдовы. Сокращение численности населения коснулось главным образом наиболее социально активной и трудоспособной части — молодых мужчин. Если в 1940 г. общее количество трудоспособных колхозников (мужчин и женщин) в РСФСР составляло 20,8 млн человек (46,4 % от общего колхозного населения), то в конце 1945 г. — 13,5 млн человек, или 37,9%.⁷ По некоторым данным, сокращение численности мужского трудоспособного населения РСФСР составило 62%.⁸ В целом по СССР мужское население колхозов, составлявшее в 1940 г. 16,9 млн человек, к началу 1946 г. сократилось до 6,5 млн человек.⁹ Неслучайно секретарь Ульяновского обкома ВКП(б) И. Терентьев, посетив многие колхозы весной 1945 г., отмечал, что «в колхозных полях можно увидеть только стариков и детей».¹⁰

К завершающему этапу Великой Отечественной войны численность жителей Ульяновской области составляла 1 005 600 человек,¹¹ что было меньше в сравнении с данными Всесоюзной переписи населения 1939 г. на 177 319 человек. В сельской местности проживало 723 100 человек, или 81,3 % населения области. В колхозах числилось 497 248 человек, что составляло 43,03 %

⁵ См.: Вербицкая О. М. Российское крестьянство...

⁶ История советского крестьянства... С. 27.

⁷ См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. С. 81.

⁸ См.: История советского крестьянства... С. 28.

⁹ См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства... С. 21.

¹⁰ ГАНИУО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119. Л. 45.

¹¹ ГАУО. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 3351. Л. 18.

от общей численности населения области, 16 151 человек были отнесены к категории единоличников и вели индивидуальную хозяйственную деятельность и в колхозах не состояли.¹² Необходимо отметить, что к моменту образования Ульяновской области в январе 1943 г. в колхозах насчитывалось 513 315 колхозников.¹³ К концу 1945 г. в колхозах Ульяновской области числилось 508 269 колхозников и 17 763 единоличников.¹⁴ На 1 января 1946 г. произошел незначительный рост числа колхозников, и их количество составило 509 427 человек. Этот рост был связан главным образом с вступлением единоличников в колхозы: численность единоличников сократилась до 16 928 человек. На 1 января 1947 г. наблюдается очередной рост численности членов сельскохозяйственных артелей — до 511 624 человек, а к августу 1947 г. в селах и деревнях области насчитывалось 140 763 колхозных дворов с численностью населения в 526 900 колхозников.¹⁵ Количество единоличников также увеличилось до 18 722 человек,¹⁶ этот рост обусловлен продолжающейся демобилизацией и тем, что не все демобилизованные сельские жители по возвращении вступали в колхозы, часть из них пыталась устроиться от общественного производства и полностью посвятить себя индивидуальному хозяйству, ожидая от правительства принятия решения о роспуске колхозов. Кроме того, в рамках реализации Постановления правительства СССР от 19 сентября 1946 г. из колхозов исключали нарушителей трудовой дисциплины.

На 1 января 1948 г. по Ульяновской области наблюдается значительный рост числа колхозников — 535 807 человек, но рост этот произошел не только за счет возвращения мужчин из армии, но и за счет единоличников, которые под натиском административного давления массово вступали в колхозы. Численность единоличников сократилась до 10 768 человек.¹⁷ На 1 июня 1948 г. численность сельского населения Ульяновской области была уже 808 500 человек, значительную долю которых составляли

¹² Там же. Л. 4.

¹³ ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 10. Д. 66. Л. 2.

¹⁴ ГАУО. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 3351. Л. 35.

¹⁵ Там же. Д. 3398. Л. 36.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 58, 59.

колхозники — 586 300 человек.¹⁸ В послевоенный период это был самый высокий показатель численности колхозников, и он будет постоянно снижаться. К началу 1949 г. население колхозной деревни сокращается до 578 438 человек. Из данного числа 36 811 колхозников были заняты трудовой деятельностью за пределами сельскохозяйственных артелей, и фактически в артелях области колхозников насчитывалось 541 627, но происходит рост количества единоличников — до 16 100 человек.¹⁹

Данные отчетов областного и районных статистических управлений свидетельствуют о том, что, несмотря на курс властей на сплошную коллективизацию, в послевоенной колхозной деревне сохранялись крестьянские дворы, не вступившие колхоз. Тем не менее, единоличники находились в экономической зависимости от колхозов и довольно часто принимали участие в сезонных работах сельскохозяйственных артелей. Динамика численности единоличников зависела не только от естественных факторов (рождение и смерть), но и от деятельности региональных государственных институтов. Кампании по борьбе с нарушениями трудовой дисциплины в колхозах, в результате которых нарушители трудовой дисциплины исключались из артелей, приводили к увеличению единоличных хозяйств.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны в колхозах Куйбышевской области насчитывалось 528 666 человек, а к категории единоличников было отнесено 10 762 человека, что было меньше показателей Ульяновской области.²⁰ Общая численность населения, проживавшего в сельской местности, составляла 1 085 654 человека.²¹ По области насчитывалось 154 806 дворов колхозников и 4 289 — единоличников. Уже к 1 августа 1945 г. за счет демобилизации происходит незначительный рост числа колхозного населения, которое уже насчитывало 531 393 человека, единоличников — 10 967 человек, а все сельское население составляло 811 765 человек.²² Рост численности населения отразился и на количестве подсобных хозяйств колхозников, их число

¹⁸ Там же. Д. 3416. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 3410. Л. 22.

²⁰ ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 14. Д. 49а. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 2.

²² Там же. Л. 5об.

увеличилось до 156 107. Сочетание процесса возвращения мужчин из действующей армии и компенсационной волны рождаемости способствовало росту численности сельского населения, которое к концу 1948 г. достигло 898 916 человек.²³ К марту 1949 г. сельское население Куйбышевской области увеличилось до 936 978 человек, колхозников насчитывалось 608 659, но из них 43 073 человека в сельской местности не проживали и в хозяйственной жизни колхозов участия не принимали.²⁴ Всего за десять лет (1940–1950 гг.) численность колхозных дворов в Куйбышевской области уменьшилась на 11 648 хозяйств, а количество трудоспособных колхозников сократилось на 103 815 человек.²⁵ За 1950 г. оно снизилось еще на 19 022 человека.²⁶ К 1951 г. в сельскохозяйственных артелях Куйбышевской области насчитывалось 831 047 колхозников. В 1952 г. количество колхозников сокращается до 490 351, а в 1953 г. в колхозах области было только 479 542 колхозника.²⁷

Несмотря на постоянный процесс сокращения численности колхозников, вплоть до 1953 г. в Куйбышевской области наблюдается рост численности населения, проживающего в сельской местности. На 1 января 1953 г. в сравнении с 1951 г. численность сельского населения возросла на 1,3 % и составила 841 412 человек,²⁸ а к концу года достигла показателей в 854 277 человек.²⁹ Колхозников же насчитывалось только 479 542 человека. Если еще в 1951 г. в структуре сельского населения колхозники составляли 62,2 %, то уже в 1953 г. — 57 %.³⁰ Необходимо отметить, что доля трудоспособных колхозников составляла только 47,2 % от общей их численности.

В период 1948–1949 гг. численность колхозников Куйбышевской области сократилась на 21 861 человека, а в период с 1951 по 1952 г. — на 5,2 %. Если провести сравнение данных 1951 г. с данными 1953 г., то мы увидим, что численность колхозного

²³ Там же. Д. 2071. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 43.

²⁵ Там же. Ф. Р. 347. Оп. 13. Д. 57. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ Там же. Ф. Р. 2521. Оп. 17. Д. 99. Л. 57.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Оп. 15. Д. 1160. Л. 27.

³⁰ Там же. Оп. 17. Д. 99. Л. 59.

крестьянства продолжала неуклонно падать и за указанный период сократилась уже на 7,3 %.

Рост численности сельского населения в Куйбышевской области происходил в основном за счет показателей левобережных районов, а также районов вокруг крупных промышленных центров области — городов Куйбышев, Ставрополь, Сызрань, Чапаевск, Новокуйбышевск.

В 1952 г. в 6 районах Куйбышевской области — Безенчукском, Ставропольском, Куйбышевском, Молотовском, Чапаевском и Красноярском — произошел рост численности сельского населения с 4 до 15 %. В 12 районах области наблюдалась стабилизация численности сельского населения, а в 18 районах — его снижение. Особенно значительное сокращение наблюдалось в Камышлинском, Колдыбанском, Дубово-Уметском, Борском, Петровском, Сосново-Солонецком районах.

Несмотря на компенсационную волну рождаемости, в послевоенной поволжской деревне, начиная с 1948 г., отчетливо наблюдается процесс сокращения колхозного населения. Уменьшение численности колхозников было связано не с естественным процессом убыли населения в результате старческой смертности, а с миграционными потоками, направленными в города. Учет сельского населения показал, что по сравнению с 1948 г. в 1949 г. количество мужчин в колхозах Куйбышевской области сократилось на 8 457 человек. Сокращение количества женщин было еще более масштабным — 13 404 человека.³¹ Так, по данным Главного статистического управления Куйбышевской области за 1949 г., в Куйбышев прибыли 42 731 человек, основная часть из которых были выходцы из села (57,8 %).³² В 1950 г. из сельской местности прибыло 23 053 человека (54,3 %). В 1951 г. доля сельских жителей, прибывших в г. Куйбышев, составляла 52,4 % (26 462 человека).

Выходцы из сельских населенных пунктов составляли большинство мигрирующего населения. Механический прирост населения г. Куйбышева в значительной степени осуществлялся за счет внутриобластной миграции, которая за период 1950–1953 гг.

³¹ Там же. Оп. 8. Д. 81. Л. 136.

³² Там же. Оп. 12. Д. 365. Л. 1.

составила 49 % от общего механического прироста.³³ В 1953 г. было отмечено небольшое снижение роли внутриобластного передвижения в механическом приросте. Прирост за счет внутриобластной миграции составлял 17,4 %. Межобластная миграция населения происходила в основном за счет соседних областей: Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Чкаловской, Сталинградской, а также Мордовской и Чувашской АССР. За 1950–1953 гг. механический прирост за счет этих областей составил 17 842 человека, или 27,4 % от общего прироста.³⁴

Наибольшую активность в миграции проявляли женщины. Так, в 1949 г. из 24 699 человек, прибывших на постоянное место жительства в г. Куйбышев из сельской местности, мужчин насчитывалось 9 965 человек, а женщин — 14 734. В г. Ульяновск в 1949 г. из сельской местности прибыло 7 701 мужчин и 9 311 женщин (54,7 %).³⁵ В 1950 г. женщины составляли большинство и в общей численности лиц, выбывших из сельских населенных пунктов, — 54,6 %. Большой удельный вес женщин в процессе механического передвижения населения объясняется демографическими последствиями войны. Остро ощущаемая диспропорция в половом составе села и трудности ведения хозяйства без мужского участия вынуждали женщин покидать деревню в поисках лучших возможностей обустроить свою личную жизнь, создать семью.

Сходная тенденция в структуре мигрирующего населения проявляется и в Ульяновской области. Так, в 1949 г. из 30 605 человек, прибывших в Ульяновск на постоянное место жительства, 17 012 человек были выходцами из села (55,5 %),³⁶ а в 1945 г. количество лиц, перемещающихся из села в город, было практически равно численности других групп. Наибольшему механическому передвижению в начале 1950-х гг. было подвержено сельское население. Так, из 12 899 человек, прибывших в 1952 г. в Ульяновск на постоянное место жительства из различных населенных пунктов Ульяновской области, 8 912 являлись сельскими жителями.³⁷

³³ Там же. Оп. 21. Д. 45. Л. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАУО. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 3438. Л. 12.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Д. 3470. Л. 53, 56об.

В 1953 г. в Ульяновск из пределов области прибыло 14 527 человек, из них 11 304 были выходцами из сел.³⁸

Как и в случае с Куйбышевской, в Ульяновской области в 1946–1950-е гг. в процессе механического движения населения численно преобладали выходцы из села, а наибольшую миграционную активность проявляли женщины.

О снижении численности сельского населения свидетельствуют и количественные показатели отдельных районов Куйбышевской и Ульяновской областей. Так, в результате единовременного учета сельского населения в январе 1950 г. в Кошкинском районе Куйбышевской области было выявлено уменьшение количества хозяйств колхозников в сравнении с предшествующим временем. В сравнении с 1949 г. их количество уменьшилось на 150 единиц, а количество колхозного населения сократилось на 1 345 человек.³⁹ За 1950 г. по району количество дворов колхозников сократилось на 262 хозяйства, а численность самих колхозников сократилась на 1 017 человек.⁴⁰ За 1951 г. колхозное население Кошкинского района уменьшилось на 1 183 человека.⁴¹ На 1 июля 1952 г. в Кошкинском районе насчитывалось 5 408 дворов с численностью 20 306 человек.⁴² Уменьшение крестьянских дворов и населения было связано не с процессом естественной убыли, а с миграцией. По мнению райинспектора ЦСУ Безенчукского района Куйбышевской области, важнейшими причинами сокращения населения явились «орг. набор и переселение в Сахалинскую область, кроме того часть населения выбыла в советскую армию и ремесленные школы».⁴³ Так, по данным переселенческого отдела Куйбышевского облисполкома, по оргнабору в 1948 г. из сел Куйбышевской области на работу на промышленные предприятия выбыло 11,5 тыс. человек, в школы ФЗО — 6,5 тыс. человек.⁴⁴ За период 1948–1950 гг. в Безенчукском районе количество крестьянских дворов сократилось на 947, а

³⁸ Там же. Д. 3495. Л. 50б.

³⁹ ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 12. Д. 800. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Д. 801. Л. 19–19об.

⁴¹ Там же. Оп. 13. Д. 438. Л. 32.

⁴² Там же. Д. 439. Л. 25.

⁴³ Там же. Оп. 12. Д. 800. Л. 59.

⁴⁴ Там же. Оп. 8. Д. 81. Л. 135.

численность колхозников уменьшилось на 4 049 человек и к началу 1951 г. составляла 13 192 человека.⁴⁵ Таким образом, за три года численность колхозников в Безунчукском районе уменьшилась на 23,7 %. Сокращение численности колхозного населения по району продолжалась и в последующие годы. Так, к середине лета 1952 г. по Безенчукскому району численность дворов колхозников сократилась до 3 492, а численное сокращение колхозников составляло 1 191 человек.⁴⁶ По сравнению с 1949 г. в 1950 г. в Подбельском районе было отмечено уменьшение количества дворов колхозников на 193 единицы, а количество колхозников сократилось на 881 человека.⁴⁷ В 1951 г. в Пестравском районе насчитывалось 3 419 хозяйств колхозников с численностью 11 924 человека, а в 1952 г. только 3 217 хозяйств с населением 11 054 человека.⁴⁸ За данный период население колхозов Иса克林ского района сократилось на 775 человека.⁴⁹ Необходимо отметить, что к концу первого послевоенного восьмилетия по всем районам Куйбышевской области шел интенсивный процесс сокращения численности колхозников и колхозных дворов. В 1953 г., по сравнению с предыдущим годом, в 9 районах области сокращение численности колхозного крестьянства не превышало 5 %. В 16 районах этот показатель колебался в диапазоне от 5 до 10 %, а в 11 районах количество колхозников сократилось на 10 % и более. Особенно значительным сокращение численности колхозников было в Безунчукском, Хворостянском, Красноярском и Чапаевском районах.⁵⁰

За период 1949–1950 гг. по Ульяновской области численность хозяйств колхозников сократилась на 6 715 единиц, в процентном соотношении сокращение составило 4,6 %.⁵¹ Так, если в 1949 г. в Базарно-Сызганском районе было 4 120 крестьянских хозяйств, то в 1951 г. их насчитывалось только 3 397.⁵² Если в Барановском районе летом 1949 г. числилось 3 959 крестьянских

⁴⁵ Там же. Оп. 12. Д. 801. Л. 2об.

⁴⁶ Там же. Оп. 13. Д. 439. Л. 3, 7об.

⁴⁷ Там же. Оп. 12. Д. 801. Л. 38–38об.

⁴⁸ Там же. Оп. 13. Д. 439. Л. 35.

⁴⁹ Там же. Д. 438. Л. 13об.

⁵⁰ Там же. Оп. 17. Д. 99. Л. 59.

⁵¹ ГАУО. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 2050. Л. 9.

⁵² Там же. Л. 39об.

хозяйств, то летом 1950 г. уже 3 743.⁵³ Процесс сокращения сельского населения затрагивал не только деревни и села, но и районные центры в сельской местности. Так, в 1951 г. в районных центрах Богдашкинского, Кузоватовского, Ново-Кандалинского, Жадовского, Николаевского, Николо-Черемшанского, Старо-Кулаткинского, Тагайского, Теренгульского, Тиинского, Ульяновского районов Ульяновской области был зафиксирован отрицательный показатель механического прироста населения.⁵⁴ Следует отметить, что наиболее интенсивное выбытие населения Ульяновской области в 1951 г. происходило в Куйбышевскую область, включая г. Куйбышев, — 4 014 человек, Татарскую АССР — 1 025 человек, Московскую область — 1 232 человека, Башкирскую АССР — 675 человек.⁵⁵ Основную массу выбывшего населения составляли лица, выезжавшие по оргнабору рабочей силы на строительство Куйбышевской ГЭС и на работу на промышленные предприятия различных городов и областей.⁵⁶ Райинспектор ЦСЦ Красноярского района Куйбышевской области в своем отчете за 1952 г., отмечая механический прирост населения района на 1 249 человек, сообщал, что «увеличение произошло по Б. Царевщинскому и Н. Семейкинскому с/с в виду строительства подъездных путей Куйбышевской ГЭС и строительства серного комбината».⁵⁷

Уменьшение численности колхозного крестьянства было «связано с выездом в городскую местность на промышленные предприятия и стройки, а также на рыбные промыслы в дальние районы страны».⁵⁸ Часть колхозников переходила на постоянную работу на местные промышленные предприятия, в учреждения и организации в качестве рабочих и служащих в рамках оргнаборов.

Миграция из села осуществлялась не только по легальным каналам, которыми служили оргнабор, образование, служба в вооруженных силах, но и путем самовольного ухода из колхоза

⁵³ Там же. Л. 40.

⁵⁴ Там же. Д. 3470. Л. 37.

⁵⁵ Там же. Л. 38.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 13. Д. 439. Л. 86.

⁵⁸ Там же. Л. 85.

и села. Как отмечает О. М. Вербицкая, из 768,6 тыс. трудоспособных работников колхозов, выбывших из села в 1949 г. на постоянную работу в города, через оргнабор было оформлено чуть более 620 тыс., а остальные 146,7 тыс. колхозники покинули колхозы в неорганизованном порядке и самовольно.⁵⁹ Особенно остро проблема самовольного выбытия крестьян из колхозов стояла в Хворостянском, Сызранском, Куйбышевском районах Куйбышевской области, где колхозники буквально сбегали из колхозов в города. Так, колхозники Куйбышевского района самовольно покидали колхозы, чтобы устроиться работать на нефтяных объектах Башкирской АССР.⁶⁰

Наиболее активной возрастной группой в механической миграции были колхозники в возрасте до 39 лет. Так, в 1952 г. из 10 809 выбывших из колхозов Куйбышевской области к возрастной группе 30–39 лет относились 5 743 человека.⁶¹ В 1953 г. наиболее активно покидали сельские районы Куйбышевской области сельчане в возрасте 20–29 лет. Так, из более 17 000 мужчин, прибывших в Куйбышев из села, к данной возрастной группе относились 7 047 человек (41 %), а из 19 757 женщин — 7 952 человека (40,2 %).⁶² В Ульяновской области наиболее активно мигрировали из села жители в возрасте 20–29 лет. Если еще в 1945 и 1946 гг. большинство мигрирующих сельских мужчин находилось в возрастном диапазоне 30–39 лет — 761 человека из 5 614 (13,5 %) и 2 319 из 13 302 (17,4 %), то уже к 1951 г. наибольшую активность проявляли молодые люди в возрасте 20–29 лет. Так, из 4 190 мужчин, покинувших деревню в 1951 г., 1 824 человека (43,5 %) находились в этом возрастном диапазоне. В 1952 г. из 3 975 мужчин, выбывших из сел, 1 974 человека (49,6 %) были в возрасте от 20 до 29 лет.⁶³ В 1951 г. из 5 243 женщин, покинувших деревню, к данной возрастной группе относились 2 862 человека (54,5 %).⁶⁴ В 1952 г. из 4 937 женщин, оставивших село, 2 772 девушки (56,1 %) были моложе 30-летнего возраста.⁶⁵

⁵⁹ Вербицкая О. М. Российское крестьянство... С. 88.

⁶⁰ ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 12. Д. 801. Л. 15.

⁶¹ Там же. Оп. 17. Д. 99. Л. 59.

⁶² Там же. Д. 21. Л. 45. Л. 4.

⁶³ ГАУО. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 3470. Л. 56об.

⁶⁴ Там же. Л. 42об.

⁶⁵ Там же. Л. 56об.

В 1953 г. всего из села выбыло 8 450 мужчин, из которых в возрасте 20–29 лет было 3 511 человека (41,5 %), а из 9 780 женщин к данной возрастной группе относились 4 017 человек (41 %).⁶⁶

Как и в целом по РСФСР, в рассматриваемый период в половозрастной структуре крестьянского населения Ульяновской и Куйбышевской областей произошли значительные изменения. Последствия Великой Отечественной войны проявлялись не только в численном уменьшении колхозного крестьянства, но и в сокращении рождаемости и увеличении смертности сельского населения. Демографические последствия войны обострили проблему половозрастной диспропорции колхозной деревни, особенно в структуре активных возрастов. Подготовленные региональными статистическими управлениями списки избирателей по выборам депутатов Верховного Совета СССР в 1946 г. вскрыли страшный дисбаланс в половозрастной структуре послевоенной поволжской колхозной деревни, особенно в ее самой активной части — родившихся с 1919 по 1926 гг. Так, в Ульяновской области в октябре 1945 г. насчитывалось 15 720 мужчин 1919–1926 годов рождения, а женщин — 56 940.⁶⁷

Сходная картина в численном соотношении мужчин и женщин в структуре сельского населения наблюдалась и в послевоенной колхозной деревне Куйбышевской области. Так, согласно данным Центрального статистического управления Куйбышевской области, полученным в ходе подготовки списков избирателей по выборам в Верховный Совет СССР, в сельских районах Куйбышевской области к началу 1950 г. проживало 62 814 человек 1919–1926 годов рождения. Из этого числа мужчин было всего лишь 22 614 человека, или 36 %.⁶⁸

Нами установлено, что в колхозах Куйбышевской области на начало 1949 г. числилось 66 760 колхозников 1919–1928 годов рождения. Мужчин насчитывалось 22 802 человека, а женщин — 43 958 человек.⁶⁹ Таким образом, мужчины наиболее активного, трудоспособного возраста составляли только 34 % в данной возрастной категории.

⁶⁶ Там же. Д. 3495. Л. 4.

⁶⁷ Там же. Д. 3346. Л. 30–30об.

⁶⁸ Подсчитано на основе данных ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 12. Д. 790.

⁶⁹ Подсчитано на основе данных ЦГАСО. Ф. Р. 2521. Оп. 14. Д. 71.

Безвозвратные людские потери, издержки аграрной политики правительства подрывали демографический потенциал средневожской деревни. Компенсационная волна рождаемости, которая в селах Куйбышевской и Ульяновской областей в послевоенное время так и не достигла высоких значений, не могла перекрыть издержки механической миграции трудоспособного населения. В количественном отношении происходило сокращение колхозного крестьянства, средний возраст которого увеличивался. Происходящие изменения в демографической структуре уже в первые послевоенные годы свидетельствовали о начавшемся в колхозной деревне демографическом переходе.

Хасянов Олег Ренатович — д.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и истории, Ульяновский государственный аграрный университет (г. Ульяновск)
E-mail: *oleg-has@yandex.ru*

Oleg R. Hasjanov — Doctor of Historical Sciences, Ulyanovsk State Agrarian University (Russia, Ulyanovsk)

EVOLUTION OF POPULATION
IN THE POST-WAR MIDDLE VILLAGE
(on materials of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions)

The article is based on a wide range of archival sources, most of which are introduced into scientific circulation, it reconstructs the process of change in the size of the collective-farm peasantry of the Kuibyshev and Ulyanovsk regions during the postwar eighth years period. The historical data on the population of the collective-farm village allows the author to reveal contradictory trends in the demographic processes. So, on the one hand, there was a gradual increase in the number of population living in rural areas, but there was a gradual decrease in the number of collective-farm peasantry. In particular, the author gives information about the number of peasant households, which, the size of farmers themselves, reduced. The problem of reducing of the collective-farm population the author sees not only in the high mortality rates and irretrievable losses suffered by Soviet society during the Great Patriotic war, but also in high migration activity of rural population. The author believes that the sharp disparity in the sex ratio in the collective-farm village, forced women to leave the village actively in search of opportunities to realize their gender roles. The greatest activity in the migration process showed rural citizens under the age of 39. Compensatory increase in birth rate, which in the villages of the Kuibyshev and Ulyanovsk region in

the postwar period did not attain high values, failed to cover the costs of the mechanical migration of able-bodied population. The quantitative reduction of the collective-farm population was accompanied by an increase in the average age of farmers. Changes in the demographic structure in the first postwar years testified of the beginning of the demographic transition in the collective-farm village.

Keywords: *peasantry, collective-farm village, the effects of the war, demography, the size of population, migration*

Список литературы

Бушуева О. Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны. Самара, 2012.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992.

Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972.

История советского крестьянства. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 — конец 50-х гг. М., 1988. (Социалистическое строительство в СССР; т. 4).

С. Н. Уваров

**ПРИЧИНЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ
(по материалам Всесоюзной переписи 1970 года)**

УДК 94(470.51)“1970”:314.7

В статье проанализированы причины миграции населения Удмуртской АССР за 1968–1969 гг., которые в историографии не получили должного освещения. Источником явились неопубликованные материалы переписи населения 1970 г., во время которой учитывались мигранты, сменившие место жительства в течение предшествовавших ей двух лет. Полученные ответы позволяют установить причины миграции отдельно по населению, прибывшему в Удмуртскую АССР из других республик, краев, областей, округов, и по населению, перебившему место жительства в пределах УАССР. На первом месте с большим отрывом среди причин переезда у внешних и внутренних мигрантов значилась «личная причина». Большой была доля тех, кто переехал вместе с членами семьи. Их количество среди внешних и внутренних мигрантов было сопоставимым, доли также отличались не сильно. Очень близкие количественные показатели имеют внешние и внутренние мигранты, переехавшие по причине направления на работу после окончания учебного заведения или перевода по службе, хотя таких было относительно немного. Специфика заключалась в том, что внутри республики намного больше переезжали по результатам поступления в учебные заведения, а для внешних мигрантов был распространен приезд на работу по общественному призыву. И те, и другие направлялись больше в города, что объясняется расположением большинства учебных заведений и быстрым развитием промышленности.

Ключевые слова: причины миграции, население, урбанизация, перепись 1970 г., Удмуртская АССР

Одним из главных источников сведений о миграции являются материалы переписей населения, хотя по информативности они очень различаются. С точки зрения наличия информации о миграции можно выделить три группы переписей в России и СССР. Первая группа включает переписи 1897, 1920 и 1926 гг. В этой группе переписей миграции уделялось большое внимание, что отражало понимание ее возрастающей роли в жизни

общества. Во второй группе переписей — переписи 1937, 1939 и 1959 гг., в которых вопрос о месте рождения отсутствовал. Предполагалось, что миграция населения при социализме носит преимущественно или даже исключительно плановый характер, а потому нет ни теоретической, ни практической необходимости в ее изучении. В связи с этим наиболее сложный период в эволюции миграции, характеризующийся беспрецедентными масштабами движения населения, не имеет адекватных источников данных. Изменившаяся ситуация, во многом повлиявшая и на исследования миграции, прежде всего перемещений населения в восточных районах РСФСР и из села в город, во многом подтолкнула к включению — начиная с 1970 г. — информации о миграции в программы переписей. Соответственно, в третью группу входят переписи, проводившиеся с 1970 г.¹

Таким образом, Всесоюзная перепись населения 1970 г. была первой послевоенной переписью населения, включившей вопросы о миграции. Как и перепись 1926 г., она содержала три специальных вопроса о миграции, однако содержание их было уже иным. При подготовке переписи 1970 г. состав включаемых в программу переписи миграционных вопросов, их место в программе (в сплошной или выборочной части программы), их формулировка и т. д. долго и оживленно обсуждались. Обсуждение завершилось рекомендациями Всесоюзного совещания статистиков в апреле 1968 г.² Мнения по содержанию и формулировкам необходимых в переписи вопросов существенно расходились.

В 1970 г. три миграционных вопроса были поставлены в выборочной (25 %-ной) части переписи. Они были сформулированы следующим образом: «Сколько времени непрерывно проживает в данном населенном пункте?», «Для живущего здесь менее двух лет указать место предыдущего постоянного жительства», «Причина перемены места жительства».

По мнению В. И. Переведенцева, вопрос «причина перемены места жительства» не позволяет фактически установить причины переселений. В «Указаниях к записи ответов на вопросы

¹ См.: Моисеенко В. М. Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30–37.

² См.: Всесоюзное совещание статистиков. 22–26 апреля 1968 г.: стенограф. отчет. М., 1969.

переписного листа» сказано следующее: «Лицам, проживающим в данном населенном пункте менее двух лет... подчеркивается одна из перечисленных причин переезда в данное место жительства:

— “приезд на учебу” — лицам, прибывшим в связи с поступлением в учебное заведение или на курсы со сроком обучения 6 месяцев и более;

— “окончание обучения” — лицам, прибывшим на работу после окончания учебного заведения;

— “общественный призыв” — лицам, прибывшим на работу по путевке партийной, комсомольской или другой общественной организации;

— “оргнабор” — лицам, прибывшим на работу по договору, заключенному с органами по использованию трудовых ресурсов;

— “перевод по службе” — лицам, прибывшим на работу (службу) по решению ведомства или вышестоящей организации;

— “личная причина” — лицам, прибывшим по личному желанию поселиться в данном месте (без оформления переезда в порядке общественного призыва, оргнабора, перевода по службе, планового переселения и т. п.).

Если причиной переезда в данное место жительства является какая-либо иная причина, кроме перечисленных (например, плановое переселение в совхозы и колхозы, переезд с членом семьи или приезд к нему и т. п.), то следует записать эту причину в строке “иная причина”».

Эти «причины», по мнению В. И. Переведенцева, в большинстве случаев являются формами переселений; они отвечают не на вопрос о том, почему человек переехал, а на вопрос как, в какой форме он это сделал — по переводу, общественному призыву и т. д. «Приезд на учебу» вырывается из этого ряда; это ответ, скорее, на вопрос «для чего переселился?». Последний ответ — «личная причина» — тоже не находится в одном ряду с другими вопросами, ведь и приезд на учебу в большинстве случаев происходит «по личному желанию».³

Тем не менее, на наш взгляд, важно использовать полученные данные, даже если перепись называет формы миграции

³ См.: Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975. С. 49, 50.

причинами. Какие выводы позволяет получить анализ причин миграции по переписи населения 1970 г., можно продемонстрировать на примере Удмуртской АССР. Актуальность этой работы состоит еще и в том, что в имеющихся исследованиях миграции, как советских, так и современных,⁴ не удается обнаружить факты использования сведений о причинах миграции. Возможно потому, что они не стали достоянием общественности. В опубликованном седьмом томе «Итогов Всесоюзной переписи населения 1970 г.»⁵ их нет. И даже в подготовленном для служебного пользования девятом томе «Итогов...», целиком посвященном миграции, таких данных нет.⁶

Особенностью переписи 1970 г. было то, что тогда к мигрирующему населению относились лица, прожившие непрерывно на постоянном месте жительства менее двух лет, при переписи фиксировался адрес их предыдущего места постоянного жительства. Еще при обсуждении программы переписи высказывалось сомнение в целесообразности использования двухлетнего интервала для выделения мигрантов. Победило мнение, что в условиях неполного текущего учета важно было получить характеристики миграции как процесса с учетом минимизации влияния повторных перемещений и смертности.⁷ Ответы на вопросы переписного листа о продолжительности проживания и миграции населения при переписи были получены от 25 % постоянного населения, но при разработке материалов переписи результаты выборочного опроса были распространены на все население.

Для определения продолжительности проживания населения в постоянном месте жительства при переписи записывалось число лет и месяцев, прожитых опрашиваемым в данном населенном пункте непрерывно, независимо от прописки и ее характера

⁴ См., напр.: Воробьева О. Д., Топилин А. В. Миграция населения России — по данным советских переписей 1970, 1979, 1989 годов // Вопросы статистики. 2014. № 12. С. 62–79; Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973; Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978; Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.

⁵ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 т. М., 1974. Т. 7: Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях.

⁶ Том имеется, например, в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 383.

⁷ См.: Всесоюзное совещание статистиков. 22–26 апреля 1968 г. С. 246, 385, 387.

(постоянной или временной) и от перемены адреса в пределах городского поселения или сельской местности района. Лицам, выезжавшим из данного населенного пункта в другие места жительства на срок в шесть месяцев и более, время непрерывного проживания считалось со дня их возвращения. Не считались нарушением непрерывности постоянного проживания в данном пункте лишь выезд из него для прохождения срочной военной службы и за границу, а также все выезды на срок менее шести месяцев.

При переписи учитывалось не число переселений, а число лиц, сменивших место жительства в течение последних двух лет, т. е. «осадок» миграции. При этом выезжавшие из мест проживания на срок до 6 месяцев, а также военнослужащие и лица, бывавшие за границу, считались постоянными жителями данного места. При текущем учете миграции учитывались переезды на срок не менее 1 месяца, а также выбытие на службу в Советскую армию, выезды за границу и т. д. Поэтому число переселенцев по переписи не будет совпадать с данными текущего учета.

Итоги переписи 1970 г. показали, что численность населения, переменившего место жительства в течение последних 2 лет (1968–1969 гг.), составила по СССР 13,9 млн человек (или 5,7% от всего населения страны): 6,9 млн мужчин и 7 млн женщин. Из числа переменивших место жительства в городах проживало 9,7 млн (69,5%) и в сельской местности — 4,2 млн человек (30,5%) (см. табл. 1).

В РСФСР доля мигрантов была выше (6,6% от населения союзной республики), но их распределение имело аналогичные пропорции. Из 8,8 млн мигрантов мужчин было 4,4 млн человек, женщин — столько же. В города прибыло 6,1 млн мигрантов (69,3%), в сельскую местность — 2,7 млн человек (30,7%).

В Удмуртской АССР перепись зафиксировала 99,2 тыс. мигрантов, что составило 7% от всего населения республики. Таким образом, доля мигрантов в населении Удмуртии была существенно выше, чем по стране в целом, и незначительно выше, чем в РСФСР. В составе российских мигрантов доля Удмуртии составила 1,1%. Также очевиден значительный перевес женщин в составе мигрантов: 38,3 тыс. против 31,2 тыс. мужчин. По направлениям мы видим аналогичные общероссийскому и общесоюзному

Таблица 1
Распределение мигрирующего населения по предыдущему месту жительства, * чел.

Все население, живущее в данном месте менее 2 лет	в том числе:		в том числе прибывшее:			
	мужчины	женщины	в городскую местность		в сельскую местность	
			из городской	из сельской	из городской	из сельской
СССР						
13 885 211	6 909 047	6 976 164	5 290 253	4 364 275	1 759 443	2 471 240
РСФСР						
8 785 466	4 350 730	4 434 736	3 374 404	2 716 316	1 200 896	1 493 850
Удмуртская АССР						
99 249	46 869	52 380	31 201	38 319	12 181	17 548

* ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 383. Л. 6, 7, 68.

уровням пропорции: 70 % мигрантов прибыли в города, 30 % — в сельскую местность.

Что касается непосредственно причин миграции, то статистические органы сгруппировали ответы, полученные от постоянного населения, прибывшего в Удмуртскую АССР из других республик, краев, областей, округов (условно назовем их «внешними мигрантами»), и от постоянного населения, переменившего место жительства в пределах УАССР («внутренние мигранты»), — это позволяет их сравнить.

Обе группы мигрантов по своей численности были близки друг к другу: 46,8 тыс. и 52,5 тыс. человек соответственно. Как у одних, так и других на первом месте с большим отрывом среди прочих причин переезда значилась «личная причина» (см. табл. 2). Причем эту причину назвали 42,2 % внешних и 42,3 % внутренних мигрантов, т. е. их доли были практически равны. Внешние мигранты перемещались по личной причине преимущественно из города в город, внутренние — из сельской местности в города. Заметим, что для всех направлений (из города в город, из города в село, из села в город, из села в село) доля переехавших по личной причине была по объему на первом месте.

Большой была доля тех, кто переехал вместе с членами семьи. Их количество среди внешних и внутренних мигрантов было сопоставимым, доли также отличались не сильно (для первых — 21,5 %, для вторых — 18,1 %).

Очень близкие цифры имеют внешние и внутренние мигранты, переехавшие по причине направления на работу после окончания учебного заведения (3 347 чел. и 3 325 чел. соответственно). Но внешние мигранты после окончания учебного заведения приезжали в основном из городов в города (таковых было 80,2 % из всех переехавших по этой причине), а внутренние распределялись в большинстве из городов в сельскую местность (таких было 53 %).

Сопоставимым было количество переведенных по службе, хотя небольшой перевес среди внутренних мигрантов имелся (1 299 внешних и 1 657 внутренних мигрантов). Первые больше направлялись из городов в города, вторые распределялись равномерно.

Таблица 2

Причины, по которым население изменило место постоянного жительства
в 1968–1969 гг. (по Удмуртской АССР), * чел.

Причины перемены места постоянного жительства	Все население, живущее в данном месте менее 2 лет	в том числе приехавшие:			
		из города в город	из сельской местности в город	из города в сельскую местность	из сельской местности в сельскую
1	2	3	4	5	6
Постоянное население, прибывшее из других республик, краев, областей, округов					
Приезд на учебу	2 860	1 417	1 343	36	64
Направление на работу после окончания учебного заведения	3 347	2 684	236	302	125
Приезд на работу по общественному призыву	8 784	4 393	4 015	174	202
Приезд на работу по оргнабору	148	24	20	96	8
Перевод по службе	1 299	905	144	145	105
Личная причина	19 745	8 599	5 182	2 531	3 433
Плановое переселение	12	—	12	—	—
Переезд с членами семьи	10 072	3 759	2 097	1 306	2 910
Иная причина	480	236	120	72	52
Всего	46 747	22 017	13 169	4 662	6 899

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
Постоянное население, переменившее место жительства в пределах УАССР					
Приезд на учебу	13 560	2 559	9 525	198	1 278
Направление на работу после окончания учебного заведения	3 325	710	304	1 765	546
Приезд на работу по общественному призыву	60	20	8	20	12
Приезд на работу по оргнабору	28	4	—	12	12
Перевод по службе	1 657	410	401	395	451
Личная причина	22 212	3 831	10 771	3 294	4 316
Плановое переселение	12	—	12	—	—
Переезд с членами семьи	9 517	1 203	3 174	1 460	3 680
Иная причина	2 131	447	955	375	354
Всего	52 502	9 184	25 150	7 519	10 649

* ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 503. Л. 15, 16.

Причины переезда внутренних и внешних мигрантов имели и свою специфику. Очень многие внешние мигранты прибыли в Удмуртскую АССР в 1968–1969 гг. на работу по общественному призыву (8 784 чел.), в то время как внутри республики по этой причине переехало всего 60 чел. Абсолютное большинство внешних мигрантов прибыло в города. Очевидно, это были направлявшиеся на построенные или строящиеся заводы. В этот период в республике очень быстро развивалась промышленность, причем темпы роста объема промышленного производства и производительности труда в Удмуртии были выше идентичных показателей по РСФСР. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции за восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) в республике составили 12,4 %, а по РСФСР — 8,3 %. Объем промышленной продукции в 1970 г. увеличился по отношению к 1965 г. на 76 %. Только за 1966–1970 гг. вошли в строй главный конвейер Ижевского автозавода, Ижевский завод «Ижтяжбуммаш», Воткинский завод газовой аппаратуры, Можгинский авторемонтный завод, Камбарский завод газового оборудования, Сарапульский завод электролитических конденсаторов, ряд других предприятий. С 1969 г. в республике началась добыча нефти.⁸ Подобные масштабы требовали привлечения большого числа специалистов.

Внутри республики очень многие переезжали по результатам поступления в учебные заведения. 25,8 % (13 560 чел.) внутренних мигрантов сменили место жительства, приехав на учебу. Поскольку учебные заведения расположены в основном в городах, закономерно, что наибольшее количество приехавших на учебу направлялись в городские поселения.

Среди причин переезда также отмечались такие, как «приезд на работу по оргнабору» и «плановое переселение», но они затронули мизерное число мигрантов — это говорит о том, что эти формы миграции себя уже изжили. Любопытно, что оргнабор в 1968–1969 гг. осуществлялся для работы в сельской местности, хотя когда подобная форма практиковалась в 1930–1940-е гг.,

⁸ См.: Суханов А. И. Развитие промышленности Удмуртской АССР в условиях совершенствования социализма (1960–1985 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии: 1861–1985. Устинов, 1986. С. 5–8.

поток направлялся из деревни в город, поскольку плановое переселение велось из сельской местности в города.

Существовали также «иные причины» переселений, которые материалы переписи не раскрывают. Особенно значителен объем переехавших по неизвестным нам причинам — среди внутренних мигрантов (2 131 чел.).

Таким образом, несмотря на критичное отношение исследователей к данным переписи 1970 г., характеризующим причины миграции, они дают возможность по-новому взглянуть на происходившие территориальные перемещения населения. Важно, что полученные ответы позволяют установить причины миграции отдельно по населению, прибывшему в один регион из других, и по населению, переменившему место жительства в пределах региона, а также по направлениям миграции (из города в город, из города в село, из села в город, из села в село). Это обеспечивает их потенциал для более широкого использования.

Уваров Сергей Николаевич — к.и.н., доцент, заведующий кафедрой, Ижевская государственная сельскохозяйственная академия (г. Ижевск)

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Sergey N. Uvarov — Candidate of Historical Sciences, Izhevsk State Agricultural Academy (Russia, Izhevsk)

CAUSES OF MIGRATION OF THE POPULATION OF UDMURTIA (ON THE MATERIALS OF THE ALL-UNION CENSUS OF 1970)

The article analyzes the causes of migration of the population of the Udmurt Autonomous Soviet socialist Republic in 1968–1969, which in historiography has not received proper coverage. The source was the unpublished materials of the 1970 population census, which registered the migrants who change their place of residence within the previous two years. The responses it collected allow us to establish the causes of migration separately by population who arrived in the Udmurt Autonomous Soviet socialist Republic from other republics, territories, regions, districts and by population that changed place of residence within the UASSR. The first place by a wide margin among the reasons for moving among the external and internal migrants was taken by “personal reason”. Great was the proportion of those who moved with family members. Their number among internal and external migrants was comparable, their shares were also slightly dif-

ferent. Very similar were the figures of internal and external migrants who moved because of sending to a job after graduation or getting a transfer, although these were relatively few. The specificity lies in the fact that internal migrants moved after admission to educational institutions much more often, whereas external migrants arrived to work at the public call. Both of them were sent to the cities because of location of most institutions, and the rapid development of the industry.

Keywords: *reasons of migration, population, urbanization, census of 1970, Udmurt ASSR*

Список литературы

- Воробьева О. Д., Топилин А. В. Миграция населения России — по данным советских переписей 1970, 1979, 1989 годов // Вопросы статистики. 2014. № 12. С. 62–79.
- Моисеенко В. М. Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30–37.
- Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М., 1975.
- Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М., 1973.
- Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978.
- Суханов А. И. Развитие промышленности Удмуртской АССР в условиях совершенствования социализма (1960–1985 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии: 1861–1985. Устинов, 1986. С. 3–24.
- Хорев Б. С, Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.

О. М. Вербицкая

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИИ (1990-е гг.)**

УДК 94(470)''1990'':314.7

В статье рассмотрены миграционные процессы на постсоветском пространстве в конце XX — начале XXI в. Сделан вывод о том, что если миграционная политика РФ останется хотя бы на прежнем уровне, то через несколько десятилетий этнический состав России изменится коренным образом. Основную часть населения России, вполне вероятно, составят мигранты и их потомки.

Ключевые слова: *миграции, население России, национальный состав, этносы*

Важнейшим событием в российской и мировой истории на пороге нового XXI в. стал распад СССР. Практически одновременно на постсоветской территории в бывших союзных республиках образовалось 15 новых независимых государств. В них изменился политический режим и характер экономического развития, но при этом еще и до предела обострились межнациональные отношения на почве неприкрытой ненависти к представителям некоренных национальностей. Первые мощные этнические беспорядки произошли еще в 1988 г. в Сумгаите и Нагорном Карабахе — между армянами и азербайджанцами. В результате чего из зоны национального конфликта, принявшего вооруженную форму, преимущественно в направлении РСФСР в спешном порядке мигрировали тысячи армян. В 1989 г. в Фергане (Узбекистан) произошла массовая резня турок-месхетинцев; и тех, кто выжил, срочно переселили компактной группой в Краснодарский край. В начале 1990-х гг. у границ России возникли многочисленные потоки беженцев из Таджикистана, где уже шла гражданская война. Но этим дело не ограничилось — аналогичные события на национальной почве возникали и в других

бывших союзных республиках. В последующие годы подобные инциденты, хоть и меньшего масштаба, имели место во многих новых государствах — бывших советских республиках, а в Россию в поисках спасения по-прежнему прибывало весьма значительное количество беженцев. По данным Ж. Зайончковской, в 1991–1993 гг. особенно масштабные миграционные потоки шли из Таджикистана, Азербайджана и Грузии — их доля в общем числе вынужденных переселенцев, прибывавших в Россию, доходила до 80 %.¹ Интенсивный приток вынужденных мигрантов сохранялся и в последующий период. Так, в 1994–1996 гг. на фоне еще действовавших миграционных потоков прежних лет появились беженцы из Казахстана и Узбекистана — их численность доходила до половины общего состава мигрантов, прибывавших из стран СНГ. Одновременно нарастали масштабы миграционного прибытия из Киргизии, Туркмении, Армении, стран Балтии и Приднестровья. Таким образом, острые межэтнические конфликты и массовое бегство некоренного населения из республик, которые недавно объявили о своем выходе из состава СССР и вскоре превратились в «горячие точки», положили начало новым и довольно драматическим тенденциям в развитии миграционных процессов на огромном постсоветском пространстве. Люди бежали в Россию в поисках помощи и спасения, хотя в те годы, как известно, она и сама переживала далеко не лучшие времена. Характерно однако, что на всем постсоветском пространстве именно Российская Федерация в это трудное время сохранила значительный «запас прочности» по сравнению с другими странами нового зарубежья: в ней не было подобного насилия, зато имелись возможности для оказания помощи и приема беженцев из бывшего СССР.²

Массовый приток населения из бывших советских республик придавал всем миграционным перемещениям по территории России специфические черты. Особенно многочисленным миграционный приток стал в 1994 г., когда из стран СНГ и Балтии

¹ См.: Зайончковская Ж.А. Миграции населения России как зеркало социально-экономических перемен. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/510/678/1219/007_zajonchskovskaya.pdf (дата обращения: 14.08.20107).

² См.: Информационно-аналитический центр МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. URL: www.ia-centr.ru (дата обращения: 17.08.2007).

в Россию приехало свыше 1,1 млн человек. Прибытие бывших соотечественников из государств, охваченных националистической агрессией, в количественном измерении было столь значительно, что в течение какого-то времени оно оставалось едва ли не главным фактором формирования новой демографической ситуации в России. В целом миграционное прибытие в эти годы выражалось преимущественно в двух формах: возвращения русских на историческую родину и трудовой миграции, в том числе и вынужденной. Благодаря прибытию беженцев народное хозяйство РФ могло активно пополняться рабочей силой.

В целом процесс репатриации русского населения на Родину постепенно развивался в РСФСР уже с 1960-е гг., однако по мере ужесточения межнациональных конфликтов и особенно распада СССР, он стал заметно масштабнее. В последнее десятилетие XX в. доля русского населения в общем потоке беженцев из стран СНГ была сравнительно высока — на уровне около 60 %. Но затем поток мигрантов из постсоветских государств становился все малочисленнее, чему способствовала не только определенная нормализация там ситуации, но и заметное исчерпание миграционного потенциала в преследуемом русскоязычном контингенте. В итоге если в 1996 г. в Россию прибыло 631,2 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев, в 1997 г. — 582,8 тыс., в 1998 г. — 494,8 тыс., в 1999 г. — 366,6 тыс., то в 2000 г. — уже лишь 350,3 тыс. человек.³

Приемом и устройством миграционных потоков, прибывавших на территорию Российской Федерации, занималась государственная Федеральная миграционная служба. В ее задачи входила также регистрация и размещение всех граждан, прибывавших в Россию. Соответственно масштабам миграционного притока возрастал и объем ее работы. Так, если в начале 1993 г. было зарегистрировано всего 160,3 тыс. беженцев, то к 1997 г. этот статус получило уже более 1 млн 147 тыс. человек. По мнению экспертов, действительное число беженцев и вынужденных переселенцев все же было в несколько раз больше. В частности, журналист и общественный деятель Л. Графова, которая более 10 лет возглавляла Координационный совет помощи беженцам и вынужденным

³ См.: Демографический ежегодник России, 2002: стат. сб. М., 2002. С. 314, 315.

переселенцам и Форум переселенческих организаций, считала, что после распада СССР из бывших республик в РФ переселилось около 11 млн человек. Но официальный статус вынужденного переселенца или беженца за это время смогли получить лишь 1 300 тыс. из них, а мизерная государственная помощь была предоставлена всего 500 тыс. мигрантов из СНГ.⁴

Известно, что с 1992 г. в России значительно ухудшилась демографическая ситуация: вследствие резкого скачка смертности, наложившегося на одновременно происходившее существенное снижение рождаемости, усилились процессы естественной убыли населения. Основной причиной подобного негативного демографического сценария все чаще становилось ухудшение жизненного уровня населения России, происходившее на фоне всеобъемлющего кризиса в стране, совпавшего по времени с радикальными реформами рыночного характера, которые еще больше усиливали общую нестабильность в обществе. В подавляющем большинстве российских регионов в 1990-е гг. ситуация складывалась таким образом, что в них умирало заметно больше населения, чем рождалось детей, т. е. происходила депопуляция, смертность превалировала над рождаемостью. В итоге вместо нормального естественного прироста на российской территории происходила быстрая естественная убыль населения. Причем общие масштабы естественной убыли россиян были таковы, что даже значительный прирост чистой миграции после распада СССР не мог ее полностью перекрыть. Тем не менее, положительное сальдо миграции, хотя и его возможности со временем истощались, все же внесло некоторый вклад в нейтрализацию последствий стремительной убыли россиян. Так, по данным Российского статистического агентства, за первое полугодие 1999 г. естественные потери населения (от превышения смертности над рождаемостью) благодаря миграционному приросту населения были восполнены лишь на 11,5 %, в то время как еще год назад (за период 1998 г.) — на 41 %.⁵

Вместе с тем роль мигрантов в процессе восполнения населения Российской Федерации трудно переоценить. Только за пе-

⁴ См.: Информационно-аналитический центр МГУ...

⁵ См.: Там же.

риод с 1991 по 2000 г. они пополнили его на 3,3 млн человек. По мнению демографов группы А. Г. Вишневого, фактически роль прибывших беженцев и вынужденных переселенцев была более значительной, так как кроме официальных мигрантов в стране имелись еще и нелегальные, и их насчитывалось куда больше, поскольку границы стран СНГ тогда были легко преодолимы. Но официальная статистика упрямо показывала единовременное присутствие в РФ лишь 300 тыс. трудовых мигрантов, хотя даже ФМС при МВД РФ считала, что их число в 10–15 раз выше.⁶

С самого начала основным центром территориального притяжения вынужденных переселенцев стала Кубань (Краснодарский край). Уже к октябрю 1991 г. туда из районов межнациональных конфликтов прибыло 38,5 тыс. беженцев. К тому времени значительную часть мигрантов в составе прибывших составляли армяне (13,5 тыс.), русскоязычные (12,7 тыс.), азербайджанцы (11,1 тыс.) и др. С середины и до конца 1990-х гг. региональными центрами массового притока мигрантов из стран СНГ и Балтии являлись равнинные территории Северного Кавказа (наряду с Кубанью еще и Ставрополье), Черноземный Центр (в первую очередь — Белгородская область), Приволжье, юг Урала (Оренбургская обл.) и Западная Сибирь (Алтайский край). Нагрузка на эти территории была очень велика, тем более что в эти же края был устремлен и так называемый «западный дрейф» внутрироссийских миграций, под которым имеется в виду отток населения из Восточной Сибири и Дальнего Востока, сила которого достигла максимального уровня тоже в середине 1990-х гг.⁷

Прибывавшим из ближнего зарубежья мигрантам в России предоставлялась разнообразная помощь: бесплатно выдавались земельные участки под индивидуальное жилищное строительство и подсобные хозяйства; беспроцентная ссуда на первоначальное обустройство и безвозмездная субсидия на строительство или покупку жилого дома, животноводческих помещений и других надворных построек. Весьма интересен накопленный переселенцами и вынужденными мигрантами опыт жизненной адапта-

⁶ См.: Население России 2001: ежегодный демографический доклад. М., 2002.

⁷ ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 1169. Л. 47–48.

ции на новом месте, включая возведение жилья и хозяйственное обустройство. Возможности для строительства жилья тогда были ограничены: например, опекавшее беженцев Управление ФМС РФ могло частично выкупить лишь какое-нибудь местное незавершенное строительство, а дальше его достраивали уже сами переселенцы. Для обеспечения мигрантов жильем были разработаны специальные программы — например, в Липецкой области с начала 1992 г. заработала подготовленная местным руководством программа «Переселение». По ней вынужденным переселенцам предоставлялись кредиты под строительство жилья с надворными постройками, а также участки земли для тех, кто хотел стать фермером. Примерно 1,7 тыс. бывших беженцев уже к осени 1993 г. сумели выкупить или построить своими силами собственное жилье в Липецкой области. Создавались землячества вынужденных переселенцев и в Воронежской области, где так же, опираясь на небольшие ссуды и другую помощь от миграционных служб, они строили дома и обзаводились всем необходимым на новых местах. Но тяжелейшая финансовая ситуация в стране, вызванная инфляцией, падением рубля и бюджетным дефицитом, сильно осложняла выполнение этой программы.⁸

Обустройство семей прибывавших беженцев и переселенцев в кризисные 1990-е гг. проходило тоже с большим трудом, нередко сталкиваясь с обострением и без того серьезных в сельской местности проблем с жильем, рабочими местами, продовольствием и пр. В то же время мигранты мусульманского происхождения вовсе не были обойдены материальной помощью — не только со стороны ФМС России, но и других стран: им приходили посылки из разных частей света. Так, время от времени в районах массового приема беженцев местная печать сообщала об оказании помощи вынужденным переселенцам-мусульманам, которая поступала из Карачаево-Черкесии и даже международной исламской организации «Спасение» (Саудовская Аравия, Ливан и др. страны). Объем присылаемой из-за границы разовой помощи, по оценке корреспондентов газет, «превысил все, что до сих пор получали эти села от российского государства». Речь шла о Назрани и только пяти ингушских селах, где побывали корреспондент-

⁸ Там же. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 3049. Л. 30; Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 38, 39, 41.

ты. В то же время продовольственная помощь и медикаменты, направляемые из Москвы, по словам Президента Республики Ингушетии Р. Аушева, оседали в Моздоке, и гуманитарная помощь из России вообще «до истинно нуждающихся не доходила».⁹

Часть вынужденных переселенцев, не получив обещанных условий и преимуществ, покидала села, на их место приезжали другие, в результате чего за период 1990-х гг. по русской деревне прокатилось немало таких «кочевников», конечной и истинной целью которых являлся город, желательно крупный, а в идеале — Москва или Санкт-Петербург. В начале 1995 г. газеты писали, что на территории Московской области проживало 60–70 тыс. человек, не имевших статуса граждан РФ. Из них в качестве беженцев или вынужденных переселенцев было зарегистрировано всего 10,2 тыс. человек, в том числе примерно 1,1 тыс. чеченцев. В связи с создавшейся миграционной ситуацией автор публикации справедливо подчеркивал, что желание людей переселиться в Российскую Федерацию — естественный и объективный процесс, но к нему следовало заранее и должным образом готовиться, в том числе посредством создания соответствующей законодательной базы. В качестве одного из вариантов выхода из создавшейся непростой ситуации предлагалось продавать беженцам лицензии на прописку в РФ, цена которых, например, для пригородной зоны Подмоскovie намечалась в размере 9 млн, а дальше — в 6 млн руб. Действительно, желание мигрантов, прибывавших сначала по необходимости в сельскую местность, попасть затем в Москву и там закрепиться было необычайно велико. С этой целью широко практиковалось и заключение фиктивных браков, благодаря которым некоторые беженцы даже получали местную прописку: «дают 3–4 млн за жену — и нет проблем!». Проворачивались замысловатые аферы с жильем и трудоустройством... У нелегальных мигрантов рождались дети — «люди без гражданства от колыбели»: новых проблем завязывался целый клубок, развязывать который предстояло потом годами.¹⁰

⁹ Там же. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 41, 42–42 об.

¹⁰ См.: Российская газета. 1995. 25 янв.; ГАРФ. Там же. Л. 41об.

Нередко чрезмерно возросший приток мигрантов и беженцев в местах прибытия вызывал обострение межнациональных конфликтов, и уже на новой почве. Дело в том, что масштабная миграция серьезно нарушала стабильность российского сельского социума, усиливала нагрузку на местный рынок труда и на без того слабую социально-культурную сферу села и т. д. Для русского сельского сообщества поведение мигрантов-мусульман казалось непривычным, как и их религиозные традиции. Все это довольно серьезно нарушало устоявшийся социальный климат, создавая атмосферу повышенного напряжения и беспокойства. Нередко случалось, что местные жители напрямую отторгали слишком масштабные миграционные потоки. Например, в декабре 1994 г. газета «Кубанский курьер» опубликовала заметку, в которой говорилось, что, пользуясь несовершенством государственного законодательства, которое в должной мере не регламентирует миграцию, «на Кубань накатываются волны армянской миграции, грозя оставить на положении нацменьшинств уже самих русских». Подобные проблемы ощутила на себе и Адыгея, оказавшаяся под массовым наплывом беженцев из Грузии, Азербайджана, Средней Азии, Молдовы, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни. Позже к ним добавились еще турки — месхетинцы и курды, тоже желавшие поселиться в гостеприимной России. Однако президент Республики Адыгея, без какой-либо оглядки на пресловутую толерантность и «права человека», в декабре 1994 г. подписал указ, ограничивавший миграционные потоки извне. Это нелегкое решение было принято не только из-за кризисной финансовой ситуации в Адыгее, но, прежде всего, с учетом интересов местного населения.¹¹

Казалось бы, столь массовый приток мигрантов и вынужденных переселенцев в российские регионы должен был во многом способствовать решению проблемы нормального воспроизводства населения, особенно в сельской местности Нечерноземной зоны, где демографическая ситуация и обеспеченность аграрного производства трудовыми ресурсами были весьма напряженными. Однако серьезным препятствием к этому послужило то обстоятельство, что почти все приезжие из других стран СНГ и Балтии

¹¹ См.: Кубанский курьер. 1994. 14 дек.; ГАРФ. Ф. 10100. Оп. 4. Д. 228. Л. 41–41об.

являлись выходцами из городов. Выбрав при расселении сельскую местность, они лишь воспользовались ее преимуществами: в частности тем, что в начале 1990-х гг. там было легче получить жилье. Довольно скоро выяснилось, что большинство беженцев и мигрантов в действительности рассматривали село как своего рода ступеньку на пути в город. К тому же основная их часть нацеливалась вовсе не на безлюдные сельские районы Нечерноземной зоны РФ, а на благодатные южные края, где трудовых ресурсов и без того было с избытком. При этом средоточие особенно значительного числа прибывавших беженцев в южных регионах России создавало для местного населения серьезные дополнительные проблемы: их нужно было регистрировать, расселять, обеспечивать работой — и все это в условиях набиравшего силу кризиса в российской экономике. Например, несколько лет местным властям в сельских районах Ставропольского края кое-как еще удавалось справляться с задачей предоставления прибывавшим беженцам и вынужденным переселенцам жилья и работы. Но с течением времени нескончаемый приток все новых мигрантов буквально полностью опустошил их «ресурсы гостеприимства», и поэтому дальнейший прием переселенцев в крае уже был невозможен. Десятки тысяч беженцев прибывали и в центральные районы России, где с каждым годом также заметно иссякали материальные возможности для оказания им помощи. Сами вынужденные переселенцы, наблюдая это, стремились закрепиться на новых местах, проявляя необычайную активность — организовывали свои землячества и разного рода объединения, помогавшие им не только сплотиться, но и создавать более благоприятные условия для проживания.

В конце 1990-х гг., как уже отмечалось, приток вынужденных мигрантов на постоянное жительство в Россию неизбежно снизился. Но все же внешние миграции этого времени в определенной мере увеличили население России, особенно в Европейской части, включая и сельское. Особенно важной была роль мигрантов из других стран СНГ и Балтии в компенсации размера естественного сокращения россиян, которым было охвачено большинство регионов России, где уровень смертности от 1,5 до 4 раз превышал показатели рождаемости. Правда, случалось

и так, что достигнутый за какое-то время прирост населения в регионе мог впоследствии смениться убылью. Но на первом этапе, т. е. до середины 1990-х гг., миграционный прирост был настолько велик, что в значительной мере покрывал издержки естественной убыли населения в целом ряде областей Центра, Черноземья, Поволжья и Западной Сибири. В 2000-е гг. одновременно с заметным уменьшением официально зафиксированного статистикой притока мигрантов на постоянное жительство в Россию снизилась и его положительная роль для пополнения общей численности населения. И хотя в этот период суммарный (внешний и внутренний) миграционный прирост отмечался в 34 российских регионах, но только в двух из них (Москве и Московской области) его масштабов действительно хватало для покрытия всей естественной убыли населения. Еще в 6 регионах (Белгородской, Калининградской, Ленинградской областях, Краснодарском крае, Адыгее и Татарстане) миграционный прирост компенсировал естественную убыль их населения более чем наполовину; в Калужской, Свердловской и Ленинградской областях, Хакасии, Ставропольском крае — только на $\frac{1}{4}$. В остальных 15 регионах миграционный прирост был незначителен и общую демографическую ситуацию не улучшил. В республиках Северного Кавказа, некоторых АО и национальных республиках Сибири сохранявшийся естественный прирост сочетался с одновременной миграционной убылью населения.¹²

Но если общую демографическую ситуацию в России, а тем более в сельской местности, мигранты, прибывавшие со всех концов бывшего Советского Союза, в принципе радикально изменить к лучшему так и не смогли, то повлиять на изменение этнического состава россиян им оказалось вполне под силу.

Население Российской Федерации всегда отличалось сложным этническим и религиозным составом. Безусловно, иммиграция из стран СНГ и Балтии, достаточно активно развивавшаяся на пороге XXI в., оставила свой отчетливый след на национальном составе Российской Федерации. Для российской демографической статистики вполне традиционно, опираясь на этнический фактор, подразделять население на «народы» и «нации». Так,

¹² ГАРФ. Ф. 10128. Оп. 1. Д. 530. Л. 8, 14, 21.

Всесоюзная перепись населения 1989 г. учитывала национальный состав по 128 основным категориям, а Всероссийская перепись 2002 г. — уже по 142 самостоятельным этническим наименованиям и 40 «подгруппам».¹³

Из материалов Всероссийской переписи населения 2002 г. следует, что по сравнению с 1989 г. общая численность населения РФ уменьшилась почти на 2 млн человек (с 147,0 до 145,2 млн человек), что составляло 1,3 %.¹⁴ В то же время Всероссийская перепись 2002 г. показала и то, что, как справедливо отмечал академик В. А. Тишков, все страхи о катастрофическом убывании русских не имели под собой основания. Накануне ее проведения делались прогнозы, что общая численность русского народа сократилась на 15–19 млн., т. е. чуть ли не на 15 % по сравнению с последней советской переписью 1989 г.¹⁵ И хотя сокращение численности русских в России действительно имело место (с 119,9 млн до 115,9 млн человек), фактически оно составило ровно в 4 млн человек, или всего 3,3 %. Данное сокращение числа представителей коренной нации Российской Федерации несколько понизило и ее общий удельный вес в составе населения: за эти годы — с 81,5 % до 79,8 %, т. е. всего на 1,7 %.¹⁶ К тому же основной причиной такого сокращения послужила низкая рождаемость при заметно возросшей смертности, в то время как миграционный фактор по своей значимости оказался второстепенным.

Вторым по численности населения народом в Российской Федерации являются татары, доля которых с 1989 по 2002 г. возросла на 0,7 %, достигнув 5,5 млн человек. Численность украинцев, занимавших третье место в национальном составе РФ, резко уменьшилась: с 4,4 млн (в 1989 г.) до 2,9 млн человек (в 2002 г.), т. е. на 35 %. Данное сокращение, очевидно, объясняется сменой этнической идентичности многими украинцами, которые

¹³ См.: Тишков В. А. О российском народе // Дружба народов. 2006. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/8> (дата обращения: 15.03.2018).

¹⁴ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2005. Т. 14 (сводный): Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. С. 10.

¹⁵ См.: Тишков В. А. О российском народе.

¹⁶ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М., 2004. Т. 4, кн. 1: Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 7; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 195. Л. 2–45.

в 2002 г. предпочли записаться русскими. В действительности Украина с середины 1990-х гг. благодаря наплыву трудовых мигрантов и собственных граждан, прибывавших на постоянное жительство, стабильно обеспечивала миграционный прирост в России, вследствие чего реальное число украинцев сократиться не могло.¹⁷ Сегодня стало очевидно, что нельзя сбрасывать со счетов и политический фактор, когда часть проживавших в России этнических украинцев уже тогда под влиянием нараставших на их родине русофобских настроений стремилась оградить себя от бандеровского национализма, записавшись русскими.

Очень существенно в период между переписями населения 1989 и 2002 гг. снизилась численность белорусов: с 1,2 млн до 808 тыс. человек, т. е. ровно на $\frac{1}{3}$. Возможно, как и среди украинцев, часть белорусов, живших в России, тоже сменила свою этническую идентичность, но важно и другое — ощутимо низкий уровень их естественного прироста. Несколько снизилось за эти годы и количество чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, хакасов, коми и др. Еще более ощутимо уменьшилась численность евреев и немцев, прежде всего, вследствие их массовой эмиграции. Зато сильно возросла абсолютная и относительная численность армян (более чем в 2 раза). И основной причиной этого роста следует назвать их миграцию в Россию, особенно активизировавшуюся с конца 1980-х гг. Этому народу вообще свойственен более высокий демографический прирост, особенно выходцам из сельской местности, которых было достаточно много среди прибывавших мигрантов, что и предопределило более масштабное общее присутствие этого этноса в России. Представители народов Кавказа (аварцы, лезгины, кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши и др.) тоже дали заметный количественный прирост. Быстрее всех возросла численность прибывших за это время в Россию осетин: с 1989 по 2002 г. +28 %, что объяснялось переселением десятков тысяч осетин из соседней Грузии в Северную Осетию. Следует отметить и прирост числа азербайджанцев: если в 1989 г. их насчитывалось всего 335,9 тыс., то в

¹⁷ См.: Тишков В. А. О российском народе.

2002 г. — уже 621,8 тыс., т. е. больше на 85 %.¹⁸ В итоге по темпам количественного возрастания своего присутствия в России азербайджанцы лишь немногим уступали армянам, что тоже было связано с их масштабной миграцией в Россию, главным образом трудовой. И все же данные, полученные благодаря переписи 2002 г., полностью развенчали мифы об огромных масштабах «нашествия» азербайджанцев на Россию. Безусловно, их общее число в России к этому времени могло быть заметно больше, но по существующим правилам временные трудовые мигранты в этническом составе населения переписями не учитываются.¹⁹

В то же время численность казахов по сравнению с 1989 г. к 2002 г. выросла незначительно (всего на 18 тыс.), несмотря на то, что по общему объему прибывающих в Россию мигрантов Казахстан занимал первое место. Характерно, что основная масса мигрантов-казахстанцев обычно размещалась в сельской местности соседних с Казахстаном южных областей Поволжья и Урала.

Возросла и численность башкир, бурят, калмыков, адыгейцев и тувинцев, т. е. народов с характерным высоким естественным приростом, ориентирующихся на многодетную семью. По этой же причине увеличилась и численность цыган. Перепись 2002 г. показала их 20-процентное увеличение (183 тыс. против 153 тыс. в 1989 г.). Но самый высокий прирост за эти 14 лет все-таки дали таджики в России — их стало в 3 раза больше (с неполных 40 тыс. до 120 тыс.). Основной фактор такого быстрого роста, безусловно, их массовая трудовая миграция в Россию, которая в сочетании с характерным для них чрезвычайно высоким естественным приростом и обеспечила трехкратное численное увеличение.

Таким образом, сопоставление данных двух последних переписей населения — 1989 и 2002 гг. показывает, что этнический состав населения России действительно подвергся довольно заметным изменениям. В нем заметно меньше стало представителей славянских народов (русских, украинцев, белорусов), а также

¹⁸ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4, кн. 1. С. 8; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 195. Л. 2.

¹⁹ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4, кн. 1. С. 8–12; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 195. Л. 2–10.

евреев и народов Поволжья. Именно эти народы пребывают в стадии завершения демографического перехода от многодетности к малодетной семье. По этой причине в настоящий исторический период они переживают резкое снижение рождаемости, а следовательно связанное с этим демографическое старение и сокращение естественного прироста, что приводит их к ускоренной, по сравнению с другими национальностями, естественной убыли населения.

Одновременно представители народов Северного Кавказа и Закавказья, а также Средней Азии — живущие в России, наоборот, заметно прирастили свою общую численность. Конечно, миграция из бывших союзных республик СССР в Россию сыграла важную роль, ускорив их численное возрастание. Но нельзя забывать, что эти народы, в отличие от славян, евреев и др., все еще придерживаются традиционных семейных ценностей, которые способствуют расширенному характеру воспроизводства их населения. Им по-прежнему присуща высокая рождаемость, а их семьи, несмотря на тоже коснувшееся их сокращение, все еще многодетны.

Таким образом, в современном этническом составе Российской Федерации имеются налицо две совершенно противоположные демографические перспективы. Численность славянских народов с их православной традицией и культурой, очевидно, в ближайшие годы продолжит сокращаться. То же, хоть и менее выражено, ожидает народы Поволжья, которые также в последние десятилетия резко уменьшили свой естественный прирост. Народы кавказской и среднеазиатской группы, среди которых высокий удельный вес занимают представители исламской цивилизации, наоборот, проявляют выраженную способность к высокому естественному приросту, поэтому их численность, скорее всего, будет быстро расти.

Такие перспективы изменения этнического облика не могут не тревожить российское общество. В самом деле, еще в начале XXI в. в России представителей коренной нации — русских, насчитывалось почти 80 % от общей численности населения. Но ничто не стоит на месте. И если миграционная политика РФ останется хотя бы на прежнем уровне, не говоря уже об общей

для Европы перспективе приема арабских беженцев, абсолютно чуждых остальным ее народам — не только по культуре и профессиональной принадлежности, но и по трудовым и бытовым традициям, то через несколько десятилетий этнический состав России будет не узнать. Основную часть населения России или того государства, которое будет находиться на ее территории, вполне вероятно, составят мигранты и их потомки, причем, скорее всего, не европейского облика.

Вербицкая Ольга Михайловна — д.и.н., в.н.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)

E-mail: rossia20vek-iriran@mail.ru

Olga M. Verbitskaya — Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

MIGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE AND THEIR IMPACT ON THE DEMOGRAPHIC COMPOSITION OF THE RUSSIA'S POPULATION (1990s)

The article deals with the migration processes in the post-Soviet space in the late 20th — early 21st centuries. A conclusion is made that if the migration policy of the Russian Federation remains at least at the same level, then in some decades, the ethnic composition of Russia will change radically. The main part of the population of Russia is likely to be migrants and their descendants.

Keywords: *migration, Russia's population, national composition, ethnic groups*

Список литературы

Население России 2001: ежегодный демографический доклад. М., 2002.

Тишков В. А. О российском народе // Дружба народов. 2006. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/8> (дата обращения: 15.03.2018).

Г. Е. Корнилов

ВОСТОЧНЫЙ ПОВОРОТ: МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛ И С УРАЛА В XX ВЕКЕ

УДК 94(470.5)''19'':314.7

В статье представлен ретроспективный анализ моделей миграционного движения на Урале на протяжении двадцатого столетия. Перемещение населения главным образом из Европейской части страны в восточные районы сыграло ведущую роль в формировании населения Уральского региона. Рост населения региона в первой половине XX в. происходил за счет переселенцев, во второй половине уральцы участвовали в формировании населения в восточных регионах страны. На основе опубликованных документов и архивов были установлены формы, направления и масштабы миграции. Подавляющее большинство мигрантов были выходцами из села. Большая часть мигрантов направлялась в города, что вело к ускоренной урбанизации. Автор сделал попытку связать фазы демографических изменений на Урале с этапами миграции, а также продемонстрировать влияние миграции на демографический потенциал региона.

Ключевые слова: миграции, мигранты, миграционное движение, насильственные переселения, добровольные переселения, формирование населения, Урал

XX век — век модернизации России, столетие бесконечных переселений населения. Урал, находящийся в середине евразийского континента, оказался регионом, где формирование населения проходило в значительной степени за счет мигрантов. Это обстоятельство определило демографическое лицо и региональную специфику старейшего военно-промышленного района России. Миграции населения стали фактором глубинных изменений в этническом и демографическом развитии Урала, его численности, размещении, структуре. Численность населения здесь увеличилась с 6,8 млн человек в 1897 г. до 19,8 млн человек в 2002 г., а удельный вес в численности российского населения вырос соответственно — с 10,3 % до 13,6 %.¹

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. М., 2007. С. 22, 34; Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 136.

С учетом значительной роли фактора территориальной подвижности населения в статье предпринимается попытка выделить основные фазы миграционного процесса на Урале и показать их влияние на формирование населения. По мере утверждения индустриального сообщества как в России в целом, так и на Урале, на протяжении XX столетия происходил переход от малоподвижного образа жизни в условиях традиционной экономики к нарастанию территориальных перемещений населения. История миграций населения Урала в XX в. осталась практически не изученной, в литературе затрагивались лишь отдельные проблемы перемещения населения региона.

Значительно активизировалась миграционная подвижность населения Российской империи в пореформенное время. По данным А. Г. Рашина, с 1863 по 1913 г. население Оренбургской и Уфимской губерний выросло в 2,3 раза, Пермской и Вятской — в 1,8 раза. Этот рост происходил в основном за счет естественного прироста. В то же время увеличение численности населения городов и заводских поселков происходило за счет механического прироста. Об этом свидетельствуют материалы переписи населения 1897 г.: неместные уроженцы среди горожан Пермской губернии составляли 52,4 %, а в Оренбургской — 50,0 % от всего городского населения.²

Миграционная политика правительства во второй половине XIX в. претерпела значительные изменения: от запретительного характера до регламентации этих процессов. Основными направлениями миграции крестьян Пермской губернии в изучаемый период являлись соседние Оренбургская губерния, Сибирь (Тобольская губерния), а также Дальний Восток, в которых продолжались колонизационные процессы и было огромное количество незаселенных земель. В первую очередь переселялись государственные крестьяне, не обремененные временно-обязанным состоянием, и среднеобеспеченные. В Пермскую же губернию переселялись крестьяне преимущественно из соседних Вятской и Вологодской губерний, еще менее благоприятных для земледелия. Проведенный анализ показал, что количество переселившихся в губернию

² См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М., 1956. С. 57.

крестьян уравнивалось количеством выбывших. Это свидетельствует о том, что миграционные процессы не оказали существенного влияния на демографическую ситуацию в Пермской губернии.

В крае преобладала внутренняя миграция (отхожие промыслы). Особенно много временных переселенцев отмечалось в густонаселенных черноземных уездах (Камышловском, Ирбитском и Шадринском) ввиду их аграрного перенаселения. Отхожие промыслы являлись важным подспорьем для крестьянской семьи. Наряду с мужчинами во второй половине XIX в. в отхожих промыслах принимали активное участие и женщины. В целом же для Урала этого периода была характерна низкая миграционная активность. Незначительное пополнение сельского населения региона за счет мигрантов наблюдалось в годы проведения столыпинской аграрной реформы.³

Первый мощный поток массовых перемещений людей падает на годы Первой мировой войны, затем гражданской войны, голода начала 1920-х гг. Уральские горы пересекают три параллельно расположенные железные дороги, поэтому регион явился одним из основных мест сосредоточения переселенцев. Геополитическое положение, высокая миграционная емкость и привлекательность (относительная удаленность от районов военных действий), запасы продовольствия и другие факторы позволили принять большое количество мигрантов.

В 1914–1924 гг. через территорию Урала прошло три потока беженцев Первой мировой войны. В первую очередь, это были прибывшие в регион по эвакуации в 1914–1915 гг. и беженцы из прифронтовой полосы. По расчетам английского историка П. Гэттрелла, к 1917 г. на территории Российской империи «рассеялось» около 850 тыс. человек.⁴ К 1920 г. в Уральских губерниях оказалось 135 тыс. иностранных подданных (это составляло 17,8 % от

³ См.: Вакатова Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии // Уч. зап. Перм. ун-та. 1964. № 108. С. 142; Она же. Социально-экономические итоги столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края: сб. ст. Пермь, 1965. С. 92; Плотникова Г. Н. Миграционные процессы крестьянского населения Пермской губернии в пореформенный период (1861–1904 гг.) // Исследования по истории Урала. Пермь, 2005. С. 101–103.

⁴ См.: Gatrell P. A whole empire walking refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999. P. 32.

всех зарегистрированных беженцев по России), многие из них желали немедленно покинуть пределы Советской России (особенно поляки, латыши, литовцы).⁵ В 1920 г. эта первая волна переселенцев слилась со второй волной — беженцами Гражданской войны.

Военные действия, связанные с наступлением войск А. В. Колчака, а затем — Красной армии, на всей территории региона проходили в 1918–1919 гг. Они вызвали вторую волну переселенцев, которая была представлена в основном жителями центральных, южных и восточных губерний, спасавшихся от белого и красного террора. Пик этой второй волны пришелся на 1919–1920 гг., когда на территории только Екатеринбургской губернии скопилось 19 тыс. беженцев.⁶ Параллельно с этим на Урале начались крупные внутренние перемещения значительных масс людей, вызванные Урало-Сибирским восстанием и другими крестьянскими волнениями.⁷

Особое место в истории миграционного движения на Урале занимает третья волна беженцев. В 1921–1922 гг. на Урал хлынул поток неорганизованных переселенцев из районов Поволжья, Казахстана, пораженных голодом. Точное количество их неизвестно, так как учета не производилось. В донесениях и информационных сводках приводились лишь сведения типа: «наплыв беженцев», «много беженцев, оставляющих своих детей».⁸ Голод 1921–1922 гг. поразил и население Урала. В докладе Екатеринбургского губернского комитета помощи голодающим имеются сведения о том, что в 1921 г. неурожаем поражено 100 волостей с общим населением 665 тыс. человек, с числом голодающих — 334,6 тыс. (не включены семейства, имевшие достаточное количество суррогатов, и голодное население городов).⁹ В телеграмме из Михайловского волисполкома Екатеринбургского уезда говорилось: «Голод принимает чудовищные размеры, голодающие питаются кошками, собаками и даже кожей и шерстью. Прогрессирует

⁵ ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 4. Д. 604. Л. 13.

⁶ ГАСО. Ф. р-511. Оп. 1. Д. 199. Л. 50–75.

⁷ См.: Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001; Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

⁸ Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы: в 2 т. Екатеринбург, 2000. Т. 1: 1900–1928 гг. С. 320–393.

⁹ ГАСО. Ф. р-512. Оп. 1. Д. 1. Л. 58об.

вымирание целых семейств. Население в панике бросает дома, оставляя на произвол судьбы своих детей».¹⁰ Начался отток населения с территории Урала. Людские потери в 1921–1922 гг. составили на Урале 1–1,2 млн человек.¹¹

В начале 1920-х гг. три потока попавших на Урал слились между собой, работа эвакуационных органов была практически парализована. Антисанитарные условия, отсутствие достаточного питания и другие факторы приводили к быстрому росту заболеваемости, к возникновению эпидемий тифа, холеры, малярии, туберкулеза и увеличению смертности населения. В связи с катастрофическим положением учета беженцев не велось, они двигались по железной дороге, на повозках, пешком. Огромное количество беженцев проходило через территорию Урала транзитом. И если до начала 1920 г. приоритетным направлением были восточные регионы (Сибирь, Дальний Восток, Урал), то с января 1920 г. началось активное обратное движение (резэвакуация вынужденных переселенцев).

Проблема установления точного количества беженцев всех волн на территории Урала затруднительна. Тем не менее материалы переписи населения 1926 г. показывают, что с 1917 по 1926 г. на Урал прибыло 716 тыс. человек (те, кто дожил до момента переписи).¹² Параллельно происходил отток населения с территории Уральского региона, общий миграционный прирост населения в первой половине 1920-х гг. имел отрицательное сальдо (–5,7% ежегодно), или за 1920–1922 гг. отток составил свыше 0,5 млн человек.¹³ Естественный прирост населения также был отрицательным. Только за 1922 г. естественная убыль населения Урала составила 11,7 %. В целом сокращение населения Урала с 1920 по 1923 г. составило около 15 %.¹⁴

¹⁰ ГАСО. Ф. р-512. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

¹¹ См.: Каракулов Д. В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 22; Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 104–110.

¹² См.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отд. 3. Отдельный отиск табличной части. М., 1930. С. 116.

¹³ См.: Население Урала. XX век... С. 17.

¹⁴ Рассчитано по: Статистический сборник на 1923 г. Оханск, 1923. С. 9; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1922. С. 20; Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. Челябинск, 1923. С. 11.

Еще две категории населения оказались на территории Урала. Это — военнопленные Первой мировой войны и беспризорные дети. По сведениям Н. В. Суржиковой, численность пленных на Среднем Урале достигла к лету 1918 г. порядка 100 тыс. человек.¹⁵ Как социально-демографическая группа военнопленные увеличивали население, но в процессе воспроизводства практически не участвовали. Подавляющая часть военнопленных к середине 1920-х гг. была возвращена на родину.

Вместе с потоками беженцев на Урал прибывали беспризорные дети. Основным фактором детской беспризорности в начале 1920-х гг. были «голодобеженцы» из центральной и западной России (по приблизительным расчетам 10 тыс. детей). Пополнялся отряд беспризорных и за счет местного голодающего населения. Для выхода из сложившейся ситуации в Екатеринбургской губернии были открыты детские дома для детей умерших от голода родителей. К октябрю 1922 г. их контингент составил 13,8 тыс. человек.¹⁶ Масштабы притока детей на Урал были так велики, что движение беспризорных детей можно рассматривать как самостоятельный миграционный поток. К 1925 г. на территории Уральской области скопилось до 39 тыс. беспризорных детей (из них более половины были неместными). Государство стремилось закрепить их на определенной территории, предприняло ряд мер, призванных удержать детей от дальнейших перемещений.¹⁷ Эта группа населения оказывала влияние на социально-демографическую структуру.

Материалы переписи 1926 г. позволяют реконструировать картину миграционных связей Уральской области. В личный листок переписи были включены вопросы о месте рождения, продолжительности проживания на этой территории. На этой основе выделялись местные и неместные уроженцы. Основной приток мигрантов в 1914–1925 гг. был из сельских местностей (66,5%), источником для него служили Вятская губерния (26%), Средне-Волжский край (19%) и Центрально-Промышленные районы

¹⁵ См.: Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014. С. 199.

¹⁶ ГАСО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 79. Л. 55.

¹⁷ Там же. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 127. Л. 70, 272.

(12 %), Уфимская губерния / Башкирская АССР (7 %). Состав переселенцев по возрасту и полу отличался от половозрастного состава населения районов вселения. Анализ данных переписи 1926 г. показал, что в населении Уральской области доли детей (0–14 лет) и пожилых (60 лет и более), с одной стороны, и лиц репродуктивного возраста (15–60 лет), с другой, примерно уравновешены (50,7 и 49,3 %), тогда как среди мигрантов удельный вес первых был в 3 раза меньше, чем вторых (24,7 и 75,3 %). Среди переселенцев преобладали женщины репродуктивного возраста. Доля мужчин среди населения Уральской области составляла 49,6 %, а женщин — 50,4 %, в то время как в составе мигрантов мужчины составляли 37,7 %, а женщины — 62,3 %. В Уральской области, благодаря притоку мигрантов, сформировалась достаточно гармоничная половая структура. Кроме того, из данных материалов переписи видно, что мигранты в возрасте 15–49 лет составляли 75,2 %. На территории Уральской области в связи с интенсивным прибытием населения, в результате «омоложения» его структуры, выравнивания соотношения полов к середине 1920-х гг. происходит активизация демографических процессов — рост брачности и рождаемости. Формирование населения Урала в первой четверти XX в. происходило в значительной степени за счет переселенцев. Каждый третий житель Уральской области прибыл на эту территорию, две трети были переселенцами после 1917 г.¹⁸

Итак, период с конца XIX в. по первую четверть XX в. был первой фазой миграционного перехода на Урале, для которой характерно вовлечение к передвижению населения огромных масс населения, основными факторами его были не экономические, а скорее социальные и политические, обусловленные военными действиями, распадом Российской империи.

Вторая фаза миграционного перехода охватывает период с середины 1920-х и до конца 1950-х гг. Внутри этого периода выделяются следующие хронологические этапы: середина 1920-х — конец 1920-х гг.; 1930-е гг.; 1941–1945 гг.; 1946 г. — конец 1950-х гг.

¹⁸ См.: Корнилов Г. Е., Павлова О. В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Урал. ист. вестн. 2003. № 9. С. 225.

С 1925 по 1930 г. в связи с аграрным перенаселением в центральных губерниях и областях ситуация усугубилась настолько, что лишь планомерная разгрузка перенаселенных местностей путем переселения на свободные земли могла решить назревшую демографическую проблему. Основной задачей государства в эти годы стала организация плановых сельскохозяйственных переселений. Уральская область постановлением СНК СССР от 4 октября 1927 г. была признана районом, «имевшим для переселения союзное значение». Переселение осуществлялось в три округа: Троицкий, Ишимский и Тюменский. До 1930 г. в Уральскую область было заселено 60 тыс. мигрантов. Значительную часть совокупного миграционного прироста составили самовольные переселенцы (в основном с Украины). «Самовольцы» составили около 80 % от общего количества переселившихся.¹⁹

Исчерпание свободных земель, годных для сельскохозяйственной колонизации, при продолжавшемся движении крестьян из перенаселенных районов Союза с целью переселения на Урал, острая потребность экономики страны в освоении естественных богатств окраин (запасов сырья, топлива, энергетических ресурсов) привели к необходимости развития промышленной колонизации. Под этим термином понималось «обеспечение работавших или проектируемых генеральным планом предприятий постоянным составом рабочей силы, создание для рабочих благоприятных условий для жизни, постепенное и прочное освоение земельной территории в районе предприятия».²⁰

Размер и темпы колонизационных мероприятий должны были согласовываться с производственными планами предприятий. Миграция рабочей силы на действующие и строящиеся предприятия Урала имела два вида: 1) безвозвратная миграция, 2) миграция сезонная. Безвозвратная миграция включала переселение рабочих из различных регионов СССР на Урал с целью постоянной работы на определенном предприятии вместе со всем имуществом и семьей. За счет данной категории происходил интенсивный рост городского населения. За 1926–1929 гг. на предприятия

¹⁹ См.: Хозяйство Урала. 1928. № 8/9. С. 6–33.

²⁰ Хозяйство Урала. 1926. № 13/14. С. 170.

и стройки Урала прибыло около 420 тыс. рабочих (37 % прибыли из-за пределов региона, 58 % были выходцами из села).²¹

Среди сезонных мигрантов преобладали крестьяне-отходники, имевшие возможность подработать на промышленных предприятиях в свободное от сельского хозяйства время, и рабочие, завербованные на определенный срок (3 месяца, 6 месяцев, 1 год). Эта категория мигрантов представляла наибольшие проблемы для промышленных предприятий, так как не позволяла создавать «костяк» постоянных кадров.

Во второй половине 1920-х гг. не утихал поток беспризорных детей. В 1926 г. Наркомпрос РСФСР разработал перспективный план по борьбе с детской беспризорностью, предлагалось изжить это явление полностью в трехлетний срок. Детей и подростков по детским учреждениям интернатного типа в Уральской области насчитывалось в 1926 г. 19,5 тыс., под опекой состояло 18,9 тыс., под патронатом — 1,6 тыс. Таким образом, беспризорников насчитывалось около 40 тыс. человек.²²

Вторая фаза миграционного перехода проходила в контексте процессов индустриализации, урбанизации, коллективизации, вызвавших массовое движение из села в город. Сельская местность явилась основным источником пополнения численности населения и трудовых ресурсов городов и рабочих поселков Урала. Этому способствовал более высокий естественный прирост на селе. Мощный размах промышленного строительства в регионе, особенно в годы первых пятилеток, прием, размещение и пуск эвакуированных предприятий в годы Великой Отечественной войны, создание предприятий атомной промышленности в послевоенное десятилетие сопровождалось резким ростом рабочих мест. Все возраставшие потребности в рабочей силе удовлетворялись в основном за счет притока сельских жителей.

Ускоренное наращивание экономического потенциала восточных районов страны вызвало в 1930-е гг. невиданные ранее массовые перемещения населения, как добровольные, так и при-

²¹ Рассчитано по: Уральское хозяйство в цифрах. 1928. Свердловск, 1929. С. 42–45; Уральское хозяйство в цифрах. 1929. Свердловск, 1930. С. 20, 21; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Свердловск, 1931. Вып. 1. С. 50, 51.

²² ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 547. Л. 7; Д. 572. Л. 25; Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: сб. документов и материалов. Екатеринбург, 2009. С. 4.

нудительные. Насильственная трудовая миграция вплоть до начала войны являлась основным источником рабочей силы. Первая мощная волна была связана с раскулачиванием. Только за 1930–1931 гг. на Урал было выслано 128 тыс. семей (это более трети от общего числа раскулаченных по стране). Численность спецпереселенцев на территории Уральской области достигала по разным оценкам от 564 до 573 тыс. человек. Основным источником принудительных мигрантов являлись Украина (25 %) и Северный Кавказ (20,3 %).²³ К началу 1932 г. в Магнитогорске их насчитывалось уже 50 тыс. человек на 170 тыс. горожан. В Нижнем Тагиле к началу апреля 1933 г. было организовано шесть спецпоселков на 14,5 тыс. человек, а в конце 1936 г. их насчитывалось уже 10, в них жило свыше 15,5 тыс. человек.²⁴ Всего же, по данным В. Н. Земскова, к началу 1934 г. на Урале на учете состояло 300 313 спецпереселенцев.²⁵ На начало 1935 г. в Челябинской области действовало 34 трудпоселка, в них числилось 522 56 человек. В подавляющем большинстве спецпереселенцы (трудпоселенцы) были задействованы на промышленных объектах и рудниках Урала.²⁶ Предварительные итоги переписи 1937 г. показали, что спецконтингент «Б» и «В» НКВД СССР был сосредоточен в Челябинской области, в основном в городах и рабочих поселках (84,3 % от размещенных в области), и в Свердловской большая часть спецконтингента дислоцировалась в сельской местности (65,2 % из них). Их доля среди горожан Свердловской области составила 1,6 %, Челябинской — 6 %. Наибольшая часть спецконтингента находилась в Магнитогорске, в котором его удельный вес составил 22 % среди горожан. В остальных городах его доля не превышала 5–6 %. Подавляющее большинство спецконтингента составляли мужчины; вместе с тем спецконтингент в целом представлял собой незначительную часть городского населения Урала, даже на его новостройках.²⁷

²³ См.: Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): сб. документов. Екатеринбург, 1993. С. 36; Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3.

²⁴ См.: Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е — начало 50-х гг.: в 2 ч. Н. Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг. С. 124, 125.

²⁵ См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социс. 1991. № 10. С. 5.

²⁶ См.: Челябинская область. 1917–1945 гг.: сб. документов и материалов. Челябинск, 1998. С. 166, 271.

²⁷ См.: Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. С. 25.

Основной формой привлечения рабочей силы в промышленность в конце 1920-х — 1930-е гг. стал организованный набор. Источником обеспечения нужд промышленности, особенно строительства, было крестьянство. Материалы профсоюзной переписи, проведенной в 1932–1933 гг., показывают, что практически во всех отраслях экономики на Урале более половины занятых составляли бывшие крестьяне.²⁸

До конца 1920-х гг. приток крестьян на стройки осуществлялся и через биржи труда, путем заключения индивидуальных договоров, и стихийно — самотеком. Как показывают источники, последняя форма преобладала на Урале. Так, более половины строителей Уралмашстроя и Челябинского тракторостроя прибыли самостоятельно.²⁹

Пытаясь наладить процесс обеспечения рабочими кадрами строящиеся заводы, Экономический совет РСФСР в 1930 г. обязал отделы труда всех уровней, включая Наркомат труда, организовывать вербовочные аппараты. Наряды органов труда на вербовку и переброску рабочих имели обязательную силу. Отходники полностью освобождались от всяких отчислений с заработка в общественные фонды колхозов, семьи колхозников-отходников пользовались помощью колхоза наравне с прочими членами колхоза. Эти и другие льготы были закреплены в постановлении ЦИК и СНК СССР «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г.³⁰ Постановление стало поворотным моментом в системе организованного набора рабочей силы из деревни. Быстрый рост промышленного производства при остром кадровом дефиците придал миграционному процессу важную особенность — он стал регулироваться государством. Огромное внимание, уделявшееся привлечению жителей села к работе в городах, привело к существенному оттоку крестьянства. По сведениям РКИ, из колхозов Уральской области на новостройки, в промышленность за 1931 г. ушло 301,1 тыс. человек, что составило 18,7% от общего числа трудоспособных. Часть крестьян бежали из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло

²⁸ См.: Профсоюзная перепись 1932–1933. Стат. отд. М., 1934. С. 96–151.

²⁹ ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 400. Л. 18.

³⁰ СЗ СССР. 1931. № 42. Ст. 286.

не возвращаться на прежнее место жительства. К маю 1932 г. на заводы Востокстали прибыло 10,1 тыс. человек из деревни, из них осталось на постоянную работу 3,3 тыс. человек. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. человек, а самотеком прибыло 13,3 тыс.³¹

Отток из деревни в 1932 г. усилился. Чтобы остановить неуправляемый отток селян в города, власти перешли к более жестким административным методам по отношению к самовольным мигрантам. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» для усиления административного учета, контроля и регулирования передвижения населения.³² На его основании 28 апреля 1933 г. СНК СССР ввел паспортную систему для горожан³³. Однако остановить бегство селян от голода и нищеты было невозможно. По постановлению ЦИК и СНК СССР «О порядке отходничества из колхозов» от 17 марта 1933 г., отходниками теперь считались лишь те лица, которые заключили договор с хозяйственной организацией.³⁴

Принятые меры сократили отток из деревни, но не остановили его. Государство предприняло попытку укрепить плановое распределение трудовых ресурсов. Во второй половине 1930-х гг. проявились недостатки оргнабора. Районы набора рабочей силы планировались таким образом, что создавали неизбежные массовые, излишне дальние, а иногда и встречные железнодорожные перевозки рабочей силы. Так, в крупные индустриальные центры Урала завоз рабочей силы производился из 20 АССР, краев и областей. Для преодоления указанных проблем с октября 1939 г. вводилась в действие схема зонального закрепления областей для набора рабочих. За Пермской, Свердловской и Челябинской областями закреплялись Башкирская, Татарская, Мордовская и Чувашская АССР, Пензенская, Куйбышевская и Кировская

³¹ ГАСО. Ф. р-245. Оп. 2. Д. 13. Л. 17; Д. 182. Л. 6–42.

³² СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 516; см.: Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2-3-4. Vol. 42. P. 477–504.

³³ СЗ СССР. 1933. № 28. Ст. 168.

³⁴ Там же. № 21. Ст. 116.

области.³⁵ 21 июня 1938 г. было принято постановление СНК СССР «Об упорядочении дела набора рабочей силы из колхозов», в котором отмечалось, что учет отходников поставлен плохо, а в ряде колхозов Свердловской области ощущается нехватка рабочих рук. С 1 сентября 1939 г. Комиссия по оргнабору рабочей силы при СНК СССР стала выделять наряды на вербовку рабочей силы только для нужд строительства, лесозаготовок, угольной, торфяной и рудной промышленности, рыбных промыслов и сахарных заводов.³⁶

Небывалые масштабы в 1930-е гг. приобрела на Урале детская беспризорность. Причины беспризорности были многочисленны и разнообразны. Основными источниками формирования этой социально-демографической группы на Урале являлись массовые перемещения населения (и добровольные, и насильственные), сиротство, потеря родственников в силу различных трагических обстоятельств, самовольный уход из семьи (вызван ломкой традиционной семьи, изменением роли женщин, семейных ценностей, разрушением воспитательного потенциала семьи). В 1930-е гг. только через систему учреждений для беспризорников на Урале прошло более 100 тыс. детей.³⁷

В период между переписями 1926 и 1937 гг. население Свердловской области (в сопоставимых границах) увеличилось на 30,9%, причем горожан стало больше на 145,8%. Это привело к структурным изменениям — доля сельского населения неуклонно сокращалась: в 1926 г. она составляла 73,3%, в 1932 г. — 59,6, в 1933 г. — 55,0, в 1934 г. — 51,8, в 1936 г. — 44,3, в 1937 г. — 43,3%.³⁸

За межпереписной период 1926–1937 гг. население Урала выросло на 1,8 млн человек. Миграция в города в эти годы превышала величину естественного прироста. В городах региона проживало уже 37% населения. За 1937–1939 гг. население Урала увеличилось на 8,9%, это совпало со второй волной переселений, связанной с массовыми репрессиями. За 1937–1940-е гг.

³⁵ См.: Плановое хозяйство. 1939. № 11. С. 95, 96.

³⁶ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 4. С. 480–483.

³⁷ См.: Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг. ... С. 7, 8, 32.

³⁸ См.: Корнилов Г. Е. Население Свердловской области в первые годы образования // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XIII–XX вв.). Екатеринбург, 2011. С. 74.

положительное сальдо миграции составило более 720 тыс. человек, его величина практически приблизилась к размерам естественного прироста. Третья волна принудительных миграций на Урале связана с расширением границ СССР. Только за март–июнь 1941 г. из Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии на спецпоселения было отправлено 85 тыс. человек. Несмотря на особенности данной категории мигрантов (размещение в обособленных поселках, низкий естественный прирост, плохие социально-бытовые условия), они стали одним из источников формирования населения Уральского региона.³⁹

В целом по Уралу между переписями 1926 и 1939 гг. население увеличилось на 25,5 %, городское выросло на 260 %, а сельское — сократилось на 3,1 % (с 8,98 млн до 8,7 млн человек). Наибольшая убыль селян отмечалась в тех областях, где интенсивнее шел процесс индустриализации (в Пермской, Свердловской и Челябинской). В то же время в Башкирии, Удмуртии, Оренбургской области наблюдался рост сельского населения, здесь естественный прирост значительно перекрывал число выбывших из села.⁴⁰ Население Урала выросло за счет миграции. Миграционный прирост населения региона в 1930-е гг. превысил естественный прирост почти в 2 раза. Причем основным вектором миграции было движение населения из сельских местностей в городские.⁴¹

В годы Великой Отечественной войны переселения на Урал также, как и до войны, носили добровольный и насильственный характер, но изменились причины миграции. Поток переселенцев был связан с эвакуацией на Урал более 788 промышленных предприятий с работниками и членами их семей, а также беженцами. Эвакуация проходила в два этапа: первый — летом и осенью 1941 г., второй — летом и осенью 1942 г. На первом этапе эвакуации, уже в ноябре 1941 г., Урал принял 1 млн эвакуированных, к концу года их число выросло до 1,5 млн человек, а к апрелю 1942 г. — до 1,6 млн. Затем в результате естественной убыли

³⁹ См.: Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Урал. ист. вестн. 2012. № 2 (35). С. 53.

⁴⁰ См.: Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920–1930-е годы // Институты развития демографической системы общества: сб. материалов V Урал. демограф. форума с междунар. уч. Екатеринбург, 2014. С. 291.

⁴¹ См.: Население Урала. XX век... С. 7.

и частичной реэвакуации количество эвакуированного населения к лету 1942 г. сократилось до 1,4 млн, а в связи с новой волной эвакуации выросло до 1 520,3 тыс. человек к лету 1943 г.⁴²

На первом этапе эвакуации наибольшее число людей прибыло на Урал из центральных областей России (из Москвы, Ленинграда), с Украины (Киевской, Днепропетровской и Сталинской областей), Белоруссии, Крымской АССР и Прибалтики. В течение 1942 г., на втором этапе, значительную долю составляли эвакуированные из Ленинграда, Краснодарского и Ставропольского краев, автономных республик Северного Кавказа, а также из Воронежской и Сталинградской областей. На территории Урала была размещена четвертая часть всех эвакуированных в РСФСР. Эваконаселение оказывало существенное воздействие на динамику численности населения региона. Удельный вес эвакуированных среди всего населения Урала в конце 1941 г. составлял 9,9%, через год доля эвакуированных сократилась незначительно и составляла 9,7%, на начало 1944 г. — 7,0%, к началу 1945 г. — 4,2% и к июню 1945 г. — 2,8%. Реэвакуация населения к местам их прежнего жительства проводилась по мере освобождения территории от врага и осуществлялась по распоряжениям и постановлениям правительства, а также в индивидуальном порядке по вызовам областных, краевых и городских исполкомов. На территории РСФСР на 1 января 1946 г. остался 1 млн эвакуированных граждан.⁴³

Второй поток переселенцев на Урал связан с массовой депортацией народов из Крыма, Северного Кавказа, Поволжья. К августу 1946 г. в регионе насчитывалось около 150 тыс. немцев, калмыков. Третий поток составили военнопленные и интернированные. Летом 1946 г. их насчитывалось на Урале 220 тыс. человек. Только в Свердловской области иностранных военнопленных Второй мировой войны было размещено 82,3 тыс. человек.⁴⁴

⁴² См.: Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Урал. ист. вестн. 2015. № 4 (49). С. 115.

⁴³ См.: Корнилов Г. Е. Эвакуация гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны: дискуссия о количестве размещенных в восточных районах РСФСР // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. материалов VI Урал. демограф. форума с междунар. уч. Екатеринбург, 2015. С. 70.

⁴⁴ См.: Суржикова Н. В. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006. С. 67.

Приток населения на Урал сопровождался одновременно и его оттоком. За 1942–1945 гг. Урал потерял 2,7 млн человек (на начало 1942 г. население региона составляло 15,6 млн человек, на начало 1946 г. — 12,9 млн). Наибольшие людские потери понесла деревня. В 1942–1944 гг. в уральской деревне фиксировалась естественная убыль населения, шел отток трудоспособного населения на предприятия, стройки, транспорт, отсутствовала бронь при призыве в армию для мужчин, занятых в сельском хозяйстве. Сельское население региона за годы войны сократилось на 2,2 млн человек (на 25 %), резко деформировалась половозрастная структура.⁴⁵

В 1930–1940-е гг. в регионе фиксировались высокие темпы урбанизации. Только за годы войны число городов и поселков городского типа выросло с 226 до 282.⁴⁶ На Урале изменилось соотношение городского и сельского населения. Если до войны доля горожан составляла 37,5 %, а селян — 62,5 %, то к концу войны — соответственно 49,4 и 50,6 %. Впервые в истории региона количество горожан и селян уравнилось. Возросшие темпы военно-промышленного строительства на Урале ускорили рост городского населения. Основой этого роста являлись миграции. Доля миграций в приросте городского населения Свердловской области составляла в 1941–1945 гг. 94 %.⁴⁷ Решающая роль в этом принадлежала сельским жителям. Причинами, толкавшими селян к переезду, были не только мобилизации и призывы, но и крайне низкий уровень жизни, тяжелые условия труда и быта, малая заинтересованность колхозников, работников совхозов и машинно-тракторных станций в развитии общественного хозяйства.⁴⁸

Демографическая ситуация в послевоенной деревне изменилась, однако тяжелые условия труда и быта по-прежнему выталкивали население из села. За годы четвертой пятилетки количество селян в Свердловской области сократилось на 9,6 %.

⁴⁵ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993. С. 154.

⁴⁶ См.: Кругликов В. В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 23.

⁴⁷ См.: Корнилов Г. Е. Уральское село и война. С. 149.

⁴⁸ См.: Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67–82.

Миграция из села увеличивалась в условиях резкого ухудшения продовольственной ситуации, связанного с неурожаем 1946, 1950, 1952 гг. Еще одной распространенной формой миграции из села был отъезд в город для учебы в ремесленных училищах, школах фабрично-заводского обучения и других учебных заведениях. Часть отслуживших в Советской армии обратно в деревню не возвращались. Доля прибывших из села в город преобладала над другими группами прибывших. По Свердловской области в 1946 г. они составляли 46,9 % всех прибывших, в 1949 г. — 53,3 %, в 1951 г. — 46,9 %. Основной миграционный поток в города происходил из своей области. Внутриобластная миграция составляла около 40 % по прибытию. Миграционные потоки шли внутри области из района в район, из села в города своего и других районов и в города областного подчинения. Среди прибывавших преобладали женщины (54–59 %). Начавшееся в 1950-е гг. сселение малых деревень привело к тому, что часть колхозников навсегда покинули сельскую местность.⁴⁹

В первое послевоенное пятнадцатилетие население Урала пополнялось демобилизованными военными; советскими воинами, освобожденными из немецкого плена; жителями западных районов Украины, Белоруссии, Прибалтики. Приток населения был связан и с развернувшимся строительством объектов атомной промышленности и пяти «закрытых городов» (ныне Лесной, Новоуральск, Озёрск, Снежинск, Трехгорный).⁵⁰ За 1946–1958 гг. население региона увеличилось на 4,6 млн человек (на 35,9 %), из них 3 млн человек приходилось на естественный прирост, 1,6 млн дал миграционный прирост.

Таким образом, вторая фаза миграционного перехода на Урале характеризовалась массовой миграцией из села в город, охватившей все территории региона, и изменением соотношения городского и сельского населения.

Выделенные две фазы миграционного перехода на Урале опережали развертывание первой фазы демографического перехода. Миграция и способ расселения выступали мощными социально-

⁴⁹ См.: Корнилов Г. Е. Демографическая ситуация в уральской деревне в послевоенные годы // Население России: историко-демографическое измерение. М., 2016. С. 196, 200, 201.

⁵⁰ См.: Мельникова Н. В. Закрытый город: население и его менталитет (1950–1960-е годы). Екатеринбург, 2001.

экономическими факторами исторических сдвигов в функционировании демографической системы Урала и его развития.

Третья фаза миграционного перехода на Урале, начавшаяся с конца 1950-х гг., сопровождалась ослаблением миграции из села в город и некоторым снижением темпов урбанизации по сравнению с предшествующим периодом, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры расселения. Миграции носили ступенчатый характер: сельское население чаще переезжало в малые и средние города и на новостройки, жители малых и средних городов, особенно молодежь, устремлялись в крупные города, где находились учебные заведения и имелись свободные рабочие места.

В 1960-е гг. Урал утрачивает лидирующее положение по темпам прироста населения. На миграционное движение оказало мощное влияние принятие законов, разрешавших репрессированным народам выезжать за пределы территорий вынужденного переселения, были сняты ограничения на выезд из сельской местности (паспортизация сельского населения).⁵¹ Были ликвидированы самые жесткие способы контроля государства за территориальным перемещением населения, и начала возрастать роль экономических и социальных стимулов миграции. Сокращались также объемы подконтрольных государству организованных миграций, являвшихся, по мнению западных ученых, «модификацией принудительного труда»: плановых сельскохозяйственных переселений, вербовок и организованных наборов рабочей силы, общественных призывов, распределения специалистов после окончания ими учебы. В то же время государство продолжало играть значительную роль в привлечении мигрантов в районы нового хозяйственного освоения, такие как Западная Сибирь, пользуясь основными «инструментами» регулирования миграции в виде политики размещения производительных сил по территории страны, заработной платы, системы различных льгот, развития социальной инфраструктуры.⁵²

⁵¹ См.: Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009; Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Урале в конце 1950 — середине 1980-х гг. // Ученый и его школа: сб. науч. тр.: к 60-летию В. М. Кириллова. Н. Тагил, 2012. С. 523–532.

⁵² См.: Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ / Г. Г. Корнилов, Г. Е. Корнилов, Н. А. Михалев, А. Г. Оруджиева. Екатеринбург, 2013. С. 203–218.

Свобода перемещений создала мощные предпосылки для изменения массового поведения, прежде всего селян. Для них стало доступным огромное разнообразие видов деятельности, увеличилось количество вариантов индивидуальных жизненных путей. Благодаря свободе перемещений открылись новые каналы вертикальной социальной мобильности. Свобода миграции обеспечивала главный принцип демократической модернизации — свободу выбора в том, что касается личной жизни человека. Общество становилось более восприимчивым и открытым для нововведений.

Миграционные процессы на этой фазе (1960 — начало 1990-х гг.) имели достаточно интенсивный, хотя и волнообразный характер. За это время наблюдались три наиболее заметных волны миграционной активности городского и сельского населения на Урале: конец 1950-х — 1960-е гг., 1970-е гг., 1980-е гг., при этом каждая последующая волна уступала по величине предыдущей. Соответственно отмечались миграционные провалы: в середине 1960-х гг., в конце 1970-х гг., в начале 1990-х гг. Циклический характер миграции в обозначенный период был обусловлен действием ряда факторов, главные из них: демографические (омоложение состава населения), экономические (регион терял притягательную силу). Кроме того, снижение потока мигрантов было связано с абсолютным сокращением сельского населения региона.

На этой фазе миграционного перехода сокращение сельского населения и сельских населенных пунктов на Урале продолжалось ускоренными темпами. Интенсивность сельской миграции была следствием проводимой государством политики сселения «неперспективных деревень». В Свердловской области количество сельских населенных пунктов сократилось с 3 549 в 1959 г. до 2 051 в 1979 г. (в 1,7 раза).⁵³ В 1970-е гг. село уже практически исчерпало себя как источник рабочей силы для промышленности, избыточных людских ресурсов в сельской местности практически не осталось. Обезлюдение деревень привело к тому, что с 1950-х гг. в сельском хозяйстве ощущалась острая

⁵³ См.: Корнилов Г. Е. Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960–1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007. С. 54.

нехватка рабочих рук в индустриальных областях Урала для проведения сельскохозяйственных работ, особенно в период уборки урожая, привлекались горожане.

К середине 1960-х гг. завершилась основная фаза демографического перехода. Изменение установок репродуктивного поведения семьи распространилось и на сельскую местность. В результате эволюции рождаемости деформировалась половозрастная структура сельского населения, возросла доля селян пожилого возраста, сократилась доля детей и молодежи. Во второй половине XX столетия в уральской деревне шло сокращение естественного прироста в силу изменений рождаемости и смертности. Общий прирост сельского населения являлся либо отрицательным, либо нулевым.

Урал выполнял роль «кузницы кадров». Отток квалифицированных кадров и специалистов компенсировался молодежью из сельской местности. Всплеск миграции из села, особенно в 1960-е гг., произошел в результате введения паспортов для сельского населения и сселения так называемых «неперспективных деревень». В 1960–70-е гг. сельскую местность Свердловской области ежегодно покидало до 60 тыс. человек, в 1980-е гг. выбытие из села заметно сократилось и составляло около 40 тыс. человек.⁵⁴

За 1959–1969 гг. безвозвратная миграция из уральского села составила 1,1 млн человек, половина мигрантов осела в городах и рабочих поселках региона. Численность сельского населения Урала сократилась на 8 %, а горожан увеличилась на 12 %.⁵⁵

Следующий межпереписной период (1970–1978 гг.) характеризовался самыми низкими темпами роста населения региона (2,1 %), при этом городское население увеличилось на 12 %, а сельское сократилось на 16 %. Основной причиной была миграция из региона. Создание и развитие мощных промышленных комплексов за Уралом и государственная политика освоения природно-сырьевых восточных районов стали главной причиной

⁵⁴ См.: Черезова О. Г. Сельское население Среднего Урала во второй половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 16; Она же. Рождаемость и смена репродуктивных установок населения Свердловской области в 1960–1970-е гг. // Урал. ист. вестн. 2014. № 3 (44). С. 112–117.

⁵⁵ См.: Население Урала. XX век... С. 136–143.

миграции в восточном направлении. Отток сельского населения усилился — в среднем 108 тыс. человек в год против 100 тыс. человек в предыдущий период. Особенностью этого периода стало снижение межрегиональных связей, на миграцию в пределах района пришлось до 80 % всего объема миграции. В 1970–80-е гг. основную роль в формировании населения региона стал играть естественный прирост.

За десятилетие между переписями 1979 и 1989 гг. население Урала увеличилось на 4,3 %, при этом городское выросло на 10,2 %, а сельское сократилось на 9,9 %.⁵⁶ Особенно четко проявилась тенденция концентрации населения в крупных городах, где сосредоточилась треть всего населения. Уровень урбанизации в регионе вырос с 69 % в 1970 г. до 75 % в 1989 г. Отток сельского населения снизился, но по размерам он значительно превышал темпы высвобождения рабочей силы из сельского хозяйства. Размеры миграции из уральского села в 2,3 раза превысили величину естественного прироста. Перепись населения 1979 г. показала, что в Уральском экономическом районе 45 % населения проживали с рождения постоянно, 55 % — были переселенцами. В эти годы появилась тенденция замкнутости территории Урала, где на миграцию в пределах района пришлось 86 % всего объема миграции. Соответственно, ослабили миграционные связи с другими регионами.⁵⁷

Основными причинами оттока населения с Урала были экономические и социальные: отработка ряда месторождений полезных ископаемых, затянувшаяся модернизация и реконструкция предприятий, слабое хозяйственное развитие малых и средних городов, значительное различие в жизненном уровне населения Урала по сравнению с другими регионами. Превалирование тех или иных основных причин, приводивших к отъезду из села, на протяжении с конца 1950-х по начало 1990-х гг. изменялась. Если в 1950–60-е гг. основной причиной отъезда из

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: стат. сб. М., 1990. Т. 10: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства по СССР, союзным и автономным республикам, краям и областям; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1993. Т. 12: Продолжительность проживания населения СССР в месте постоянного жительства.

села считался низкий уровень оплаты труда, то в 1970–80-е гг. все чаще на первый план выходили тяжелые условия труда и более низкий уровень жизни в сельской местности по сравнению с городской, это свидетельствовало о распространении в среде сельского населения городских стандартов жизни.

Таким образом, в третьей фазе миграционного перехода в регионе произошло предельное истощение такого источника миграции как сельское население, исчезли миграции насильственные и принудительные. Основными чертами позднесоветского периода являлись рационализм формирования территориального размещения населения как источника трудовых ресурсов в крупных и средних городах, и метод регулирования миграционных потоков, в том числе оптимизация миграционного движения населения «село — город».

Миграция во все времена вносила свои коррективы в формирование численности и состава населения любой территории. На протяжении почти 30 лет (конец 1950-х — начало 1990-х гг.) Пермская, Свердловская и Челябинская области имели отрицательное сальдо миграции почти со всеми регионами РСФСР и союзными республиками СССР. Чаще всего уезжало население и особенно молодежь из сельской местности, малых и средних городов. Уральские кадры рабочих и специалистов высоко ценились повсюду. За эти годы Свердловская область безвозвратно отдала свыше полу-миллиона своих граждан. Почти половина из них переселилась в Казахстан, республики Средней Азии, в Украину и другие страны, где шло активное строительство новых промышленных объектов, осваивались новые месторождения. Много жителей области осело на севере Тюменской области (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа). Потери населения этого периода вследствие миграции компенсировались его естественным приростом.

Четвертая фаза миграционного перехода фиксируется с начала 1990-х гг. и не закончилась по сей день, для нее характерны рост возвращенной миграции, перемещение населения из города в город, из города в село и увеличение переездов из менее экономически развитых районов в более развитые. Эта фаза совпала с развалом СССР, изменениями в социально-экономическом развитии страны, переходом к рыночной экономике. В результате

снижения потребности в иногородней рабочей силе, резкого удорожания стоимости жизни, обострения криминогенной обстановки областные центры в 1990-е гг. потеряли свои приоритеты в общем миграционном балансе. Отток населения в сочетании с естественной убылью привели к уменьшению численности населения Урала с 20,33 млн человек в 1990 г. до 19,75 млн в 2002 г. (на 2,9 %). Наибольшее сокращение испытали Курганская область (на 8,1 %), Пермская (на 6,9 %) и Свердловская (на 6,1 %). В то же время население Оренбургской области выросло на 0,7 %, а Республики Башкортостан — на 3,5 %.

Демографический потенциал городских и сельских территорий Урала в последнем десятилетии XX в. формировался в условиях сложной социально-экономической ситуации, обусловленной трансформациями экономической и социальной политики государства. Наиболее отчетливо эти тенденции проявились в Свердловской области. Демографическая ситуация в Свердловской области обусловлена начавшимся с конца 1991 г. процессом депопуляции населения, охватившим практически все территории.⁵⁸ Сокращение численности населения Свердловской области происходило как за счет естественной убыли населения, так и на фоне миграционной его убыли (в отличие от России в целом, где сокращение численности населения произошло за счет естественной убыли населения при сохранении положительного сальдо внешней миграции). Обозначившееся в 1991 г. явление было определено демографами как демографический переход к малодетному и незамещающему типу воспроизводства, получившему название «демографического креста».

В 1991 г. показатели смертности в Свердловской области превысили показатели рождаемости. За 1991–2002 гг. показатель рождаемости колебался от 10,8 ‰ в 1991 г. до 8,3 ‰ в 2000 г. и 9,8 ‰ в 2002 г. Общий показатель смертности населения за это время увеличился с 11,5 ‰ до 17,0 ‰. В результате с 1991 г. по 2002 г. естественная убыль населения Свердловской области составила 337 тыс. человек. Миграционный прирост лишь на

⁵⁸ См.: Численность и естественное движение населения Свердловской области за 1990–2002 гг.: сб. Екатеринбург, 2003. С. 20.

22 % компенсировал естественную убыль, численность населения уменьшилась на 264 тыс. человек, или на 5,5 %.⁵⁹

Географическое положение Свердловской области таково, что через ее территорию проходят миграционные потоки иностранных граждан, переселенцев и трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, Юго-Восточной Азии в Россию и Западную Европу. Основными причинами миграции являлись личные семейные обстоятельства, возврат к прежнему месту жительства, переезд в связи с учебой или работой.

Причина массовых перемещений в рассматриваемый период — распад бывшего СССР и образование самостоятельных государств. В один момент 25 млн русских и 12 млн русскоязычного населения оказались на территории иностранных государств. До 1995 г. ежегодный миграционный прирост (разница между числом прибывших и выбывших) по Свердловской области превышал 20 тыс. человек. К 2001 г. объемы перемещений сократились более чем в 1,5 раза, интенсивность миграции снизилась, но все еще оставалась высокой. Миграционный прирост уменьшился до 4,3 тыс. человек, или в 5 раз.

В 1990-е гг. появилась возможность эмиграции из страны, фиксировалось значительное увеличение выезда населения, преимущественно в Германию, США, Израиль. С 1992 г. меняется структура формирования миграционного сальдо, заметную часть его стала составлять международная миграция со странами СНГ и Балтии.

В то же время в Свердловской области стали регистрироваться беженцы и вынужденные переселенцы, в 1994 г. прибыли 3 692 семьи численностью 8 653 человека. Более 80 % этих семей ранее проживали на территории бывших советских республик Средней Азии. Большинство беженцев и вынужденных переселенцев в Свердловскую область — русские (77 %). Территорией расселения стала городская местность (89 %). Основную долю среди прибывших составляли люди в трудоспособном возрасте (60 %) и дети (32 %). Около 50 % беженцев старше 16 лет имели высшее и среднее-специальное образование.⁶⁰

⁵⁹ См.: Свердловская область: демографическая ситуация в последнем десятилетии XX века: сб. Екатеринбург, 1999. С. 90.

⁶⁰ См.: Свердловская область в 1990–1994 годах: сб. Екатеринбург, 1995. С. 36.

Материалы микропереписи 1994 г. позволяют проанализировать продолжительность проживания населения, выявить состояние его миграционной подвижности. Население старообжитых территорий региона обладало большей стабильностью. 3/5 всего населения Башкирии, Удмуртии, Пермской и Челябинской областей проживали в данной местности с рождения. Удельный вес коренного населения на селе был выше, чем в городе.⁶¹

В 1989–2002 гг. для Свердловской области — с учетом нарастания тенденций отечественной эмиграции и преобладания миграции из стран бывших союзных республик — было характерно изменение этнической составляющей населения, а также социального и культурного аспектов формирования общества. По данным переписей 1989 и 2002 гг. доля русского населения в общей численности населения Свердловской области увеличилась, в то же время доля других этносов снизилась.⁶²

Рост городского населения остановился. Тяжелый экономический кризис привел к резкому сокращению рабочих мест на рынках труда крупных промышленных центров, а возможность ведения собственного подсобного хозяйства в сельской местности отчасти нивелировала последствия падения уровня жизни. Данные переписи 2002 г. говорят не только о резком замедлении темпов роста уровня урбанизации, но и о появлении обратного процесса — дезурбанизации (снижении доли городского населения). В Уральском экономическом районе доля городского населения в 1989 г. составляла 74,1 %, в 2002 г. — 73,6 %. Здесь снижение уровня урбанизации сопровождалось сокращением общей численности населения городов.⁶³ Сокращение городского населения Свердловской области происходило прежде всего из-за естественной убыли населения, не компенсируемой миграционным приростом. Население областного центра Екатеринбургa

⁶¹ См.: Микроперепись 1994 г. о демографическом развитии Урала и прилегающих территорий. Екатеринбург, 1995. С. 49.

⁶² См.: Численность и естественное движение населения Свердловской области за 1990–2002 гг. С. 25.

⁶³ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1993. Т. 12: Продолжительность проживания населения СССР в месте постоянного жительства; Всероссийская перепись населения 2002 г. Итоги переписи. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 12.05.2017).

сократилось с 1 364,6 тыс. человек в 1989 г. до 1 293,5 тыс. в 2002 г. (на 5,2 %), в других крупных городах области сокращение было существенно больше: в Нижнем Тагиле на 11,2 %, в Каменск-Уральском — на 10,4 %, в Первоуральске — на 7,0 %.⁶⁴ Сокращение городского населения в регионе ранее на протяжении всего столетия не фиксировалось.

Модернизационная парадигма в большей мере инспирировала потоки и направления миграции на территории Урала в XX в. Активизация миграционного движения была вызвана и двумя мировыми войнами, гражданской войной в России. Анализ статистики механического движения, объемов и направлений миграции, государственной миграционной политики позволил выделить четыре фазы в истории миграции населения на Урале. На протяжении столетия (за исключением 1990-е гг.) преобладала внутренняя миграция, когда рабочая сила искала свое место в модернизированных секторах экономики. На первой и второй фазах (первая половина столетия) Урал в социально-экономическом плане был привлекателен в связи с быстрым экономическим ростом. Основным участником миграции в регионе выступало крестьянство. Однако на третьей и четвертой фазах деревня исчерпала свой демографический потенциал, перестала быть основным источником пополнения трудовых ресурсов городов. В 1990-е гг. распад СССР усилил миграционное движение. Основным содержанием перемещений стала трудовая миграция, центром притяжения оказались мегаполисы и крупные города. Впервые в истории миграции населения региона (четвертая фаза) на Урал направился поток иностранных переселенцев. Первый поток представляло русскоязычное население бывших союзных республик СССР, но он быстро иссяк. Второй поток, состоявший в основном из выходцев новых государств Средней Азии, представляли недостаточно образованные мигранты, и регион мог предоставить для низкоквалифицированных работников только ограниченное количество рабочих мест. В этой фазе миграция не компенсировала естественную убыль населения региона.

⁶⁴ Всероссийская перепись населения 2002 г. Распределение населения регионов РФ по полу и возрасту (5- и 1-летние возрастные группы). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_02.php?reg=59; http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=58 (дата обращения: 12.05.2017).

Учитывая, что при изучении миграционных процессов начала XXI в. необходимо принимать во внимание факторы скрытой и нелегальной миграции, а также изменения законодательной и методологической базы учета мигрантов, наиболее актуальными становятся вопросы междисциплинарного подхода, выявление своеобразной источниковой базы для исторических исследований. Тенденции миграционного движения, проявившиеся в 1990-е гг., наиболее отчетливо заявят о себе в начале XXI в., однако уже сейчас очевидно, что вектор миграционных процессов сменился — как по масштабу, так и по структуре явления.

Корнилов Геннадий Егорович — д.и.н., профессор, заведующий сектором экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: *genakorn@mail.ru*

Gennady E. Kornilov — Doctor of Historical Sciences, professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

TURN TO THE EAST: MIGRATION OF POPULATION TO AND FROM THE URALS IN THE 20TH CENTURY

The article presents a retrospective analysis of models of migration movement in the Urals during the twentieth century. Resettlement of the population for the most part from the European part of the country to the eastern regions played a leading role in shaping the population of the Urals region. The population growth in the region of the first half of the 20th century was due to settlers, in the second half of the century the Urals took part in the formation of the population of the country's eastern regions. Based on the published documents and archives, forms, directions and scale of migration were established. The overwhelming majority of migrants were of a village origin. Most of the migrants went to cities, which led to accelerated urbanization. The author made an attempt to link the phases of demographic changes in the Urals with the stages of migration, and to demonstrate the impact of migration on the demographic potential of the region.

Keywords: migration, migrants, migration movement, forced resettlement, voluntary resettlement, formation of population, the Urals

Список литературы

Вакатова Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии // Ученые записки Пермского университета. 1964. № 108. С. 135–152.

Вакатова Л. П. Социально-экономические итоги столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии // Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края: сборник статей. Пермь, 1965. С. 84–100.

Журавлева В. А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД СССР) // Социс. 1990. № 11. С. 3–17.

Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социс. 1991. № 10. С. 3–21.

Каракулов Д. В. Голод 1921–1922 гг. на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е — начало 50-х гг.: в 2 ч. Н. Тагил, 1996. Ч. 1: Репрессии 1920–1930-х гг.

Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001.

Корнилов Г. Е. Миграция сельского населения Уральского региона в годы войны // Отечественная история. 1993. № 3. С. 67–82.

Корнилов Г. Е. Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

Корнилов Г. Е. Аграрная политика и аграрное развитие Урала в 1960–1980-е гг. // Урал в преддверии перестройки. Екатеринбург, 2007. С. 50–63.

Корнилов Г. Е. Население Свердловской области в первые годы образования // Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XIII–XX вв.). Екатеринбург, 2011. С. 72–75.

Корнилов Г. Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 48–57.

Корнилов Г. Е. Трансформация демографических структур в уральской деревне в 1920–1930-е годы // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2014. С. 290–296.

Корнилов Г. Е. Эвакуация гражданского населения СССР в годы Великой Отечественной войны: дискуссия о количестве размещенных в восточных районах РСФСР // Демографические процессы на постсоветском пространстве: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2015. С. 66–71.

Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112–121.

Корнилов Г. Е. Демографическая ситуация в уральской деревне в послевоенные годы // Население России: историко-демографическое измерение. М., 2016. С. 191–202.

Корнилов Г. Е., Павлова О. В. Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 210–227.

Кругликов В. В. Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007.

Мельникова Н. В. Закрытый город: население и его менталитет (1950–1960-е годы). Екатеринбург, 2001.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996.

Корнилов Г. Г., Корнилов Г. Е., Михалев Н. А., Оруджиева А. Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург, 2013.

Плотникова Г. Н. Миграционные процессы крестьянского населения Пермской губернии в пореформенный период (1861–1904 гг.) // Исследования по истории Урала: сборник статей. Пермь, 2005. С. 101–103.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. М., 1956.

Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009.

Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург, 2006.

Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

Сурина М. В. Этномиграционные процессы на Урале в конце 1950 — середине 1980-х гг. // Ученый и его школа: сборник научных трудов: к 60-летию В. М. Кириллова. Н. Тагил, 2012. С. 523–532.

Черезова О. Г. Рождаемость и смена репродуктивных установок населения Свердловской области в 1960–1970-е гг. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 112–117.

Черезова О. Г. Сельское население Среднего Урала во второй половине XX века (историко-демографические процессы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Gatrell P. A whole empire walking refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999.

Kessler G. The passport system and state control over population flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde russe. 2001/2-3-4. Vol. 42. P. 477–504.

М. Ю. Тараканов

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА НИЖНИЙ ТАГИЛ В 2000-х гг.

УДК 314.7(470.54)

В статье проанализированы особенности миграции населения города Нижний Тагил в 2000–2008 гг. Приводятся данные об изменении миграционной активности, возрастном составе мигрантов, основных направлениях миграционного движения и миграционных связях населения города.

Ключевые слова: *население, Нижний Тагил, миграция, направления миграции, миграционные связи*

Миграция является одним из важнейших демографических процессов, оказывающим существенное влияние как на численность населения, так и на его качественные характеристики.

В различные временные периоды механическое движение жителей Нижнего Тагила имело свои особенности. Менялся возрастной и половой состав мигрантов, территориальные источники роста населения города, направления миграционных потоков и т. д. Обладал своими специфическими чертами и период 2000-х гг.

Наблюдавшаяся в 1990-х гг. тенденция снижения миграционной активности населения Н. Тагила сохранялась в городе до 2004 г. В 2003 г. показатель миграционного оборота опустился до минимального уровня — в 5 772 человека, что было связано с сокращением числа как ежегодных выбытий из города, так и прибытий в город (см. табл. 1). Если в 1990 г. в Н. Тагил приехало 11 566 человек, то в 2003 г. уже в 3,7 раза меньше. Отток мигрантов из города за аналогичный период снизился еще сильнее — в 4,4 раза, что обеспечило в 2000, 2001 и 2003 гг. положительное сальдо миграции.

С 2004 г. преобладающей тенденцией стала тенденция роста как абсолютных, так и относительных показателей миграционной активности населения (см. рис. 1). Так, например, коэффициент миграционной подвижности к 2008 г., по сравнению с 2003 г., вырос на 20,1 % — с 14,9 до 17,9‰.

Таблица 1

ОБЩИЕ РАЗМЕРЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
г. Н. ТАГИЛ в 1990–2008 гг.,* ЧЕЛ.

Год	Прибыло	Выбыло	Сальдо	Оборот
1990	11 566	11 755	–189	23 321
1991	9 640	10 208	–568	19 848
1992	7 083	8 482	–1 399	15 565
1993	6 328	8 023	–1 695	14 351
1994	6 937	7 178	–241	14 115
1995	6 688	7 038	–350	13 726
1996	5 596	5 277	319	10 873
1997	4 375	4 883	–508	9 258
1998	3 964	4 524	–560	8 488
1999	3 609	4 164	–555	7 773
2000	4 028	3 811	217	7 839
2001	3 713	3 393	320	7 106
2002	2 648	3 584	–936	6 232
2003	3 084	2 688	396	5 772
2004	2 957	3 509	–552	6 466
2005	2 678	3 441	–763	6 119
2006	3 046	3 276	–230	6 322
2007	3 146	3 375	–229	6 521
2008	3 393	3 312	81	6 705

* Составлено и рассчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 49; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 68; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1061. Л. 59.

Рисунок 1. Миграционная подвижность населения г. Н. Тагил в 1990–2008 гг.

Сост. и расщ. по: Демографический ежегодник СССР. 1990: стат. ежегодник. М., 1990. С. 21; Российский статистический ежегодник. 2002: стат. сб. М., 2002. С. 99; Свердловская область в цифрах. 1986–1990 годы: стат. сб. Екатеринбург, 1991. С. 15; Свердловская область в 1993–1997 годах: стат. сб. Екатеринбург, 1998. С. 27; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 48; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 67; Д. 859. Л. 56; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1029. Л. 59; Д. 1061. Л. 59.

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

г. Н. Тагил в 2001–2008 гг., * %

Год	Прибыло		Выбыло	
	Из городов	Из сельских местностей	В города	В сельские местности
2001	69,0	31,0	75,0	25,0
2003	69,9	30,1	72,7	27,3
2004	71,9	28,1	75,5	24,5
2005	63,2	36,8	64,5	35,5
2006	62,4	37,6	67,0	33,0
2008	60,2	39,8	63,0	37,0

* Рассчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3.

Как и в последнем десятилетии XX в., в 2000-х гг. ведущим направлением миграционного движения населения г. Н. Тагил оставалось направление «город — город». Среди переселенцев, прибывших в его пределы в 2001, 2003–2006 и 2008 гг., более 60 % составляли горожане. Выбывали тагильчане также, главным образом, в городские поселения (см. табл. 2). Однако интенсивность миграционного обмена населением с сельской местностью в 2000-х гг. постепенно увеличивалась. За 7 лет удельный вес прибытий в город из сельских населенных пунктов вырос на 28,4 %, а выбытий из Н. Тагила в сельскую местность — на 48 %.

Миграционный обмен населением с другими городами для Н. Тагила складывался не в его пользу. Только за 2004–2006 гг. численность тагильчан из-за превышения числа выбывших в другие городские поселения над числом прибывших из них сократилась на 1 059 человек.¹ В отдельные годы механическую убыль населения Н. Тагилу удавалось снижать благодаря положительному сальдо миграции с сельской местностью.

¹ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5.

Возрастная структура переселенцев в Н. Тагиле в 2000-х гг. продолжила меняться волнообразно. Тенденция сокращения удельного веса мигрантов в возрасте до 16 лет, наметившаяся в 1996 г., наблюдалась в городе по 2005 г. включительно (см. табл. 3). По сравнению с 1995 г. к 2005 г. их доля, в составе прибывших, уменьшилась в 1,9 раза, а в составе выбывших — в 2,6 раза. С 2006 г. удельный вес возрастной группы 0–15 лет вновь начал увеличиваться, первоначально в составе выбывающих из Н. Тагила, а в 2007–2008 гг. вырос до уровня 1993 г. и в составе прибывающих в него.

Таблица 3

Возрастной состав мигрантов г. Н. Тагил в 1990–2008 гг., * %

Год	Прибыло в возрасте		Выбыло в возрасте		Сальдо	
	0–15 лет	16 лет и старше	0–15 лет	16 лет и старше	0–15 лет	16 лет и старше
1990	12,9	87,1	12,9	87,1	–10,1	–89,9
1991	11,5	88,5	12,5	87,5	–29,6	–70,4
1992	13,7	86,3	14,2	85,8	–16,3	–83,7
1993	16,3	83,7	15,7	84,3	–13,6	–86,4
1994	17,6	82,4	18,2	81,8	–33,6	–66,4
1995	21,3	78,7	19,8	80,2	9,4	–109,4
1996	17,3	82,7	15,2	84,8	52,0	48,0
1997	17,0	83,0	15,9	84,1	–6,5	–93,5
1998	13,8	86,2	14,1	85,9	–16,3	–83,7
1999	13,9	86,1	14,3	85,7	–16,4	–83,6
2000	14,3	85,7	14,2	85,8	15,7	84,3
2001	13,2	86,8	11,1	88,9	65,0	35,0
2002	12,8	87,2	8,9	91,1	2,2	–102,2
2003	12,2	87,8	9,8	90,2	28,5	71,5
2005	11,2	88,8	7,6	92,4	5,0	–105
2006	11,0	89,0	7,7	92,3	36,5	–136,5
2007	16,7	83,3	8,2	91,8	108,3	–208,3
2008	16,5	83,5	8,4	91,6	346,9	–246,9

*Составлено и рассчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 566. Л. 85; Д. 708. Л. 49; Д. 765. Л. 54; Д. 835. Л. 68; Д. 910. Л. 58; Д. 957. Л. 6; Д. 1061. Л. 59.

Сальдо миграции в 2000–2001 и в 2003 гг. носило положительный характер как для детей и подростков, так и для более старших возрастов. В 2000 и 2005–2008 гг. в Н. Тагиле при общей

механической убыли населения число лиц, относящихся к возрастной группе 0–5 лет, за счет миграции увеличивалось. Так, например, за 2007 г. оно выросло на 248 человек, а в 2008 г. — на 281 человека.

Анализ миграционных связей населения Н. Тагила показывает, что в 2000-х гг., как и в 1990-х, наиболее активный обмен мигрантами у города происходил с населенными пунктами Российской Федерации (см. табл. 4). В указанные в таблице 4 годы на их долю приходилось от 85,2 до 96,8 % выбывших из Н. Тагила и от 78,5 до 95 % мигрантов, прибывших в его пределы.

Большая часть перемещений внутри Российской Федерации приходилась на вну-трирегиональную миграцию (в пределах Свердловской области). Если в 1997 и 2001 гг. к ней относилось более 40 % всех переездов, то в 2003, 2005 и 2008 гг. — уже более половины. Основные миграционные потоки в Н. Тагил были направлены, прежде всего, из Пригородного района, а также городов: Алапаевска, Березовского, Ирбита и Североуральска; а из Н.Тагила — в Екатеринбург, Кировград, Асбест, Верхнюю Пышму. Иными словами, преимущественно мигрировали в Н. Тагил из северных районов области, а из Н. Тагила — в южные районы.²

Чаще всего в 2000-х гг. сальдо по внутрирегиональной миграции для города было отрицательным. Наиболее значительная миграционная убыль была зафиксирована в 2005 г., когда она составила 507 человек (66,4 % от общей механической убыли за год).³

Еще стабильнее, но в меньших масштабах сокращал население Н. Тагила неэквивалентный обмен мигрантами с другими областями Российской Федерации. В результате него только за 2003–2006 гг. численность жителей города сократилась на 498 человек.⁴

В 2000-х гг., по сравнению с 1990-ми, заметно снизилось влияние на население Н. Тагила международной миграции. Несмотря на то, что до 2004 г. объемы миграционного обмена города как с другими населенными пунктами в пределах России, так и с зарубежными странами уменьшались параллельно, тем не менее, объемы международной миграции сокращались заметно быстрее.

² НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99.

³ Там же. Д. 985. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5.

Таблица 4

МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ Г. Н. ТАГИЛ В 1997, 2001, 2003, 2005 И 2008 ГГ., * %

	1997		2001		2003		2005		2008	
	Прибыло	Въезды	Прибыло	Въезды	Прибыло	Въезды	Прибыло	Въезды	Прибыло	Въезды
Откуда прибыли и куда выехали в т. ч. внутрирегиональная миграция межрегиональная миграция	80,9	85,2	87,2	89,8	95,0	92,2	93,4	93,8	78,5	96,8
	48,2	43,1	52,7	46,2	56,4	52,5	59,3	60,9	51,0	60,8
	32,7	42,1	34,5	43,6	38,6	39,7	34,1	32,9	27,5	36,0
Международная миграция, в т. ч. страны СНГ и Балтии другие зарубежные страны	19,1	14,8	12,8	10,2	5,0	7,8	6,6	6,2	21,5	3,2
	18,6	6,2	12,0	3,1	4,4	2,1	6,1	2,3	20,6	1,5
	0,5	8,6	0,8	7,1	0,6	5,7	0,5	3,9	0,9	1,7

* Составлено и рассчитано по: НТТИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 985. Л. 1; Д. 1065. Л. 3.

В результате чего ее удельный вес в общем миграционном обороте населения Н. Тагила за 1994–2003 гг. снизился в 3,2 раза (см. табл. 5). Еще сильнее доля миграционного оборота с зарубежными странами в валовой миграции сократилась к 2006 г. — до 5,6 %.

Особенно резко уменьшился миграционный обмен со странами СНГ и Балтии. За 1994–2004 гг. он сократился в 15 раз. С другими зарубежными странами за аналогичный период миграционный оборот снизился в 1,9 раза.

Уменьшение объемов миграционного обмена населением со странами СНГ и Балтии, наблюдавшееся в начале 2000-х гг. не только в Н. Тагиле, но и в Российской Федерации в целом, связывают с несколькими причинами, одни из которых повлияли на уменьшение оттока населения из страны, а другие — на его приток.

Причин снижения миграционного оттока из России в государства нового зарубежья две. Первая причина — был практически исчерпан потенциал этнической миграции титульных народов стран СНГ и Балтии из России, вторая причина — неоднозначное социально-экономическое развитие и политические изменения в странах СНГ, которые сдерживают миграционный поток из России в эти государства.⁵

Снижение миграционных потоков из стран СНГ в Российскую Федерацию объясняется нормализацией политической обстановки на постсоветском пространстве и формированием относительно стабильной русской диаспоры в ряде новых независимых государств, затянувшимся решением вопросов обустройства мигрантов, переехавших в Россию в 1990-е гг., проведением в 2002 г. крупной законодательной реформы в Российской Федерации: в частности, вступил в силу федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г., который ужесточил правила въезда иностранных граждан, изменил порядок получения российского гражданства. В результате Россия ограничила переселение бывших своих соотечественников на историческую родину.⁶

⁵ См.: Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., 2007. С. 150.

⁶ См.: Оруджиева А. Г. Трансформация потоков и основные проблемы интеграции Уральского федерального округа в международный рынок труда // Вопросы управления. 2011. № 3. С. 99.

Таблица 5

ВКЛАД МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОГО ОБОРОТА В ПРЕДЕЛАХ РОССИИ
В ОБЩИЙ МИГРАЦИОННЫЙ ОБОРОТ НАСЕЛЕНИЯ Г. Н. ТАГИЛ (1994–2008 гг.)*

Показатель	Год							
	1994	1997	2001	2003	2004	2005	2006	2008
Миграционный оборот в пределах России (чел.)	10449	8053	6287	5605	6047	5728	5965	5869
Миграционный оборот с зарубежными странами (чел.) в т. ч.	2 703	1 618	819	389	419	391	357	836
со странами СНГ и Балтии	2 193	1 138	547	189	146	245	258	750
с другими зарубежными странами	510	480	272	200	273	146	99	86
Удельный вес международной миграции в общем миграционном обороте (%)	20,6	17,5	11,5	6,5	6,5	6,4	5,6	12,5

* Составлено и рассчитано по: НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 883. Л. 99; Д. 929. Л. 4; Д. 957. Л. 6; Д. 985. Л. 1; Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3.

С 2005 г. абсолютные показатели миграционного обмена населением Н. Тагила со странами СНГ и Балтии вновь стали увеличиваться и к 2008 г., по сравнению с 2004-м, выросли в 5,1 раза. Основную роль в этом, вероятно, сыграло как улучшение социально-экономического положения в стране, в том числе и в Н. Тагиле, так и увеличение масштабов учитываемой международной миграции.

Благодаря тому, что пребывало в Н. Тагил в 2000-х гг. из стран СНГ и Балтии больше мигрантов, чем выбывало в обратном направлении (исключением был 2004 г.), весомое отрицательное сальдо миграции по перемещениям внутри России частично, а иногда и полностью компенсировалось миграционным приростом населения из бывших союзных республик. За счет положительной разницы между числом прибывших в город из стран ближнего зарубежья и числом выбывших из него в эти регионы в 2006 г. механическая убыль в Н. Тагиле снизилась на 140 человек, а в 2008 г. был достигнут механический прирост населения.⁷

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья в 2000-х гг. стабильно приводил к снижению численности населения города. Однако, так как абсолютные показатели выбытия тагильчан за пределы бывшего СССР практически ежегодно снижались, а показатели прибытия были достаточно стабильны (колебались в диапазоне от 31 до 12 человек), то отрицательное сальдо миграции также от года к году уменьшалось и за 2001–2008 гг. снизилось в 14,2 раза (с 341 до 24 человек).

Подводя итог, следует отметить, что в 2000-х гг. в механическом движении населения Н. Тагила наблюдались как тенденции, характерные для 1990-х гг., так и новые, наметившиеся только во второй половине десятилетия. На протяжении всего рассматриваемого периода ведущим направлением миграционного движения населения Н. Тагила оставалось направление «город — город», наиболее активный обмен мигрантами у города происходил с населенными пунктами Российской Федерации и, прежде всего, Свердловской области, а миграционный оборот со странами дальнего зарубежья уменьшался. До середины 2000-х гг. сохранялись тенденции снижения миграционной активности населения

⁷ НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1015. Л. 5; Д. 1065. Л. 3.

и показателей миграционного оборота со странами СНГ и Балтии, во второй половине десятилетия сменившиеся на противоположные. В 2005–2008 гг. возросла интенсивность миграционного обмена населением между Н. Тагилом и сельской местностью. Новым явлением, не типичным для предшествующего десятилетия, стал стабильно положительный характер сальдо миграции для возрастной группы 0–15 лет.

Тараканов Максим Юрьевич — к.и.н., доцент кафедры общенаучных дисциплин, Нижнетагильский педагогический колледж № 1 (г. Нижний Тагил)
E-mail: *katar.mik@rambler.ru*

Maxim Yu. Tarakanov — Candidate of Historical Sciences, Nizhny Tagil Pedagogical College № 1 (Russia, Nizhniy Tagil)

MIGRATION PATTERNS OF THE TOWN OF NIZHNIY TAGIL POPULATION IN 2000s

The paper analyzes the patterns of migration of the town of Nizhniy Tagil population in 2000–2007. The author presents the data about the changes in the migration activity, age structure of the migrants, main directions and migration ties of the population of the town.

Keywords: *population, Nizhniy Tagil, migration, migration directions, migration ties*

Список литературы

Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., 2007.

Оруджиева А. Г. Трансформация потоков и основные проблемы интеграции Уральского федерального округа в международный рынок труда // Вопросы управления. 2011. № 3. С. 98–109.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ГАКО — Государственный архив Кировской области
ГАЛО — Государственный архив Липецкой области
ГАНИУО — Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области
ГАНО — Государственный архив Новгородской области
ГАОО — Государственный архив Орловской области
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИ КО — Государственный архив социально-политической истории Кировской области
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области
ИсАОО — Исторический архив Омской области
НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
ЦГА ИПД РТ — Центральный Государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦГА УР — Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области

Научное издание

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И РЕГИОНОВ
Сборник научных трудов

Выпуск II:
миграции населения

Редактор Т. А. Арсенова
Технический редактор и корректор А. С. Кузьмина
Редактор английского текста Н. А. Михалев
Верстка Е. М. Иванова

Подписано в печать 06.06.2018. Формат 60х84/16
Печать офсетная. Бумага ВХИ 80 г/м. Гарнитура Times New Roman
Уч. изд. л. 12. Усл. печ. л. 11,2
Тираж 300 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Адекс-Принт»
620137, г. Екатеринбург. пер. Парковый, 14